

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3
2020

МАЙ •
ИЮНЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Соколовская О.В.* (Москва). Республиканское движение в государственном развитии Греческого королевства в XIX–начале XX века (взаимовлияние республиканских идей в России и Греции) 3
- Савич А.А.* (Брест). Белорусско-польские противоречия в коммунистическом движении Западной Белоруссии в 1920–1930-х годах: историография и перспективы исследования 15
- Станков Н.Н.* (Москва). Советский представитель в Чехословакии П.Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 года – февраль 1923 года) 24
- Кирчанов М.В.* (Воронеж). Политика «очищения» хорватского языка в Независимое государство Хорватия в начале 1940-х годов: истоки, формы, результаты 33
- Носкова А.Ф.* (Москва) К истории советско-польских переговоров осенью 1956 года: пролетарская солидарность и геополитическая обусловленность 43
- Улуян Ар.А.* (Москва). Европейские члены СЭВ и «Третий мир»: экономическая помощь в оценках ЦРУ США (1965–1975 годы) 64
- Михалев О.Ю.* (Воронеж). Возникновение и начальный период деятельности социал-демократии Республики Польша (1989–1991 годы) 78
- Пилипенко Г.П.* (Москва). Дискурсивные практики в речи украинцев Боснии и Герцеговины 89

СООБЩЕНИЯ

- Парфирьев Д.С.* (Москва). «В духе лояльности по отношению к России»: меморандум В.Я. Степанковского 104
- Грасько А.В.* (Москва). «Меня очень тянет в Россию...»: «русский сюжет» в письмах Юлиуса Зейера к Алоизу Кашпару 111
- Шатко Е.В.* (Москва). Сюжетные мотивы в творчестве М. Павича (на примере романов «Внутренняя сторона ветра» и «Другое тело») 118

РЕЦЕНЗИИ

- Пахомова Л.Ю.* К.В. Мельчакова. Босния и Герцеговина в российской общественно-политической жизни в 1856–1875 гг. 125

<i>Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю.</i> Н.Н. Мезга Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния.....	129
<i>Амброзяк Т.</i> Россия и Польша: преодоление исторических стереотипов. XIV–XVIII вв. Пособие для учителей истории.....	132

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Копченова И.В.</i> Конференция «Концепт семьи в славянской и еврейской культурной традиции».....	134
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ
РАЗВИТИИ ГРЕЧЕСКОГО КОРОЛЕВСТВА
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(ВЗАИМОВЛИЯНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ИДЕЙ
В РОССИИ И ГРЕЦИИ)

© 2020 г. О.В. Соколовская

Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

elolga@mail.ru

Статья посвящена проявлениям республиканского мышления у греческих политиков и греческого населения в отдельные периоды истории, а также влиянию на них революционных событий в Российской империи в начале XX в.

The article is devoted to the manifestations of republican thinking of Greek politicians and the Greek population in certain periods of history, as well as the influence on them of revolutionary events in the Russian Empire in the early twentieth century.

Ключевые слова: республиканское движение, Греция и Россия, февральская революция 1917 г.

Keywords: republican movement, Greece and Russia, February Revolution of 1917.

DOI: 10.31857/S0869544X0009512-6

Со времен Древней Греции (правления Перикла в Афинах в V в. до н.э., расцвета Афинской демократии) и Рима известен термин демократия, а республиканская форма государственного устройства стала образцом для подражания в последующем во многих государствах. При этом с древних времен и до наших дней наиболее выдающимися являются два политических движения: демократическое и олигархическое.

Не случайно декабристы в условиях жесточайшей самодержавной цензуры Российской империи, желая выразить свою личную позицию в оценке государственной власти России и ее перспектив, ссылались в своих манифестах на примеры Древней Греции и Рима. П.И. Пестель, наверное, в самом ярком документе конституционного творчества республиканского крыла декабристов «Русской правде» упоминал «блаженные времена Греции, когда она состояла из республик», и сравнивал «величественную славу Рима с плачевным ее уделом под управлением императоров» [1]. Монархическая власть в России карала не только за требования установить республиканский образ правления,

запрещалось даже упоминать о республике. Поэтому и декабристы-республиканцы, и, позднее, революционеры-демократы высоко оценивали демократизм античных республик. Декабристу В.Ф. Раевскому, арестованному 6 февраля 1822 г., на военном суде вменялось и то, что на уроках в полковой школе он характеризовал русскую монархию как деспотически управляемую. При республиканском же правлении, считал он, «народ выбирает сам себе начальников и сам для себя делает законы [2].

В это же время в 20–30-х годах XIX ст. в греческих провинциях другой империи, не менее деспотической, — Османской — росло и ширилось национально-освободительное движение. Большинство греков с самого начала сопротивления против власти над ними османской империи выступало за создание новогреческого государства и за республиканский путь развития. Здесь не обошлось без сильного влияния греческих негодичантов, знакомых с европейской системой управления государством.

Наиболее демократическими были самые первые попытки создания греческого независимого государства. Так, первая греческая конституция — Эпидаврская от 1(13) января 1822 г. — объявляла об «окончании османского господства» и вводила в освобожденные части Греции республиканскую форму правления. Она создавалась под большим влиянием законодательства Великой французской революции. Через пять лет, в мае 1827 г. была принята Трезенская конституция — наиболее полная и демократическая из всех конституций греческой революции. Однако избранный первым президентом греческой республики Иоаннис Каподистрия (ранее занимавший высокие посты в Российской империи, т.к. российский чиновник, разделявший совсем другие идеалы, хотя и считался греческим патриотом), вскоре, распустив парламент, стал править как диктатор. Хотя он признавал право греков самим выбирать государственную систему и своего суверена, но считал лучшей формой правления для Греции конституционную монархию с народным представительством в лице Национального собрания. Вскоре человек, предавший светлые идеалы греческой революции, был убит, а Греция, под напором великих держав-покровительниц стала королевством. Король Оттон I, чужеземец, несмотря на то, что внешне старался угодить грекам и даже носил греческую одежду, но не сумел сплотить греческий народ, и был свергнут в ходе революции 1862–1863 гг. Причем в очередной раз наиболее прогрессивные силы греческой нации начали борьбу за окончательную ликвидацию монархии и за установление на их землях республиканской формы правления. Шансов у восставших было мало, поскольку большинство великих держав-гарантов Греции сами были монархическими государствами и империями. Правительства Великобритании, Франции, России, а также Австрии и Пруссии, решили, что монархическая форма правления лучше всего подходила для удержания Греции в нужных для ее населения (и, конечно, для них самих) рамках. Новым королем эллинов в 1864 г. стал датский принц Георг I, оказавшийся достаточно мудрым политическим мужем, который сумел на протяжении почти 50 лет правления объединить греков и повести их к экономическому и частично политическому прогрессу. Принятие греческой Конституции 1864 г. ознаменовало собой окончание целого периода новогреческой истории, главными этапами которого была национально-освободительная война за независимость страны, создание новогреческого государства и его политической структуры. Вектором развития был переход от президентской республики к абсолютистской, а затем к конституционной монархии, при сильном ограничении права королевской власти,

т.е. произошел окончательный переход к парламентской монархии. Новая греческая конституция формально являлась одной из самых демократических в Европе. Она вводила однопалатный парламент, всеобщее избирательное право и проч. Грекам, страстно желавшим осуществления их великодержавных планов (Мегали идея), импонировало то, что при короле Георге I территория Греческого королевства постепенно расширялась, укреплялась экономика, совершенствовалась политическая система и т.д. Королева эллинов Ольга, супруга Георга I, урожденная русская великая княжна, естественно, была по воспитанию твердой монархисткой. На все замечания, что люди должны избирать своего правителя, она говорила: «Лучше, чтобы мной управлял лев благородного рождения, чем четыре сотни крыс моего же класса» [3. Д. 204. Л. 13].

Борьба многочисленных партий между собой в Греции с самого его создания была настолько жесткой, что нередко дебаты в парламенте заканчивались стрельбой; одно правительство сменяло другое, что в целом ослабляло Грецию. Все это заставляло даже короля Георга I и королеву Ольгу рассуждать о правильности выбранной для страны формы правления. До нас дошел удивительный документ, сохранившийся в ГАРФ РФ, подтверждающий этот факт. Несмотря на то, что греческая королева с самого начала не вмешивалась в политику, но ее замечания о политиках в Греции как-то сами ложились на бумагу. В письме Ольги Константиновны из Афин отцу, великому князю Константину Николаевичу, известного в России своими либеральными взглядами, от 29 марта (10 апреля) 1875 г. Она писала: «Ты себе представить не можешь, (для этого надо иметь с ними дело и жить здесь несколько лет), до какой степени политические люди здесь испорчены, как они бесчестны, бессовестны, ни принципов, ни убеждений у них нет, только низкое самолюбие и безграничное корыстолюбие. И кто из них думает о бедной родине! Это все только на словах, когда они говорят о силе патриотизма! Мы, вот, не Греки, но Бог нам свидетель, что мы ни о чем другом не думаем, ничего другого не желаем, как счастья, спокойствия, величия Греции, что мы ее любим, как бы собственную родину; вот более десяти лет, что Вилли (так звали греческого короля дома — *О.С.*) мучается и трудится, и все это ни к чему не ведет! [...] Но, право, грустно подумать, какой вред приносят эти партии Греции, народ ведь самый добрейший, самый хороший, но он, конечно, сам не судит, а терпит, не рассуждая, а эти партии его притесняют, терзают и все это, упираясь на конституцию. Кто это выдумал, такое уродство? Я все думаю о том, что Ан-Папа (дедушка — датский король Христиан IX. — *О.С.*) сказал, что Он понимает только два рода правительства: самодержавие и республику! Вот бы им здесь республику дать; во-первых, это старинные демократы здесь, а во-вторых, Кумундурос, Вулгарис, Заимис и Делигеоргис¹ могли бы быть по очереди (положим, каждые два года) президентом республики; это может быть успокоило бы их!» [3]. Но республиканское течение, существовавшее более в заграничных отделениях партий, не делало в целом погоды в Греческом королевстве, пронизанном великодержавными идеями, которые требовали немедленного их разрешения. Установившийся почти на столетие строй в Греции не мешал, а скорее помогал, грекам осуществлять свою вековую мечту о Великой Греции. И успехи, особенно к началу XX в., были несомненными. Прогрессивные реформы армии, флота и одновременно политической системы Греции, закрепленные в новой

¹ А.Кумундурос (1817–1883), Д. Вулгарис (1807–1877), Т. Заимис (1822–1880), Э. Делигеоргис (1829–1879) — выдающиеся греческие государственные деятели, которые занимали пост премьер-министра по несколько раз в правление Георга I.

конституции 1911 г., выработанные под руководством короля Георга и нового, выдающегося политического деятеля, премьер-министра Элефтериоса Венизелоса², превратили Грецию в достаточно сильное, современное государство на Балканах. Это позволило Греции сколотить антитурецкий блок совместно с соседними балканскими государствами и выиграть две Балканские войны 1912–1913 гг. Хорошо известно, что по Бухарестскому миру 1913 г., завершившему Балканские войны, население и территория Греции увеличились почти в два раза [4. С. 429–434].

В годы Первой мировой войны Греция долго не решалась присоединиться ни к одной из воюющих коалиций, поскольку ее национальные задачи во многом были решены. Вопрос о нейтралитете или вступлении в войну разделил Грецию на две враждующие части: монархистов во главе с новым королем Константином I, сыном убитого в Салониках в марте 1913 г. Георга I, и сторонников Э. Венизелоса (венизелистов), стремившихся скорее вступить в ряды стран Антанты, чтобы на грядущей мирной конференции не упустить шанса отхватить еще куски османской территории. Этот период греческой истории назван национальным расколом.

Ближе к концу мировой войны внутри венизелистского движения стало развиваться и набирать силу республиканское движение. Прежде всего оно возникло под политическим влиянием западных держав, многие из которых стали уже республиками, особенно Франции, где была самая в то время большая греческая диаспора. Внутри Греции это были сторонники Антанты. Можно также сказать, что этому частично способствовала прогерманская позиция нового короля Греции Константина I, женатого на родной сестре кайзера Вильгельма Софии. Его политика сохранения Грецией нейтралитета в войне, которая по сути была выгодна Центральному блоку держав во главе с Германией, т.е. врагам Антанты. Раскол греческой нации был неизбежен. Осенью 1916 г., сразу после сдачи греческим королем Константином г. Кавалы, порта Рупель и других пунктов немецко-болгарским войскам, несколько островов низложили власть афинского правительства и провозгласили республику. Это был не единственный случай. Республиканское движение нарастало и подпитывалось революционными событиями в России начала XX в. Особенно велико было влияние Февральской буржуазной революции 1917 г., открывшей глаза многим на путь демократического обновления общества.

Многочисленная греческая диаспора России, греческие дипломаты (Ион Драгумис и др.)³ могли наблюдать, как с 1905 г. по февраль 1917 г. основной вопрос политической жизни страны касался установления нового демократического порядка, т.е. преобразования монархического строя либо в конституционно-монархический, либо полной замене монархии республиканской формой государственного управления. Греки, как и весь мир, могли наблюдать, как в условиях массового движения за демократизацию страны, формирования политических партий, российское правительство было вынуждено провести относительно радикальные реформы, связанные с созывом общероссийского представительства с законодательными политическими функциями – Государственной Думы. Новые политические идеи с трудом пробивали себе дорогу в будущее. После первой русской

² Элефтериос Венизелос (1864–1836), греческий политический и государственный деятель, неоднократно занимавший должность премьер-министра с 1910 по 1933 год. Взгляды колебались от либерального республиканизма до консервативного монархизма. Крайний националист.

³ Драгумис Ион (1878–1920). В годы Первой мировой войны был посланником в Греции в Петрограде.

революции 1905–1907 гг. несмотря на все усилия П.А. Столыпина совместить представительство народа и самодержавие, начался быстрый отход от сделанных уступок и намеченных преобразований. Но Царское правительство было уже не в состоянии изменить политическую ситуацию и не нашло на протяжении всего периода с 1905 г. до февраля 1917 г. такую меру уступок, которая удовлетворила бы требованиям умеренных сил и препятствовала бы нарастанию массового движения. В сложный период российской истории партии вырабатывали программные установки по вопросам власти. Основные либеральные партии – октябристы и кадеты – представляли будущее России в форме конституционной монархии. Достичь этой цели они хотели мирным, конституционным путём, хотя кадеты не отрицали возможности политической революции. Меншевики и эсеры стояли за более радикальное преобразование общества с демократической республикой в конце пути. Не исключая революционных способов действия, меньшевики проявляли большую склонность к реформаторству. Большевики отстаивали собственный вариант решения вопроса о власти – уничтожение царизма вооруженным путём и замену ее демократической республикой. Острота социально-экономических противоречий была чревата революционным взрывом, который и произошёл в феврале 1917 г. [2].

Весной 1917 г. не было события по силе своего воздействия на международную политику, равного февральской буржуазно-демократической революции в России. Она оказала огромное влияние также и на греческую политику, разорвав все династические узы, связывавшие афинский и петербургский дворы, лишив греческого короля Константина I ощутимой поддержки со стороны русской монархии. Русская революция всколыхнула весь греческий народ, усилив в нем политическую активность многочисленных партий и движений. Причем республиканское течение охватывало тысячи греков в Старой и особенно в Новой Греции (т.е. присоединенных по Бухарестскому миру 1913 г. территорий), а также жителей многочисленных греческих островов. Интересно, что в ходе происходившей политической борьбы сторонники Э. Венизелоса сами разделились на две части, причем наиболее многочисленная, по свидетельству самого Э. Венизелоса, требовала учреждения республиканского строя в стране. Этой точки зрения придерживались многие дипломаты, политические деятели и среди них будущий первый премьер греческой республики А. Папанастасиу.

Первые же известия, полученные в Греции о новой русской революции, произвели огромное впечатление. Экстренные выпуски газет брались нарасхват, в общественных местах говорили только об этом. «Все другие события, – писал афинский корреспондент “Утра России” 23 марта 1917 г., – даже местные интересы, отошли на второй план». Демократическая общественность России горячо поддержала республиканские идеи греческого народа. Первые сообщения о демократических взглядах греков появились именно в русской прессе. А греческие демократические круги были всецело на стороне русского народа, «собственной кровью отвоевавшего себе свободу и становившегося в ряды демократических стран Европы». По всей Греции прошли митинги в поддержку русской революции, носившие политический характер. Греческий народ требовал решения судьбы своей страны в том же духе. 8 апреля, как писали 12 апреля 1917 г. русские газеты «Утро России» и «Русский инвалид», по донесениям своих корреспондентов, по инициативе греческой политической ассоциации в большом зале Белой Башни в Салониках состоялся грандиозный митинг, на котором население города восторженно выразило свою «глубокую радость и восхищение по поводу обновления России». Мэр Салоник

приветствовал «победу России над тиранией абсолютизма, поддержанного германофильским строем», и выразил пожелание, «чтобы столь же успешно увенчалась [...] борьба греческого народа с тираном и изменником королем Константином». Речь его сопровождалась продолжительными овациями в честь возрожденной России, оркестр исполнил Марсельезу. Затем была принята резолюция, в которой жители Салоник от имени всего эллинского народа приветствовали «знамя русского возрождения, вознесшееся над Царским Селом», и поздравляли «с победой великий русский народ, с которым греческий народ роднит общность религии и традиционная роль России в качестве защитницы эллинизма». Текст резолюции был немедленно передан по телеграфу Временному правительству России.

Находясь под сильным впечатлением от событий в Салониках греческий посол в Париже Атос Романос, выражая мнение греческой диаспоры и конечно, свое личное, телеграфировал 4 апреля Временному правительству в Салоники: «Возможно, недалек тот день, когда слово республика будет произнесено и у нас» [5. Р. 471].

С начала мая русские газеты почти ежедневно помещали сообщения о митингах в различных греческих городах с требованием свержения Константина, подтверждавшие верность державам Антанты и Венизелосу, об усилении республиканского движения. Как сообщал «Вестник Временного правительства» (9 V 1917), сторонники главы временного правительства Э. Венизелоса устроили очередную демонстрацию, на которой обращались к державам Антанты с просьбой заставить Константина отречься от престола. Не дожидаясь помощи от великих западных держав 6 мая 1917 г. на центральной площади Салоник, возле Белой Башни, состоялся очередной еще более грандиозный митинг, собравший около 40 тыс. человек. Это были жители Новой и Старой Греции, беженцы из Малой Азии, Фракии, а также из Кавалы, Серр и Драмы; они единодушно высказались за «низложение правящей династии» (первоначально в тексте резолюции говорилось о низложении короля Константина). Скандируя «Да здравствуют союзники, Венизелос и нация!», «Да здравствует Республика!», толпа направилась в резиденцию временного правительства для передачи резолюции [6. С. 145.].

Возмущение германофильской политикой Константина, подогреваемое венизелитами, охватило даже самые маленькие города и селения Северной Греции и вылилось там в многочисленные митинги, на которых также заявлялось о необходимости свержения Константина и провозглашалась верность Венизелосу и союзникам по Антанте. Либеральные круги греческого общества открыто заявляли, что «никакой компромисс невозможен более между либеральной Грецией и царствующей династией, так как они представляют собою два совершенно различных мира идей и стремлений». Между ними, говорили они, «существует такое же непримиримое и глубокое противоречие, как между режимом демократической России и автократическими стремлениями династии Гогенцоллернов». Сообщение об этом 3 июня 1917 г. поместила газета «Новое время», также пристально следившая за событиями в Греции. А 14 июня, забыв о своем монархическом прошлом, газета призывала оказать содействие установлению демократического строя в Греции. «Пример великой России, — говорилось в передовице, — не мог не коснуться сознания греческого народа. Царствование Константина и все пережитое за это царствование могло только способствовать распространению среди греков идей республики». Выступая за установление республиканского строя в Греции, газета считала, что

«в лице Венизелоса у Греции есть достойный глава этой республики». «Утро России» 14 июня 1917 г. сообщало о настроении народных масс в Греции, «наэлектризованных великим освободительным переворотом в России», выступало в поддержку республики в Греции, считая установление такого строя «лучшим и наиболее прямым способом сделать страну сильной и независимой».

Весьма сильным, как я уже упоминала, было демократическое движение в греческих диаспорах в Западной Европе, Африке, Америке и в России. В начале мая 1917 г. в Париже состоялся очередной конгресс греческих колоний в Европе, Африке и Америке, принявший постановление о низложении короля Константина и его династии, а также о необходимости учреждения «в Греции республиканского образа правления, что соответствует национальным эллинским традициям». Постановление заканчивалось просьбой, обращенной к державам-покровительницам, «не препятствовать присоединению греческих провинций к салоникскому правительству и признать эллинскую республику, как только она будет провозглашена учредительным собранием». По иронии судьбы, как писал «Вестник Временного правительства» (5 III 1917), представители конгресса вручили текст постановления российскому послу в Париже, ярому монархисту А.П. Извольскому, с просьбой доставить его Временному правительству. По мнению самого Извольского, решение это, хотя и не отражало полностью мнения «рассеянных в разных частях света греческих колоний», имело большое значение, так как исходило от весьма зажиточных и влиятельных греческих колоний Франции» [6. С. 146.]. Неделями раньше на литургии в часовне при греческой миссии в Париже представители греческой колонии потребовали, чтобы молитвы за короля более не читались. В Париже также состоялась антидинастическая демонстрация местных греков. Как сообщал 3 мая корреспондент «Утра России» В. Гроссман, «толпа была крайне возбуждена и требовала: “Долой династию!”». Парижские греки поголовно были убеждены, что близится час, когда в Греции будет провозглашена республика. В том же духе проходила кампания во французской прессе. Известный публицист Ж. Эрбэ выступил в *«L'Écho de Paris»* со статьей, озаглавленной «Венизелос, учреждайте в Греции республику!». Французский публицист настаивал на необходимости «немедленно уничтожить гнездо предателей, свитое вокруг греческой королевской семьи, дабы обеспечить тыл армии генерала Саррайля», руководившего всеми военными действиями союзников на Салоникском фронте. «Только созыв Венизелосом учредительного собрания, — писал Эрбэ, — для установления в Греции республики может вернуть греческому народу доверие союзников и покончить раз и навсегда с греческим кошмаром». Все парижские круги, сообщал А. Диомидис (направленный Венизелосом в Париж для переговоров о свержении короля Константина) ждут от Венизелоса решительных действий, свержения династии и установления республики [6. С. 146].

Многочисленные греки, проживавшие на юге Российской империи, особенно в Одессе, Мариуполе, Ейске, Таганроге, Севастополе и Балаклаве, были теперь на стороне республиканского движения в Греции. Уже 6 марта 1917 г. в «Русской воле» было опубликовано письмо под названием «Долой Константина!», в котором автор письма призывал греков исполнить союзнический долг перед Сербией, а союзников «ради успешного ведения и окончания военных операций на Салоникском фронте — раз и навсегда покончить с германским засильем двора Константина». В письме выражалась надежда, что союзники поддержат «революционное движение в Греции и примут все меры, чтобы в согласии с громадным большинством эллинского народа низвергнуть старый порядок, всячески подавлявший волю народа». Заканчивалось письмо

здравицей в честь греческой революции, национального правительства и греческой республики [6. С. 147].

В своих многочисленных выступлениях и статьях Э. Венизелос нередко высказывал убеждение, что мировая война приведет к падению монархий во многих странах, например в Болгарии и Германии, и торжеству республиканских принципов. В разговоре с первым генеральным консулом России в Салониках (в 1914–1917 гг.). В.Ф. Калем Венизелос признавался, что переворот в России и присоединение к союзникам США заставили его критически отнестись к своим умеренно-конституционным взглядам. Если еще несколько месяцев назад он был убежденным приверженцем конституционной монархии, то теперь он все более соглашался с правильностью взглядов большинства своих последователей, видевших единственный выход в удалении Константина и провозглашении республики [6. С. 149]. Вместе с тем, по мнению авторов «Истории греческой нации», «вопреки сильному влиянию новых течений в Западной Европе и России, он продолжал придавать непростительно большое значение династическим связям [...], находился под влиянием внешних факторов» [7. Σ. 44].

Венизелосу приходилось считаться с тем, что, в отличие от России и Франции, общественное мнение Англии, с которой у Греции были самые тесные экономические и политические связи, было более сдержанным и требовало лишь урегулировать греческую проблему. Вопрос о греческой республике, который время от времени поднимался в английском парламенте правительством Англии, решался однозначно. Лорд Сесил, зам. военного министра, отвечая депутатам в парламенте, объяснял, что Греции, если она пожелает, будет предоставлена полная свобода провести плебисцит относительно образа правления, но во время войны он практически неосуществим, поскольку для отмены договора 1863 г. необходимо предварительно заручиться согласием Дании, которая была в числе подписавших этот договор держав-покровительниц (гарантов) [8. Д. 3828. Л. 57; Д. 3826. Л. 11, 133, 190.].

В середине апреля 1917 г., после встречи глав правительств Франции, Великобритании и Италии в Сен-Жан-де-Морьенн, на которой рассматривался вопрос о судьбе короля Константина I, ситуация начала меняться. Греческий король потерял статус неприкосновенности и превратился в персону нон грата, что развязывало руки главе салоникинского правительства Э. Венизелосу. Однако в вопросе об установлении республиканского строя в Греции мнения правительств Антанты за исключением, возможно, правительства республиканской Франции резко расходились с мнением демократической общественности их стран и, главное, не отвечали чаяниям греческого народа. Итальянский министр иностранных дел в годы войны Д. Сонино, допуская перемену лица на греческом престоле, умолял своих западных коллег отказаться от учреждения в Греции республики, объясняя свой страх тем, что «ее провозглашение [...] могло бы отразиться на внутренней политике других стран [...], например, в Италии оно могло привести к внутренним беспорядкам и саботажу войны» [6. С. 148.].

Премьер-министр Великобритании (1816–1922) Д. Ллойд Джордж и премьер Франции А. Рибо, учитывая пожелания Италии, на чьей территории шли серьезные сражения с врагом, оставили этот вопрос открытым. Французское правительство заявило, что оно не имеет в виду способствовать победе республиканского движения в Греции, считая, что это привело бы страну к анархии [9. С. 184]. Так, посол Великобритании во Франции Ф. Берти 20 апреля 1917 г.

записывал в своем дневнике, что Ллойд Джордж успокаивал его в отношении будущей политики Рибо в Греции, говоря, что французский премьер «хотел бы избавиться от короля Константина, но не от династии» [10. С. 137].

В беседе с представителем «агентства Гавас» Венизелос пожаловался, что союзники, обещав ему поддержку, выразили в то же самое время желание, чтобы его действия не носили антидинастического характера. Учитывая высказанные мнения западных держав, от которых полностью зависело слабое временное (салоникское) правительство, Венизелос, несмотря на возрастающее давление на него со стороны его окружения, постарался лишить движение антидинастического характера.

Ведя сложную политическую игру, Венизелос отправил в Петроград представителя салоникского правительства, который доверительно сообщал Временному правительству России, что ближайшей задачей Венизелоса и его сторонников является водворение в Греции такого порядка вещей, при котором были бы с корнем вырваны всякие остатки деспотизма и личного королевского режима. Поддерживая на словах прогрессивные круги греческого общества, окрыленные демократическими идеями, Венизелос давал обещание западным, в особенности английским, дипломатам придерживаться осторожной политики в отношении конституционной монархии в Греции.

Об этой двойственной политике 4 апреля 1917 г. Венизелос сообщал откровенно в письме к греческому послу во Франции А. Романосу, которое вошло в хрестоматию по греческой истории как наиболее красноречивый документ того времени. Венизелос писал: «Вы уже знаете мое мнение [...] В отличие от моих заявлений, которые я делал в начале движения о том, что оно не носит антидинастического характера, сегодня я не осмелился бы официально заявить моим сторонникам, что я отвергаю устранение правящей династии [...] Любое решение наших проблем без окончательной ликвидации династии было бы половинчатым и не позволило бы нации достичь того психологического очищения, без которого Греции после всех выпавших на ее долю испытаний, трудно было бы прорваться к новой политической жизни, способной привести ее к возрождению.

К сожалению, как Вы знаете из беседы посла Греции в Лондоне И. Геннадиса с лордом Хардингом, в Англии иначе относятся к идее о коренных переменах в Греции. Боюсь, что если сегодня король решит отречься от престола, покинуть Грецию на длительное время и оставить своего сына во главе национальной политики, то подобное решение будет одобрено в Англии, и мы не сможем его изменить.

Я надеюсь единственно, что король не сделает этого или сделает слишком поздно, когда созреет идея устранения всей династии. Что касается идеального для нас решения, Вы уже знаете мои взгляды от Диомидиса. Несмотря на то, что после революции в России я отношусь менее отрицательно, чем раньше, к идее республики и даже думаю, что раз Россия восприняла демократический режим, для нас он также не будет представлять никакой опасности, я все-таки продолжаю считать, что наилучшим в наших интересах решением было бы сохранение существующего режима с королем из английской династии. Если подобное решение представляется невозможным, следует подумать о республике, к которой греческий народ вполне готов и которую я отвергал исходя из международной ситуации, поскольку все великие державы, за исключением одной, имели монархическую форму правления. Республика теперь в свете настоящего демократического поветрия не имеет никаких

противопоказаний» [7. С. 43–44; 5. Р. 478.]. Тем не менее, идя навстречу жестким требованиям западных держав, Венизелос теперь пытался лишить движение антидинастического характера, т.е. убрать демократическую сущность начавшегося «брожения» в стране, ограничить его анти-болгарской и антитурецкой направленностью и недовольством прогерманской политикой короля Константина.

Республиканское движение в Греции вызвало сильное беспокойство у ярого монархиста российского посланника в Афинах Е.П. Демидова (1912–1924), бывшего егермейстера двора, князя Сан-Донато, который неоднократно писал в МИД России о нежелательности установления республиканской формы правления в Греции. В ответ на это глава российского МИДа П.Н. Милюков телеграфировал Демидову о необходимости проводить в греческом вопросе единую линию, в том числе в вопросе об установлении республиканского строя. «Не предрешая вопроса о форме правления в Греции, — писал он, — в случае государственного переворота мы, тем не менее, никоим образом не можем поддерживать теперешнего короля, против которого резко высказывалось наше общественное мнение, с чем в настоящее время мы не можем не считаться. Кроме этого, наши союзные отношения к Франции, лежащие в основе нашей европейской политики, не могут быть поколеблены или поставлены в зависимость от сравнительно второстепенного греческого вопроса». Одновременно Милюков телеграфировал посланникам в Париж, Рим, Лондон и Афины: «Я полагаю, что в случае отречения короля решение такого важного вопроса, как установление нового образа правления в Греции, должно быть предоставлено самому греческому народу и предрешать его было бы нежелательно, так как это противоречило бы провозглашенным нашим правительством демократическим принципам самоопределения народов». Такая постановка вопроса вполне отвечала, по мнению Милюкова, интересам России в Греции, поскольку она могла, во-первых, избавить от нареканий в случае возникновения каких-либо осложнений, во-вторых, устранить неудобство прихода в Греции к власти лица, удобного или выгодного одной какой-либо держав [8. Д. 3826. Л. 191, 192].

Сменивший Милюкова М.И. Терещенко продолжил ту же политику в отношении Греции. Делегат Временного правительства А.П. Извольский, прибывший к концу Парижской конференции союзников в мае 1917 г., выступил с предложением, которое включало три основных пункта: не поддерживать короля; не препятствовать движению венизелистов; не поощрять великогреческих вождедений Венизелоса [11. С. 162].

По воспоминаниям посла Великобритании во Франции Ф. Берти, комично было слышать из уст монархиста Извольского, что «греческому народу должна быть предоставлена возможность выбора республиканской или монархической формы правления...». Западные страны не поддержали представителя Временного правительства России, который оказался в изоляции [10. С. 138]. Узнав о том, что европейские державы «не собирались нарушать принцип конституционной монархии», Демидов ликовал. В середине июня он с явным удовлетворением телеграфировал в Петроград Терещенко, что «державы-покровительницы Греции решили восстановить единство королевства без нанесения ущерба конституционно-монархическому строю, который они гарантировали Греции» [9. С. 210].

Весной 1917 г. под давлением Антанты, перед вступлением Греции в Первую мировую войну (последней из балканских стран) на стороне

Антанты, все завершилось изгнанием короля Константина I и коронацией его сына Александра I, который пробыл на греческом престоле всего три с небольшим года. После его трагической смерти в Грецию вернулась королева Ольга, которая год была регентом Греческого королевства. Затем власть была снова передана Константину I.

Премьер-министр Греции Э. Венизелос, учитывая тот факт, что греки активно участвовали в завершающих сражениях на Салоникском фронте, возлагал большие надежды на предстоявшую мирную конференцию в Париже, хотя он имел лишь устные заверения Великобритании и Франции в том, что его программа новых территориальных приобретений со столицей в Константинополе будет ими поддержана. Уступчивость перед западными державами и крайняя активность Венизелоса во время работы мирной конференции принесли свои плоды: греки получили все, на что письменно претендовали во время работы греческих комитетов в Версале.

Стремясь еще более сблизиться с западными покровителями, греки приняли участие в крупнейшей интервенции 14 государств против Советской России и действовали на юге России под руководством французов. Вслед за высадкой 18 декабря 1918 г. французского десанта в Одессе и 27 декабря в Крыму греческая дивизия в январе 1919 г. высадилась также в Крыму. Историки констатируют, что французские войска не могли противостоять «партизанским отрядам атамана Григорьева» (1700 чел. с тремя орудиями), которые 2 марта 1919 г. отбили у войск Антанты Херсон, 14 марта французы очистили Николаев, оставив там греков. В результате бои с отрядами атамана Григорьева (застрелен впоследствии батькой Махно), изменившего Петлюре и объявившего себя союзником большевиков, в Херсоне в течение недели вел греческий батальон, понесший тяжелые потери. К моменту эвакуации в августе 1919 г. потери греческих войск составили 398 убитыми (солдаты и офицеры) и 657 ранеными [12]. В конце марта интервенты начали вывод войск из южных районов России, покинув 5 апреля Одессу, а 30 апреля 1919 г. Крым [13].

После окончания интервенции под нажимом Англии греческий король Константин и «панэллинист из самых крайних» Э. Венизелос решили, что настал подходящий момент для осуществления идеалов Мегали идея в полном объеме, т.е. захвата части территории Турции в Малой Азии, которые греки считали своими, и вступили в войну с Турцией вместе с державами Антанты. Большевицкая Россия, хорошо помня об участии греков в интервенции, не поскупилось на поддержку буржуазно-демократической революции в Турции, выделив Кемалю Ататюрку вагоны золота и прислав опытных военачальников — М. Фрунзе и К. Ворошилова, и помогло очистить ее территорию от оккупантов. 11 октября 1922 г. в г. Муданья было подписано перемирие между Турцией, с одной стороны, и Англией, Францией, Италией — с другой. Через два дня к нему присоединилась также Греция, обязавшаяся полностью уйти из Малой Азии. Бесславное участие греческой армии в войне против Турции и последовавший исход греков с её территории, получившие название Малоазиатской катастрофы 1921–1923 гг., навсегда похоронили великогреческую идею и дискредитировали монархию. После прихода в марте 1924 г. на пост премьер-министра А. Папанастасиу парламент упразднил монархию в Греции, а в день праздника национальной независимости — 25 марта 1924 г. Греция была провозглашена республикой. Адмирал П. Кундуриотис, бывший последние месяцы регентом, стал президентом страны. Проведенный в апреле того же года плебисцит легитимизировал решение парламента: 70% голосов

было подано за республиканскую форму государственного устройства и 30% — за монархию. В соответствии с принятым законом члены королевской семьи во главе с королем Константином покинули Грецию, лишившись греческого гражданства и своего имущества в стране.

Участие Греции в Первой мировой войне и Малоазиатской кампании привело к полной дестабилизации экономической жизни, которая требовала от правительства немедленного поиска радикальных решений. Одним из них стало восстановление в 1924 г., вслед за Англией, Италией, Норвегией, Швецией и Данией, дипломатических, а затем в 1929 г. и торгово-экономических связей Греческой республики с Советской Россией.

Однако слабая республиканская власть в Греции еще не раз была сломлена монархическими переворотами генерала Т. Пангалоса (1925), П. Цалдариса (1935) и генерала И. Метаксаса (1938–1940). В драматической смене режимов в Греции и возникавших внутривнутриполитических кризисов страна все время выходила как бы на стартовый рубеж развития — демократический путь и республиканскую форму правления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Пестель Павел*. «Русская правда». М., 1993.
2. Республиканские идеи в истории общественного движения в России. <http://biofile.ru/his/25652.html> (Обращение 5 февраля 2020 г).
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 722. Д. 809. Афины. 29 марта (10 апреля) 1875 г.
4. История Балкан: На переломе эпох (1878–1914). М., 2017. Т. 4.
5. *Leon G.V.* Greece and the Great Powers. 1914–1917. Thessaloniki, 1974.
6. *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. 1914–1918. М., 1990.
7. *Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα*, 1980. Т. ΓΕ.
8. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив 1917.
9. Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. По секретным материалам бывшего МИД с приложением копий дипломатических документов/ Под ред. Е.А. Адамова. М., 1922.
10. *Берти Ф.* За кулисами Антанты. Дневник Британского посла в Париже. 1914–1919. М.; Л., 1927.
11. *Емец В.А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. М., 1977.
12. 100 великих тайн Первой мировой [ML]Соколов Борис Вадимович <https://history.wikireading.ru/146181.13/>
13. <http://volk59.narod.ru/inter14.htm>

БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В 1920–1930-Х ГОДАХ: ИСТОРИОГРАФИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2020 г. А.А. Савич

Канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

E-mail: uleks@tut.by

В статье представлена историография белорусско-польского коммунистического сотрудничества в Западной Белоруссии в 1921–1939 гг. На основе анализа научных работ и архивных документов сделан вывод о наличии в компартии белорусско-польских противоречий, требующих предметной научной разработки.

The article presents the historiography of the Byelorussian–Polish communist cooperation in Western Belorussia in 1921–1939. Based on a wide range of studies and archival documents, it suggests that there were Byelorussian-Polish contradictions in the Communist Party, and this issue requires more detailed research.

Ключевые слова: историография, коммунистическое движение, Компартия Западной Беларуси, белорусско-польские противоречия.

Keywords: historiography, the Communist movement, the Communist Party of Western Belorussia, Byelorussian-Polish contradictions.

DOI: 10.31857/S0869544X0009513-7

Характерной чертой современной белорусской историографии является снижение интереса к истории Компартии Западной Белоруссии (КПЗБ), которая в советское время рассматривалась как символ борьбы белорусского народа в 1920–1930-х годах «за социальное и национальное освобождение» в Польше и являлась важным элементом в структуре отечественных научных исследований. При том, что современная белорусская историография истории Западной Белоруссии 1921–1939 гг. подтверждает очевидные перспективы дальнейшего углубления и объективизации истории КПЗБ, ее предметное изучение сузилась до уровня отдельных статей [1. С. 209–210]. И хотя некоторые из них достаточно показательно иллюстрируют прогресс историографии темы [2–4], в целом она ждет своего скрупулезного исследователя, особенно в отношении осмысления малоисследованных аспектов истории КПЗБ, одним

из которых являются белорусско-польские противоречия в коммунистическом движении Западной Белоруссии.

Отсутствие предметных исследований по теме в 1920–1930-е годы объясняется общей стилистикой советских партийных идеологов и историков, которые предпочитали не касаться внутренних проблем партии вследствие ее нелегально-конспиративного характера. Не произошло качественного сдвига в изучении темы и во второй половине 1950-х – 1980-е годы, времени активизации изучения истории КПЗБ после XX съезда КПСС, политически реабилитировавшего Компартию Польши (КПП) и ее составную часть – КПЗБ. Восхваление компартии подразумевало некоторое отражение идейно-организационных трудностей, с которыми она столкнулась в процессе выработки теории и практики революционной борьбы в крае. Так, коллективная монография по истории КПЗБ, публикации А.Н. Мацко, В.А. Полуяна, П.И. Зелинского упомянули белорусскую фракцию в КПЗБ – «сецессию», борьбу «большинства» и «меньшинства», в том числе по определению сути «майских ошибок» 1926 г. и характера «санационной» власти. При этом пришлось минимизировать размеры внутривнутрипартийного раскола, даже отметить его созидательную роль – «большое значение» внутривнутрипартийных дискуссий в деле большевизации партии, решении многих «важнейших вопросов теоретического и практического характера» [5. С. 96–98, 159–163; 6. С. 124–127, 139; 7. С. 61–63; 8. С. 18–21]. Только поверхностно, намеками говорил о белорусско-польских спорах и известный общественный и научный деятель, один из руководителей КПЗБ Н.С. Орехов [9. С. 60, 67–69, 79–83, 225–229], в отличие от польской исследовательницы А. Бергман, также ветерана КПЗБ, которая сложности белорусско-польского диалога объяснила наличием разнонаправленных тенденций в мировом коммунистическом движении и «белорусским вопросом в КПЗБ» [10; 11. С. 73–95].

Причины и сущность белорусско-польских противоречий в коммунистическом движении Западной Белоруссии связаны с государственно-территориальными вопросам, которые конкретизировались проблемой размежевания между белорусской (КП(б)Б), польской, а также литовской (КПЛ) компартиями, а с осени 1923 г. и КПЗБ. В частности, в соответствии с советско-литовским договором от 12 июля 1920 г. не только Вильно и Виленщина, в которой преобладало белорусское население [12. С. 282], но и большая часть Гродненщины (Гродно, Постава, Браслав, Ошмяны, Лида) должны были отойти к Литве [13. С. 3], однако литовские коммунисты из-за своей малочисленности не могли обеспечить ощутимого влияния в регионе. И наоборот, КПП была одной из партий – основательниц Коминтерна, она представляла силу, способную реализовать линию большевистского руководства на советизацию Польши и европейских стран, при осуществлении которой невозможно было обойти Польшу. Польские коммунисты не хотели отказываться от Виленщины, были заинтересованы, чтобы она была выведена из-под влияния КПЛ и КП(б)Б.

В феврале 1921 г. литовские коммунисты подняли проблему разграничения территории Виленщины между КП(б)Б и КПЛ. Для литовской стороны в качестве основного аргумента урегулирования служило упомянутое советско-литовское соглашение, поэтому Виленский комитет КПЛ искренне удивило то, что на территории Лидского, Молодечненского, Вилейского, Дисненского и части Ошмянского уездов работала КП(б)Б. КПЛ настойчиво предлагала «расширить работу на все тяготеющие к Вильно уезды и совершенно оторванные от Белорусского центра» [14. С. 36–37, 39]. В августе 1922 г. Президиум

Исполкома Коминтерна (ИККИ), не вступая, однако, в обсуждение вопросов о государственной принадлежности Виленской области, принял резолюцию о присоединении Виленской областной организации КПЛ к КПП, в которой говорилось об «особых условиях как Виленского края, так и всей оккупированной части Белоруссии» [14. С. 55]. Виленщина здесь названа белорусской территорией, что подразумевало активизацию в крае белорусских элементов, контролируемых Минском.

Современные российские публикации убедительно свидетельствуют, что деятельность компартий в Европе направлялась большевистско-коминтерновским руководством [15–17], которое не могло игнорировать белорусский вопрос в Польше. Создание КПЗБ в 1923 г. было вызвано желанием советского руководства укрепить присутствие в Польше, манипулируя национально-территориальными факторами на белорусско-литовско-польском пограничье. Это был тактический шаг Коминтерна для активизации революционного движения в условиях усиления белорусского фактора во внутривнутриполитической жизни Польши, очевидным свидетельством чего стали результаты выборов в польский сейм в 1922 г., когда в лице своих избранников, депутатов сейма, белорусские крестьяне увидели защитников интересов белорусского народа в составе Польши [5. С. 54]. К тому же очевидно белорусской и крестьянской по этносоциальному составу была антипольская партизанская борьба в Западной Белоруссии в первой половине 1920-х годов, поддерживаемая из БССР и СССР [18].

Большевистское руководство, несмотря на советско-литовский договор 1920 г., чтобы дополнительно простимулировать белорусов, «закрепило» за КПЗБ и территорию Виленщины. Это должно было обеспечить поддержку компартии со стороны белорусских национальных деятелей, уверенных в белорусском этническом характере Вильно и Виленщины и надеявшихся на их присоединение к БССР [14. С. 66–67, 75; 19. С. 178–179]. Польские коммунисты были не против такого решения, оно «выводило» Виленщину из-под литовского влияния и закрепляло ее за КПЗБ, а они сохраняли контроль за спорной территорией – создаваемая КПЗБ в виде составной части должна была войти в Компартию Польши, страны, которая оккупировала этническую белорусскую территорию, и не только Виленщину. Советское руководство по политическим причинам не распространило деятельность КП(б)Б на территорию Западной Белоруссии, не желая осложнять отношения с компартией Польши.

Литовские коммунисты в лице В. Мицкявичюса-Капсукаса и С. Алексы-Ангартиса неоднократно открыто и резко оспаривали решение о закреплении Виленщины за КПЗБ, подыгрывая польским партфункционерам, недовольным увеличением роли белорусских политиков в коммунистическом движении края, утверждая, что указанная ситуация «в конкретных виленских условиях приводит лишь к отталкиванию от Компартии основных масс Виленщины, прежде всего польских рабочих гор. Вильно» [14. С. 109–110]. На недовольство литовских коммунистов обратила внимание и А. Бергман, считая, что КПЗБ нельзя рассматривать как чисто белорусский проект [10. С. 230–232; 11. С. 80–81].

Что касается в целом территории Западной Белоруссии, то польские коммунисты на основании Рижского мира настаивали на законности и справедливости присоединения ее земель к Польше, игнорируя основополагающий тезис белорусских коммунистов о захватнической оккупационной сущности польской власти в крае. Более того, в планах польских коммунистов существовали варианты реализации крупномасштабных геополитических проектов, в которых Варшава в системе международного коммунистического порядка получила

бы паритетные по сравнению с Москвой позиции. Так, во время V конгресса Коминтерна, «польские некоторые цекисты» говорили о необходимости отделения «Советской Белоруссии от восточного СССР и присоединении ее к западному СССР, в котором Варшава собирается играть первую скрипку». Это должно было привести к разделению «общего коммунистического движения на “азиатско-московское” и “культурное” варшавско-европейское» [20. Оп. 129. Д.71. Л. 8–9]. Наличие таких смелых проектов подтверждается статьями в польских правых газетах, предназначенных для белорусских территорий, утверждавших, что после присоединения Советской Беларуси к Западной, а не наоборот, возможно создание «независимой Беларуси» [10. S. 235].

Причиной идейно-политических разногласий и создания внутрипартийных группировок были и другие факторы, обусловившие образование и развитие коммунистического движения в крае. Отчетливое желание советского руководства контролировать Польшу как плацдарм для продвижения мировой революции на Запад требовало усилить польское, а позже и западнобелорусское революционное движение. Большевикско-коминтерновское влияние в Западной Белоруссии и Польше обеспечивалось и переправкой туда представителей различных политических партий, в том числе членов Бунда и Поалей-Циона, с надеждой на создание доброжелательного к коммунистическому движению общественно-политического климата [21]. В этом процессе выявились различные организационные центры, что может быть объяснено наличием в Советской России – СССР нескольких спецслужб, обеспечивавших проведение агентурной разведки и укрепление коммунистического подполья в Западной Белоруссии. Специалисты из штаба Красной армии, Коминтерна и ГПУ не имели должной координации, в том числе и из-за постоянной борьбы за власть в высших эшелонах ВКП(б) и Советского государства между И.В. Сталиным и его оппонентами, в первую очередь Л.Д. Троцким. Налаживание структур коммунистического подполья объективно приводило к укреплению позиций в ходе борьбы за высшие государственные и партийные позиции в СССР. Как возможный пример таких действий можно считать участие Сталина в организации Бюро помощи КПЗБ при ЦК КП(б)Б, что, вероятно, способствовало укреплению его влияния в Коминтерне по линии КПП – КПЗБ [22. Оп. 2. Д. 32. Л. 6]. Примечательно то, что после разгрома национальной белорусской фракции в КПЗБ – «сецессии» – связанное с ней Бюро помощи в марте 1925 г. было ликвидировано, вероятно ослабляя возможность Сталина влиять на ситуацию в польсекции Коминтерна.

Решающим было воздействие фракционной борьбы в верхних эшелонах власти в СССР на наиболее острую дискуссию в КПП и КПЗБ о так называемых «майских ошибках» 1926 г. и установлении «санационного» режима Ю. Пилсудского. Длительные идейно-политические распри между «большинством» и «меньшинством» в КПП и КПЗБ отличались количеством сторонников, приверженностью демократическим традициям внутрипартийной жизни или уступчивостью к требованиям единого партийного центра и авторитарного лидера [23].

Среди причин белорусско-польских противоречий необходимо выделить и особенности организационного оформления КПЗБ. Установление коммунистического подполья в Западной Белоруссии происходило из двух подконтрольных Москве центров, которые конкурировали между собой за установление влияния в крае, а именно из Варшавы (КПП) и Минска (КП(б) Б). КПЗБ была организована в 1923 г. в результате дискуссий накануне и во время Второго съезда компартии Польши по национальному и крестьянскому вопросам

как составная часть КПП с автономными правами. Очевидно, это был компромисс между польскими и белорусскими коммунистами, между КПП и КП(б)Б, которые пытались охватить организационным влиянием территорию Западной Белоруссии, закрепив ее, соответственно, за Польшей или БССР. Стремление Минска усилить позиции «на креслах» через активизацию радикального белорусского коммунистического движения в конце 1924 г. привело к усилению повстанческих настроений и расколу в КПЗБ. Линию белорусского большинства в партии на восстание категорично не приняли пропольски настроенные деятели. «Сецессия» в КПЗБ, поддерживаемая государственными лицами БССР, открыто выступила против подчинения польской компартии [24]. Ситуация повторилась в 1927–1928 гг. и была настолько опасной для единства партийных рядов, что политсекретариат ИККИ постановлением в сентябре 1927 г. принял решение о проведении съезда или конференции по преодолению раскола, показательно называя КПЗБ «Ком. партией Белоруссии» [20. Оп. 129. Д.121. Л. 4], что может свидетельствовать о консолидации КП(б)Б и «большинства» КПЗБ в деле противостояния пропольским «меньшинству» КПЗБ и «большинству» КПП. При этом, существенно упрощая острую ситуацию противостояния, очевидно игнорируя белорусские интересы в фракционных спорах, политсекретариат отметил, что «фракционная борьба в ЦК Компартии Западной Белоруссии [...] была следствием и отражение фракционной борьбы в КПП» [20. Оп. 129. Д.121. Л. 5–6]. Чтобы стабилизировать критическую ситуацию в КПЗБ, ИККИ была создана комиссия, которая в связи с фракционной борьбой в руководстве партии выполняла функции ЦК КПЗБ вплоть до момента избрания правомочного ЦК в июле 1928 г. на I съезде КПЗБ [25. С. 481].

До этого, в ходе мартовской дискуссии в КПЗБ, руководство партии в составе 33 членов окружных и городских комитетов, аппарата ЦК КПЗБ разделилось на 21 представителя «большинства» и девять — «меньшинства» при трех воздержавшихся [22. Оп. 2. Д. 133. Л. 137]. Фракционные споры обострились во время подготовки и работы IV съезда КПП, в начале которого мандатная комиссия съезда под влиянием «большинства» КПП («меньшинство» в КПЗБ) лишила мандатов «большинство» КПЗБ, передав их «меньшинству» во главе с А. Максимовским. Летом различные подконтрольные Коминтерну инстанции получили большое количество обращений от представителей «большинства» и «меньшинства» в КПЗБ. В частности, первые, возглавляемые И. Логиновичем, в письме в польсекцию Коминтерна от 8 июля 1927 г. вынуждены были констатировать, что «положение в ЦК КПЗБ является в высшей степени ненормальным. Это положение создалось вследствие фракционной дезорганизаторской работы секретаря ЦК т. Максимовского и его группы, составляющей меньшинство в ЦК. Работа эта, поддерживаемая правым большинством ЦК КПП, направлена на противопоставление Секретариата Центральному Комитету, подрыв авторитета и дискредитацию ЦК, изоляцию его от партии, саботирование проведения в жизнь его решений, обострение отношений между ЦК КПЗБ и ЦК КПП, и привела к полному ослаблению руководство ЦК партией, что грозит опасными последствиями для партии» [22. Оп. 2. Д. 132. Л. 40].

А. Максимовский и его сторонники обвиняли своих оппонентов в фракционности в отношении ЦК КПП, дискредитации и «отклонении меньшинства» от партийного руководства, печатании несогласованных с «меньшинством» изданий, использовании в фракционной борьбе аппарата представительства КПЗБ и партийной школы в Минске. Раздражение «меньшинства» просматривается и в отношении руководства БССР и ЦК КП(б)Б, по их мнению, способствовавших фракционным действиям «большинства» КПЗБ. Представители группы

Максимовского активно содействовали инспирации «белорусского национал-демократизма», особенно акцентируя внимание на «националистическом» характере ошибок «большинства», представители которого «сделались неспособными видеть и реагировать на крупные ошибки», настаивая на националистической тональности изданий подконтрольной КПЗБ массовой революционно-демократической организации Белорусская крестьянско-рабочая Громада (БКРГ), взаимодействии с правыми белорусскими организациями в выборных кампаниях и культурной деятельности, «замазывании классовой линии» [22. Оп. 2. Д. 132. Л. 46–51; Оп.1. Д.153. Л. 158–162]. Исходя из этих претензий, можно сказать, что многие идеи разгромленной за два года до этого антипольской «сецесии» в КПЗБ фактически были восприняты «большинством» КПЗБ при поддержке КП(б)Б.

Одной из причин обострения фракционной борьбы в КПЗБ стал рост влияния Громады, укрепление в коммунистическом движении сторонников ее дальнейшей активизации как массовой белорусской крестьянской партии. Это пугало не только правительство Польши, но и оппонентов укрепления БКРГ в рядах КПЗБ и КПП, которые хотели ослабить своих конкурентов в КПЗБ через дискредитацию громадского движения. Фракционное противостояние еще более усилилось запретом польскими властями легальной БКРГ и радикализацией настроений крестьянского населения Западной Белоруссии. Часть функционеров КПЗБ и представители советской дипломатической миссии в Польше (А. Загорнов, А. Ульянов) рассчитывали использовать активность крестьян весной 1927 г., когда во время выборов в местные органы крестьянского самоуправления белорусы добились больших успехов. Так, в Виленском воеводстве среди 1051 избранных в местные рады (советы) свыше 500 человек были членами запрещенной БКРГ и ей сочувствующие, а также 57 коммунистов и 14 бывших членов также запрещенной властями прокоммунистической Независимой крестьянской партии [26. С. 34]. Как сообщил в Минск 12 сентября 1927 г. А. Ульянов, «избирательная кампания в гминное самоуправление закончилась в общем целом для белорусов очень положительно. [...] Польские власти, учитывая крайне неудобное для себя положение, в котором они оказались благодаря громадному проценту избранных в гминное самоуправление белорусов, настроенных враждебно к ним, [...] стали усиленно насаждать своих войтов и солтусов, не утверждая неудобные им кандидатуры» [22. Оп. 2. Д. 116. Л. 91].

Советские диппредставители обращались в Минск в представительство КПЗБ с настоятельной просьбой переслать как можно больше денег для закрепления этого успеха, так как кампания белорусов в защиту своих войтов и своих солтусов в противовес намеченных правительством, прошла довольно слабо, не достигла ожидаемых размеров и результатов во многом из-за отсутствия легальной политической организации, которая могла бы широко, через своих инструкторов поставить и развернуть эту кампанию. Тяжелое финансовое положение не позволило бывшим громадovцам развернуть работу по созданию новой политической организации, которая была «в общих чертах [...] уже намечена и нужно думать, что если финансово состояние их улучшится, то они могут приступить конкретно к проведению намеченных решений» [22. Оп. 2. Д. 116. Л. 91–92]. Однако, ожидаемой поддержки не было оказано, и белорусы не смогли эффективно реализовать существенные легальные возможности влиять на политические, хозяйственные и культурные процессы в Западной Белоруссии.

Такой результат частично можно объяснить целенаправленной деятельностью антибелорусских сил в компартии, которые в ответ на успехи КПЗБ – КП(б)Б могли выступить «против», активизируя внутрипартийные споры, пытаясь парализовать организованное усиление антипольского движения. Польские

спецслужбы были проинформированы о намерениях советских властей обострить ситуацию в Западной Белоруссии, в марте 1927 г. они знали «об интенсивной подготовке белорусов в Польше к вооруженному выступлению весной текущего года» [27. Ф. 92. Оп. 1. Д. 130. Л. 25]. Ситуация в польских спецслужбах была явно напряженная, что требовало мер по предотвращению подрывной деятельности, в том числе с использованием агентуры в среде КПП и КПЗБ. Поэтому и вызывает вопросы активизация фракционной борьбы в КПЗБ именно в 1927 г. Расправа над Громадой должна была всколыхнуть Западную Белоруссию, а значит запрет БКРГ был на пользу сторонникам антипольского восстания, о котором много говорили осенью 1926 г. — весной 1927 г. Здесь уместно будет вспомнить смену национальной политики КПЗБ в конце 1927 г., которая вероятнее всего под воздействием пропольских сил начала «исправлять предыдущие ошибки», исходившие из недооценки белорусского села и перехода «кулаков» в «фашистский лагерь» [10. С. 236]. Не углубляясь в идейно-теоретические аспекты соответствующих споров, можно сделать вывод об общей направленности очерченной риторики на усиление польских позиций в революционном движении «на кресах» за счет ослабления белорусских.

Важной определяющей белорусско-польского противостояния в КПЗБ была неоднородная этническая структура партии, включавшая представителей белорусов, поляков, евреев, украинцев, литовцев, заинтересованных в реализации собственных политических проектов. Принципиально важный для белорусов вопрос о выходе Западной Белоруссии из состава Польши с трудом воспринимался польскими коммунистами, которые не хотели терять контроль над «кресами» и в стремлении не допустить установления там белорусского влияния не брезговали явно деструктивными для всего коммунистического движения приемами, в том числе не позволяли печатать белорусские листовки, запрещали распространять литературу белорусских издательств, сдерживали организацию подпольных типографий КПЗБ и даже разрушали их [22. Оп. 2. Д. 12. Л. 22–23; 20. Оп. 129. Д. 71. Л. 15–16]. Для борьбы с коммунистами-белорусами они прикрывались идеями мировой революции и пролетарского единства, мягко воздействуя на слишком активных представителей белорусского движения. Так, например, было в 1924 г., когда польский коммунист, один из основателей и руководителей КПЗБ С. Мертенс (Скульский), смеясь над «отлично разработанным» Б. Тарашкевичем проектом широкой автономии Западной Белоруссии в составе Польши, символически посоветовал бросить его «в Вилию, так как сама-то идея внесения такого законопроекта вредная, дурачит массы» [28. С. 65].

Белорусско-польский антагонизм проявился и в силу организационно-структурной специфики коммунистического движения в Западной Белоруссии, представленного не только КПП и ее составной частью — КПЗБ, но и наличием бюрократических инстанций, в первую очередь представительства КПП при Исполкоме Коминтерна в Москве и формально, но не фактически, подчиненного ему представительства КПЗБ при ЦК КП(б)Б в Минске. Известны красноречивые факты об отказе представительства КПП предоставить финансовые средства и разнообразную печатную продукцию, в которых остро нуждались в Минске [22. Оп. 2. Д. 80. Л. 15, 18, 21, 22, 23].

Для шельмования белорусского национального движения в Польше, представители которого всегда работали в более-менее близких контактах с белорусами из КПЗБ, польские коммунисты дискредитировали легальные белорусские организации, называя их агентами польского империализма [27. Ф. 2028. Оп. 1. Д. 246. Л. 54]. Используя организационные преимущества

существования польской секции в Коминтерне и возможности нужной постановки соответствующих вопросов непосредственно в Москве через представительство КПП при ИККИ, Центральный комитет по делам политэмигрантов при ЦК МОПРа, польские партфункционеры добивались опалы членов КПЗБ, особенно тех, которые были замечены в контактах с белорусским национально-освободительным движением [20. Оп. 123. Д. 228; Оп. 129. Д. 249].

Анализ белорусско-польских противоречий и фракционной борьбы в КПП и КПЗБ вскрывает и индивидуальные устремления участников внутрипартийной жизни. Партийные функционеры делали политическую карьеру, стремились к более высоким должностям, повышению партийного статуса, контролю за людскими и финансовыми ресурсами партии. Архивные материалы содержат большое количество сведений о материально-финансовой стороне коммунистического подполья в Западной Белоруссии, на которое выделялись огромные суммы. Часто встречаются сведения о расходах на разных родственников деятелей компартии, например, «жене Цезаря», «матери Адольфа», «сестре Симы», «жене Быстрого», «жене Фришмана», «семье Вернера» и другие [22. Оп. 2. Д. 118]. Ответственные должности в КПЗБ открывали доступ к материально-финансовым операциям по обеспечению переправки людей и грузов через советско-польскую границу, в том числе и для лиц, участвовавших в контрабандистских схемах, как например М. Портной [22. Оп. 3. Д. 23. Л. 9–12].

С другой стороны, в подпольно-конспиративных условиях как в Польше, так и в СССР члены КПЗБ сталкивались с разнообразными изнурительными проверками, чистками, допросами, которые вели к настороженности и даже конфликтным отношениям между однопартийцами. Из большого количества такого рода случаев привлекает внимание драматическая история жизненных и партийных отношений между С. Мертенсом (Скульским) и В. Хоружей, мужем и женой, омраченных его доносом на нее [29]. Яркой иллюстрацией сложного процесса взаимоотношений обвиняемых и обличителей являются дела по проверке представительством и Политбюро ЦК КПП членов КПЗБ [20. Оп. 123. Д. 229].

В целом можно говорить о белорусско-польских противоречиях и фракционных настроениях как одной из характерных черт коммунистического движения в Западной Белоруссии. Наличие различных группировок-фракций в партии было обусловлено борьбой в высших эшелонах ВКП(б) и СССР, Коминтерна, КПП, КПЗБ, неодинаковым пониманием советским руководством ситуации в Польше и Западной Белоруссии и наличием разнообразных вариантов решения «польского вопроса», борьбой белорусских и польских коммунистов за влияние в Западной Белоруссии, а также амбициями и личной заинтересованностью партфункционеров в укреплении своего политического статуса. Основанием для фракционности во внутрипартийной жизни КПЗБ была ее полиэтничность. Детерминированные соответствующими национально-государственными и этнокультурными приоритетами рядовые коммунисты и функционеры КПЗБ и КПП способствовали отсутствию согласованности, нервозному соперничеству, конкуренции в рядах партии. Это обуславливало неудачи партии, невыполнение принятых решений, частые провалы, подозрительность и настороженность, привело к созданию вокруг партии атмосферы подозрительности с последующими репрессиями. Последствием внутрипартийных разборок стало ослабление антиоккупационной борьбы в Западной Белоруссии, формирование устойчивых негативно-скептических отношений со стороны сталинского руководства к польскому и западнобелорусскому революционному движению в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов, которые вместе с другими

факторами привели к санкционированию И.В. Сталиным репрессий в отношении КПП и КПЗБ и их руководителей и роспуска партии в 1938 г. Новейшие публикации и наличие огромного массива документов в архивах Белоруссии, России, Польши и Литвы создают прочную научно-теоретическую и источниковедческую базу для предметного исследования темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Савіч А.А.* Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гадоў: манаграфія. Брэст, 2019.
2. *Ладысеў У.Ф.* Юсіф Каэтанавіч Лагіновіч: нарыс жыцця і палітычнай дзейнасці. Ч. 1 // Беларускі гістарычны часопіс. 1996. № 3; Ч. 2; № 4.
3. *Пашкевіч А.* Чалавек з-за шырмы: спроба высвятлення таямніцы «Старога» // Гістарычны альманах. 2010. № 16.
4. *Пашкевіч А.* Справа «Беларускага нацыянальнага цэнтру» паводле сведчанняў былых актывістаў Кампартыі Заходняй Беларусі // Спадчына. 2006. № 1.
5. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.). Минск, 1966.
6. *Мацко А.Н.* Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918–1939 гг.). Минск, 1972.
7. *Полуян В.А.* Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.). Минск, 1978.
8. *Зелинский П.И.* Политическая работа Коммунистической партии Западной Белоруссии в массах, 1923–1938. Минск, 1986.
9. *Орехво Н.С.* Дела и люди КПЗБ: воспоминания. Минск, 1983.
10. *Bergman A.* Kwestia białoruska w Komunistycznej Partii Zachodniej Białorusi // Przegląd Historyczny. 1971. № 62/2.
11. *Bergman A.* Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1984.
12. *Кісялёў Г.В.* Віленская губерня // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі У 6 тт. Мінск, 1994. Т. 2.
13. *Міхнюк У.М.* Расійска-літоўскі дагавор 12 ліпеня 1920 г.: гістарыяграфія праблемы // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 8.
14. Революционное движение в Вильнюсском крае: 1920–1940 гг. Документы и материалы: Сб. Вильнюс, 1978.
15. Коминтерн против фашизма: Документы. Москва, 1999.
16. *Линдер И., Чуркин С.* Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. Москва, 2005.
17. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943: Документы. Москва, 2004.
18. *Савіч А.А.* Партызанскі рух у Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гадоў: стан і перспектывы даследавання // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2016. № 4.
19. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за свое социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: Документы и материалы. В 2 тт. Минск, 1962. Т. 1. 1921–1929.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495.
21. *Савіч А.А.* Камуністычны рух у Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гадоў і стварэнне КПЗБ: гістарыяграфічны дыскурс // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманіт. і грамад. навук. 2014. № 2.
22. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 242п.
23. *Фирсов Ф.И., Яжборовская И.С.* Коминтерн и Коммунистическая партия Польши. Ч. 1 // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11; Ч. 2 // Вопросы истории КПСС. 1988. № 12.
24. *Савіч, А.А.* «Сэцэсія» ў КПЗБ у айчынным гістарыяграфіі // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманіт. і грамад. навук. 2007. № 3 (30).
25. *Ладысеў У.* Першы з'езд КПЗБ // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 тт. Мінск, 1999. Т. 5.
26. *Борка А.І.* Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): манаграфія. Гродна, 2011.
27. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 92. Оп. 1. Д. 130.
28. *Валахановіч А.І., Міхнюк У.М.* Сповідзь у надзеі застацца жывым: аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча. Мінск, 1999.
29. *Селицкая Л., Селеменов В.* Как Вера Хоружая отказалась стать «польской шпионкой» // Наша ніва [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nn.by/?c=ar&i=162956&lang=ru>. Дата доступа: 21.02.2020.

СОВЕТСКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ В ЧЕХОСЛОВАКИИ
П.Н. МОСТОВЕНКО ПРОТИВ ЭМИССАРОВ КОМИНТЕРНА
(ИЮНЬ 1921 года – ФЕВРАЛЬ 1923 года)

© 2020 г. Н.Н. Станков

Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

stankov11@yandex.ru

В статье рассматриваются донесения советского представителя в Праге П.Н. Мостовенко в Народный комисариат иностранных дел РСФСР, разоблачающие методы деятельности агентов Коминтерна в период формирования Коммунистической партии Чехословакии, которые привели как к обострению внутривнутрипартийной борьбы, так и к обвинениям правительством ЧСР Советской России в подстрекательстве леворадикальных элементов и во вмешательстве во внутренние дела. Полпред предложил организовать деятельность Коммунистического интернационала на других принципах, предоставив возможность непосредственно КПЧ и другим компартиям представлять свои интересы в Коминтерне, отказаться от направления комиссаров и финансирования из Москвы. Телеграммы полпреда вызвали межведомственный конфликт Наркоминдела и руководства Коминтерна. Автор статьи предполагает, что настоятельные просьбы Мостовенко извинить полпредство от поручений Коминтерна в конечном итоге привели к его отставке.

The article investigates the dispatches of the Soviet plenipotentiary representative in Prague Pavel N. Mostovenko to the People's commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Russia. These documents unmask the activity of the agents of Comintern at the period of the formation of the Communist Party of Czechoslovakia which led to the aggravation of the struggle within the Party and allowed the Czechoslovak government charging the Soviet Russia with instigating the left-wing radicals and interference in internal affairs of Czechoslovakia. Mostovenko offered organising the activity of Comintern basing on quite different principals. He suggested giving the Communist Party of Czechoslovakia and Communist parties of other countries the possibility to represent their own interests in Comintern directly and abandoning the practice of the emissaries and the financing sent from Moscow. The telegrams of the Soviet plenipotentiary resulted in the conflict between the People's Commissariat for Foreign Affairs and the leadership of Comintern. The author presumes that Mostovenko's insistent proposals to exempt Soviet diplomats in Prague of the Comintern commissions led to his resignation from this post.

Ключевые слова: П.Н. Мостовенко, В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Коминтерн, Коммунистическая партия Чехословакии.

Keywords: Pavel N. Mostovenko, V.I. Lenin, G.Y. Zinoviev, Comintern, the Communist Party of Czechoslovakia.

DOI: 10.31857/S0869544X0009514-8

15 апреля 1921 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял предложение чехословацкого правительства об обмене миссиями для развития торговых отношений. Главой миссии в звании полномочного представителя РСФСР в Чехословацкой республике СНК назначил Павла Николаевича Мостовенко. В мандате, подписанном 27 апреля 1921 г. председателем СНК В.И. Лениным и народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным, подтверждались его полномочия и «подлежащие власти» призывались «оказывать ему зависящее содействие при исполнении возложенных на него обязанностей и предоставить ему пользоваться всеми правами, преимуществами и вольностями, каковые принадлежат его званию» [1. С. 416. Док. 370].

С новоиспеченным полпредом Ленин был знаком давно. В 1899 г. 18-летний уроженец Пермской губернии, потомственный дворянин, сын коллежского асессора П.Н. Мостовенко стал студентом Петербургской военно-медицинской академии и вскоре вступил в основанный Лениным «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В 1901 г. он стал членом РСДРП и в течение всей жизни был последовательным сторонником Ленина. В 1901–1905 гг. молодой революционер неоднократно подвергался арестам. Но и в условиях ссылки в Пермском крае, в Нижнем Новгороде, Ярославле Мостовенко не прекращал партийную деятельность. Во время первой революции в 1905 г. он — член Тверского, а в 1906 г. — Московского комитета РСДРП. В декабре 1905 г. Мостовенко участвовал в I конференции РСДРП в Таммерфорсе, в 1907 г. — делегат V съезда партии. В феврале 1917 г. он принимал активное участие в революции и был избран членом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. По поручению ЦК партии большевиков Мостовенко в составе делегации Петроградского совета был направлен на Румынский фронт, где в течение двух месяцев вел агитационную работу среди солдат и местного населения. В конце мая I съезд солдатских депутатов девятой армии избрал его депутатом Учредительного собрания от Румынского фронта. Как делегат от большевиков Румынского фронта Мостовенко участвовал в VI съезде РСДРП, на котором выступление о положении на фронте и настроениях солдат закончил знаменательными словами: «Дальше ждать нельзя!» [2. С. 435–438; 3. С. 60]

После съезда ЦК партии направил его в Москву для усиления революционной агитации среди солдат. В октябре 1917 г. Мостовенко был в числе организаторов восстания в Москве, избран членом военно-революционного комитета, затем председателем Московского совета солдатских депутатов, членом президиума Моссовета. Именно ему 5 ноября собрание полковых, ротных и командных комитетов Московского гарнизона поручило составить и послать приветствие Ленину по случаю победы революции [4. С. 163–164, 166–167].

В 1918 г. Мостовенко на подпольной работе на Украине. В 1919 г. последовало новое партийное поручение: он стал секретарем Уфимского губкома РКП(б) и уполномоченным ВЦИК и ЦК РКП(б) по организации Башкирской АССР [3. С. 60]. В 1921 г. призван на дипломатическую службу: назначен полпредом РСФСР в Литву, а затем в Чехословакию.

14 июня 1921 г. Мостовенко прибыл в Прагу. В числе первоочередных стоял вопрос о судьбе советской миссии Красного Креста, обвиняемой чехословацкими властями в подрывной деятельности против ЧСР. С осени 1920 г. глава миссии С.И. Гиллерсон и ее сотрудники неоднократно подвергались нападкам в прессе. Ознакомившись с положением дел на месте, Мостовенко пришел к выводу о необходимости ликвидации миссии Красного Креста, отзывает почти всех ее служащих в Москву, передаче функций миссии по работе с военнопленными возглавляемой им торговой делегации [5. П. 274. Д. 53929. Л. 39–40].

Виновным в создавшейся ситуации в самой миссии и скандалами вокруг нее Мостовенко считал В. Вишневого, бухгалтера миссии, который, уклоняясь от своих прямых обязанностей и ссылаясь на поручения Коминтерна, развернул активную конспиративную деятельность в ущерб главному предназначению миссии. 18 июня Мостовенко писал Чичерину, что Вишневецкий, «сославшись на полномочия Коминтерна», создал в Праге «что-то вроде самостоятельной от товарища Гиллерсона организации» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 33]. 27 июня полпред сообщил управляющему делами НКВД П.П. Горбунову о проступках «бухгалтера», которые привели к дискредитации миссии и полному провалу самого Вишневого. Полпред писал, что «будет очень досадно, если Москва поведение тов. Вишневого здесь оставит без внимания». «Нужно дать человеку очень большой нагоняй для того, чтобы в будущем обеспечить неповторение им его здешних подвигов, а также, чтобы и другим было неповадно» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 35]. На необходимости наказания Вишневого Мостовенко настаивал и в письме Чичерину: «Моя совесть партийного работника заранее возмущается уверенностью и безнаказанностью тов. Вишневого за то возмутительное нарушение дисциплины, которое он проявил здесь» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 39].

В донесениях в Москву Мостовенко указывал на разоблачения в пражской печати деятельности Вишневого и эмиссаров Коминтерна в Чехословакии М. Ракоши и Д. Алпари, соратников Б. Куна по венгерской революции. В частности полпред обращал внимание Чичерина на статью в газете «Právo lidu» от 9 июля, в которой сообщалось о поездке в Москву с целью информирования руководства Коминтерна и за денежной помощью функционера КПЧ Кучеры, которому Вишневецкий обеспечил нелегальный проезд. В публикации указывалось на ассигнование средств для КПЧ через Ракоши и Алпари [5. П. 274. Д. 53932. Л. 186]. «Разоблачение Кучеры произвело громадное впечатление» [5. П. 274. Д. 53932. Л. 187], – сообщал Мостовенко Чичерину 13 июля.

С начала августа сообщения Мостовенко в Наркоминдел стали еще тревожнее. Причиной послужила беседа с министром иностранных дел ЧСР Э. Бенешем, который обвинил советское правительство во вмешательстве во внутренние дела Чехословакии. 4 августа Мостовенко писал Чичерину, что Бенеш сообщил о наличии у него документов о снабжении агентами Коминтерна «чешских деятелей крупными деньгами». Министр также показал Мостовенко комплект печатных материалов и фотографий участников III конгресса Коминтерна, большую пачку фотографий работавших в Москве чехословацких коммунистов и заявил, что «дальнейшее продолжение их вмешательства в русско-чешские дела становится совершенно невыносимым» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 116]. Мостовенко писал Чичерину, что «весь разговор в части, касающейся субсидирования, велся в тоне и с оговорками, убедившими меня, что такие данные действительно имеются» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 116].

После разговора с Бенешем советский представитель навел справки о том, что могло быть известно чехословацким властям, и, по его словам, «результат этих справок оказался очень печальным». «Картина деятельности здесь Алпари, Ракоши и Вишневого заключалась в том, что, обладая громадными суммами денег, они раскидывали их направо и налево с единственной целью откровенного подкупа политических работников», – писал Мостовенко Чичерину. Один из партийных деятелей рассказывал, как в апреле 1921 г. Алпари «всунул» ему 30 000 крон и предложил немедленно ехать в Брно, чтобы выступить перед рабочими с критикой Шмерала. «Деньги Коминтерна откровенно идут не на

те цели, на которые они предназначены, — писал Мостовенко. — Публика, получающая субсидии, открыто тратит их на себя, ведя широкий и размахистый образ жизни» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 117]. Весьма плачевна и судьба полученных из Москвы бриллиантов: часть из них якобы утеряна, а часть «реализована на весьма сомнительных началах». Такая деятельность эмиссаров Коминтерна создала атмосферу взаимных подозрений, грызни в КПЧ. «Разложение в среде работников вносится и с другой стороны: получивши задание от представителя Коминтерна, отдельные люди освобождают себя от всякой зависимости от партии и от ее контроля в соответствующих случаях, ссылаясь на то, что они заняты делами гораздо более важными» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 118], — указывал Мостовенко. Он негативно оценил издаваемую в Праге при содействии Вишневого газету «Правда», которую считал «абсолютно никчемной», и к тому же, что еще «гораздо хуже», проводившей «какую-то политическую линию во всяких внутривнутрипартийных делах» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 118]. Мостовенко обращал внимание Москвы на то, что условия жизни партийных работников, не имеющих московских субсидий, полунищенские, на «невероятно трудное» положение КПЧ, против которой, по его мнению, готовился «серьезно организованный, сплоченный поход и хотя она действительно, как будто, как партия не воспользовалась ни одной копейкой шальных московских денег, то обстоятельство, что деньги брались отдельными лицами, та грязь, которая накопилась вокруг явно бесконтрольного расходования их, невероятно утяжеляет ее положение» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 118–119].

Мостовенко считал, что причиной создавшейся ситуации в КПЧ стал метод работы «через чужих здесь людей, державших в своих руках вместе с большими суммами и возможность механически воздействовать на людей и на дела». Он просил задержать приезд нового представителя ИККИ и считал, что «единственным представителем Коминтерна в Чехословакии может быть лишь ЦК КПЧ» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 118]. Мостовенко понимал, что неосведомленность Москвы о положении дел в коммунистическом движении Чехословакии объясняется тем, что центр получает одностороннюю информацию от заинтересованных лиц [5. П. 274. Д. 53929. Л. 119]. В телеграмме Чичерину от 10 августа он настаивал на своем срочном приезде в Москву [5. П. 274. Д. 53932. Л. 211].

Вопрос об одностороннем информировании центра был поднят Мостовенко в письме наркому от 25 августа в связи тем, что ему вручили для передачи письма, адресованные вновь избранным члену президиума Исполкома Коминтерна Б. Куну и секретарю ИККИ М. Ракоши. Ознакомившись с их содержанием, Мостовенко обратил внимание наркома на письмо к Ракоши, в котором имелся лист на немецком языке. В письме говорилось о «сведении на нет левой линии, победе течения Шмералья» и о солидарности с ним советской миссии. Мостовенко недоумевал, из каких источников автор письма почерпнул сведения о последнем факте. Б. Шмераль, М. Ванек и Я. Гандлирж поддерживали контакт с советским представителем, а единомышленников автора письма, несмотря на весьма энергичные попытки, ему не удалось установить. «Я отлично учитываю особенности, т.н. тактики Шмералья, равно как и мешанство здешней организации вообще. Ни мало не склонен солидаризироваться с ними, — писал Мостовенко Чичерину. — Вместе с тем, вполне определенно продолжаю стоять на невозможности бороться с этим явлением прежними методами, т.е. назначением особых уполномоченных-комиссаров с какими-либо особыми правами, вся работа которых заключается не в действительном преодолении этого мешанства, а вырождается в личную борьбу с наиболее

серьезными, популярными и отвечающими качествам самой партийной массы здешними работниками» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 7–7об.].

По мнению Мостовенко, вся переписка должна проходить через полпреда, что позволило бы «обеспечить единство информации, и приложить свою оценку к информации из других источников, поскольку она расходится с нашей» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 7].

В донесении Чичерину 29 августа Мостовенко вновь на примере письма «неизвестного товарища к Ракоши» обратил внимание на одностороннюю информацию: «Связь с Москвой очень слаба, добровольные корреспонденты обычно проявляют очень большое рвение, а кое-кто в Москве готов поверить всякой нелепице, не вдаваясь в дальнейшие обследования и подробности» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 12].

Принципиальные ошибки в организации связи и в целом работы со стороны Коминтерна, по мнению Мостовенко, создали тяжелое положение в КПЧ. Единственный выход он видел в прекращении всякой финансовой помощи и при условии, что «политическими представителями Коминтерна могут быть только ЦК местных партий». Мостовенко допускал, что Коминтерн может направлять и своих работников, но при обязательном условии работать исключительно с ведома ЦК и через него. «Это будет подлинная организация взаимной связи и взаимного осведомления и, хотя при разношерстности национальных партий аппарат Коминтерна и не будет так внешне однороден, но зато он будет больше отражать фактическое положение дел» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 13], – подчеркнул полпред.

В руководстве Коминтерна сообщения Мостовенко вызвали гневный протест. 13 августа Г.Е. Зиновьев и К.Б. Радек направили в политбюро ЦК РКП(б) письмо, в котором обвинили советского представителя в Праге в том, что он, поверивши Бенешу, шлет «позорнейшие телеграммы самого панического свойства». «Не имея ни малейших мандатов, вступает в переговоры с лидерами чешских ком[мунистов], вопит о мнимой деморализации этой партии, не имея понятий об этой партии. Это принесет величайший вред» [6. С. 306. Док. 85], – категорически заявили лидеры Коминтерна.

В ответ на эти обвинения Чичерин 14 августа направил в политбюро письмо, взяв под защиту Мостовенко, который в тревожных шифровках сообщил о разговорах с чехословацкими министрами и обнаружил, по его мнению, угрозу для советской республики. «Если он тревожится за безопасность советской республики, цитадели мировой революции, он обязан об этом сообщать советскому правительству» [6. С. 308. Док. 86], – считал нарком.

В.И. Ленин, ознакомившись с обоими письмами, оставил на полях сопроводительной записки секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова пометку: «По-моему, поручить Зин[овье]ву и Чичерину устраивать периодические совещания для информации и считать инцидент “закрытым”» [6. С. 307. Док. 85. Прим. 5]. Но Зиновьев раздувал межведомственный конфликт с воодушевлением не меньшим, чем пламя мировой революции. 16 августа он отправил Мостовенко письмо полное сарказма и иронии, обвиняя его в том, что он недостаточно знаком с политической обстановкой в Чехословакии, легко принимает «на веру все сообщения господина Бенеша», использует в качестве источников информации то ли его агентов, то ли какого-то «плаксивого представителя чехословацких центристов, склонных верить всякой сплетне». Зиновьев давал понять, что Мостовенко не должен вмешиваться в партийные дела в Чехословакии.

«Но надо, чтобы Вы не верили сказкам и не поддавались шантажу и не посылали бы вследствие этого столь же панических, сколь и необоснованных донесений в Москву, — наставлял Зиновьев полпреда. — Будет крайне печально, если Вы, доверившись подобным источникам, в какой-либо форме сами подержите вероятность подобных сообщений» [7. Ф. 495. Оп. 71. Д. 15. Л. 27–28].

Зиновьев отверг все «безобразия», о которых Мостовенко сообщал в Москву: «Мы смеем заверить Ваших информаторов, что никакой деморализации в рядах чехословацкой партии нет, и это одна из самых крепких, чисто пролетарская по составу партия» [7. Ф. 495. Оп. 71. Д. 15. Л. 27]. В завершении письма председатель ИККИ подчеркнул: «Мы не требуем от Вас и не можем требовать, в силу Вашего официального положения, содействия Коминтерну и коммунистической партии той страны, в которой Вы находитесь, но безусловно требуем — это чтобы созданием подобных легенд Вы не мешали работе Коминтерна и коммунистической партии той страны, где Вы представляете интересы советской республики» [7. Ф. 495. Оп. 71. Д. 15. Л. 28].

Письмо Зиновьева Мостовенко получил только 8 сентября и оно окончательно убедило полпреда, что его сообщения в Москву «встретили со стороны Коминтерна вполне ведомственное отношение» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 40]. В тот же день Мостовенко написал Чичерину: «К сожалению, при чтении этого письма я не мог отделаться от впечатления, что Москва в этой области мирится только с информацией вполне определенного рода. Всякая другая информация вызывает только раздражение, подозрение и упреки. Между тем, я еще раз подтверждаю, что сущность того, что я писал по этому поводу остается в полной силе» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 40].

По поводу требования Зиновьева, чтобы полпред своими паническими сообщениями не мешал работе Коминтерна, Мостовенко считал, что «речь идет как раз наоборот, о том, чтобы Коминтерн не мешал сам себе и нам в нашей, вполне естественной и законной, с нашей точки зрения, работе». Что же касается КПЧ, то он разделял мнение Зиновьева, что уже в недалеком будущем она действительно «обещает стать одним из серьезнейших наших оплотов в Зап[адной] Европе». «Тем более осторожно и щепетильно мы должны подходить к этой организации сейчас, когда она только складывается» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 40об.], — отметил Мостовенко.

26 сентября Мостовенко написал заместителю наркома М.М. Литвинову: «Возмутительная бумага, полученная мною от т. Зиновьева (копия т. Чичерину) только подчеркивает болезненность вопроса и необходимость категорического разрешения его. [...] Сказки о том, что я информируюсь от Бенеша или от центристов, конечно, совершеннейший пустяк. Факты говорят за себя». Он сообщил заместителю наркома, что располагает дополнительными материалами о коминтерновских делах в Чехословакии. Осознавая всю серьезность вопроса и необходимость его «категорического разрешения», Мостовенко пытался выяснить, может ли в создавшейся ситуации он рассчитывать на поддержку Наркоминдела, и посчитал целесообразным приезд в Москву [5. П. 274. Д. 53930. Д. 77–78].

Такая необходимость действительно была, так как политбюро ЦК РКП(б) 14 сентября 1921 г. по требованию Зиновьева назначило комиссию для рассмотрения обвинений, выдвинутых Мостовенко, с обязательным вызовом его лично [7. Ф. 17. Оп. 3. Д. 202. Л. 4]. Кстати, через него Зиновьев вызвал предварительно в Москву лидеров левого течения в КПЧ В. Штурца и его

единомышленников, обязав Мостовенко снабдить их на дорогу деньгами [7. Ф. 495. Оп. 71. Д. 15. Л. 41–42].

Полпред выехал в Москву в то время, когда в Праге собрался объединительный съезд КПЧ (30 октября – 4 ноября 1921 г.), завершившийся победой левых, избранием генеральным секретарем партии одного из их лидеров Б. Илека, обвинявшего Шмерала в недостатке революционности.

2 ноября вечером Мостовенко был принят Лениным [8. С. 362]. На следующий день состоялось заседание политбюро, на котором рассматривался доклад комиссии по поводу его обвинений. Политбюро постановило, что заключение комиссии требует «дополнительного ознакомления с материалами членов политбюро» и поручило новой комиссии в составе Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого «ознакомиться с материалами комиссии, запросив, в случае необходимости, личных объяснений от тт. Ванека, Мостовенко и Ракоши», причем к работе приступить немедленно [7. Ф. 17. Оп. 3. Д. 225. Л. 3].

На заседании политбюро 11 ноября председатель комиссии Каменев зачитал «предварительное заключение», исходя из которого ЦК РКП (б) не возражал «против немедленной поездки т. Мостовенко в Прагу впредь до окончания решения» [7. Ф. 17. Оп. 3. Д. 229. Л. 1]. Однако на заседании политбюро 17 ноября Зиновьев настоял, чтобы в дополнение к этому решению была принята специальная резолюция, запрещающая Мостовенко вмешиваться во внутрипартийные дела КПЧ [7. Ф. 17. Оп. 3. Д. 231. Л. 2]. В тот же день после заседания Чичерин послал Мостовенко срочную телеграмму: «Цека поручает дать Вам директиву, чтобы на время Вашего пребывания на посту полпреда в Праге Вы ни в коем случае и ни в какой форме не вмешивались во внутрипартийные дела чехословацкой объединенной коммунистической партии. В случае же обращения к Вам той или другой группы чехословацких коммунистов или отдельных товарищей Вашим долгом является направлять обращающихся в Москву или к представителю Коминтерна в Чехословакии» [5. П. 274. Д. 53933. Л. 22].

«Дело Мостовенко» продолжало оставаться в поле зрения политбюро до начала 1922 г. Только 7 февраля Литвинов известил полпреда, что «политбюро на заседании от 12 января по вопросу, касающемуся конфликта Вашего с Коминтерном, постановило: “Считать ликвидированным”» [5. П. 275. Д. 53944. Л. 4]. Трудно определить, что сыграло решающую роль в благополучном исходе дела: личное заступничество Ленина или принципиальная позиция НКИД, или то и другое вместе. Но в донесениях в Москву Мостовенко по-прежнему продолжал информировать НКИД о положении дел в КПЧ. 27 сентября 1922 г. он не без удовлетворения сообщил, что завершившаяся накануне конференция КПЧ исключила из партии «виднейших главарей» левого течения – В. Штурца, Б. Илека, В. Болена и др. По мнению Мостовенко это решение не приведет к расколу партии, не даст «зарываться целиком во внутренние дразги», но позволит «вернуться к общеполитической работе в стране», послужит оздоровлению партии и «возможности проявить себя, наконец, как активной силе» [5. П. 275. Д. 53943. Л. 18–19].

В письме Литвинову от 12 января 1923 г. Мостовенко вновь поднял вопрос об отношениях возглавляемой им миссии с Коминтерном. Он жаловался, что миссии навязывается «передаточная роль» между Коминтерном и КПЧ, и чехословацким властям об этом известно, как «известны и люди, которым в миссии поручена эта связь», и «известны случаи, когда в миссию приезжали из Москвы представители Коминтерна» [5. П. 276. Д. 53951. Л. 28]. Мостовенко

опасался, что все это дает повод для компрометации миссии. Он просил Литвинова «по-товарищески переговорить с т. Пятницким», настаивал «на нецелесообразности и ненужности в здешней обстановке использовать миссию для нелегальных целей» и предлагал рекомендовать Коминтерну, во-первых, «наладить эту связь через Берлин, минуя нас и наших курьеров», во-вторых, «аннулировать возложение на кого-нибудь из сотрудников миссии функции этого посредничества». Мостовенко обещал, что в случае необходимости он передаст «два-три руководящих письма на имя Шмералья или Запотоцкого» без всяких посредников: «Для этого не понадобится ни особого человека, ни особых функций». Мостовенко уверял «товарищей», что чисто «политическое общение мое с коммунистическими парламентариями — куда взаимно необходимее такой почтальонской работы» [5. П. 276. Д. 53951. Л. 29].

Неизвестно, какую роль сыграла позиция Мостовенко в отношении Коминтерна в его отставке с поста полпреда в Праге месяц спустя, но его преемника К.К. Юренева Литвинов предостерегал: «Будьте осторожны в своих отзывах о работе компартии и Коминтерна и в своих разговорах с коммунистами. [...] Лучше совершенно не вмешиваться в эти дела». Он информировал нового полпреда о том, какую негативную реакцию в руководстве Коминтерна вызвали сообщения Мостовенко, чуть не попавшего под партийный суд, от которого с большим трудом его спас якобы он — Литвинов. Заместитель наркома конфиденциально просил Юренева собрать в Праге компрометирующий материал на Мостовенко, намереваясь при случае его использовать без упоминания источника. На конверте Литвинов пометил: «Лично. Никому не вскрывать» [7. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2. Л. 49]. Но секретарь по недоразумению отправил письмо не Юренину, а Мостовенко. Разразился скандал. Чичерин вынужден был объяснять генеральному секретарю ЦК РКП(б) И.В. Сталину и секретарю Я.Э. Рудзутаку, что он не только не знал об этом письме, но и самым отрицательным образом относится «к подобным поступкам, которые могут только разлагать аппарат». Чичерин сообщил партийному руководству, что Мостовенко уходит из НКВД по собственному желанию, он давно к этому стремился, поскольку «приноровлен к внутренней, а не дипломатической работе, и крайне тяготился последней» [7. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2. Л. 48].

Ленин в то время был уже тяжело болен и ограничен в получении информации. Об отзыве Мостовенко из Праги, судя по сохранившимся документам, он узнал от заведующего Мосгорздравотделом В.А. Обухова, навестившего его в начале марта 1923 г. Ленин и Н.К. Крупская вспоминали о своем знакомстве с Мостовенко. Ленин попросил Обухова передать ему привет, а Крупскую — немедленно написать письмо, узнать о его работе в Чехословакии, кто его сменил на посту полпреда. Ленин проявил настолько живой интерес к делам Мостовенко, что Крупская просила последнего ответить поскорее, но не сообщать ничего волнующего, а «какие-нибудь картинки поживее, поярче, покарикатурнее» [7. Ф. 12. Оп. 2. Д. 204. Л. 8—8об.]. Ответ Мостовенко на это письмо обнаружить не удалось.

Конфликт полпреда с руководством Коминтерна свидетельствует о противоречивом характере международной политики большевиков. Мостовенко рассматривал деятельность полпредства с позиции защиты интересов советского государства и его безопасности. Поэтому и роль КПЧ он видел прежде всего в ее способности воспрепятствовать всяким явным или тайным проискам против Советской России, оказании сдерживающего влияния на чехословацкое

правительство, ставя его перед необходимостью «ужиться с нами» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 53].

Для Коминтерна как штаба мировой революции КПЧ должна была стать боевым отрядом чехословацкого пролетариата, который «победоносно развернет знамя социальной революции рука об руку с пролетариатом остальных народов Европы» [9. С. 2624]. И для этого считались пригодными любые средства.

Мостовенко были не чужды революционные идеалы, но он считал, что необходимо, во-первых, реалистически оценивать ситуацию в коммунистическом движении Чехословакии, во-вторых, недопустимы средства, применяемые эмиссарами Коминтерна (подкуп, продвижение своих сторонников в руководство партии, дискредитация неугодных деятелей, навязывание неприемлемых решений и т.д.).

После завершения дипломатической карьеры Павел Николаевич занимался партийной, административной, хозяйственной деятельностью, был членом Северо-Западного бюро партии, заместителем председателя Ленинградского облисполкома, ректором Московского высшего технического училища им. Н.Э. Баумана, директором Промышленной академии, членом президиума ВСНХ, председателем Высшей аттестационной комиссии Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП), директором Высших академических курсов НКТП. В конце 1937 г. он был арестован по обвинению в шпионаже, 15 марта 1938 г. расстрелян, в 1955 г. реабилитирован [3. С. 60; 10].

После реабилитации о его революционной деятельности появилось несколько статей. Один из биографов П.Н. Мостовенко в то время писал: «Никогда не померкнут в памяти народной героические дела ленинской когорты борцов революции» [3. С. 59]. В художественном кинофильме о событиях Октябрьской революции в Москве «Сердце России», вышедшем на экраны в 1970 г., Мостовенко — среди главных действующих лиц. В «Большой советской энциклопедии» ему отведено около 30 строк [11. С. 58], а в «Большой российской энциклопедии» и в «Новой российской энциклопедии» места для него уже не нашлось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1.
2. *Кортаева Л.В.* Мостовенко Павел Николаевич // Революционеры Прикамья. Пермь, 1966.
3. *Калинек М.* Павел Николаевич Мостовенко // Коммунист Молдавии. 1966. № 7.
4. Герои Октября. М., 1967.
5. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 43.
6. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.
7. Российский государственный архив социально-политической истории.
8. Ленинский сборник. М., 1980. Т. 39.
9. Коммунистический Интернационал. 1920. № 13.
10. Мостовенко Павел Николаевич // Жертвы политического террора в СССР (База данных) — Открытый лист [Электронный ресурс]: <http://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 11.02. 2020)
11. Мостовенко Павел Николаевич // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. М., 1974. Т. 17.

ПОЛИТИКА «ОЧИЩЕНИЯ» ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА В НЕЗАВИСИМОМ ГОСУДАРСТВЕ ХОРВАТИЯ В НАЧАЛЕ 1940-х ГОДОВ: ИСТОКИ, ФОРМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

© 2020 г. М.В. Кирчанов

Д-р ист. наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

В статье анализируются основные формы (законы, реформа правописания, пуризм) лингвистической политики, а также точка зрения интеллектуального сообщества первой половины 1940-х годов на развитие хорватского языка в НГХ.

The article analyses main forms (grammar rules, the reform of orthography, purism) of linguistic policy and the attitude of the intellectual community to the development of the Croat language in the Independent State of Croatia in the first half of the 1940s.

Ключевые слова: НГХ, языковая политика, пуризм, хорватский национализм, интеллектуальное сообщество, ответственность интеллектуалов.

Keywords: Independent State of Croatia, language policy, purism, Croatian nationalism, intellectual community, responsibility of intellectuals.

DOI: 10.31857/S0869544X0009735-1

Среди наиболее динамично развивающихся направлений в современном славяноведении выделяются исследования славянских языков, их положение в авторитарных недемократических режимах, что создает условия для междисциплинарного синтеза, позволяя интегрировать достижения как филологии, так и истории. Проблемы исторического развития ряда славянских языков детально описаны в историографии, но часть их пребывает в тени других сюжетов, которые привлекают больше внимания со стороны историков. Вопросы истории хорватского языка в Независимом государстве Хорватия (НГХ), а также языковой политики, которую проводили власти этого политического образования в первой половине 1940-х годов, как и сама хорватская государственность исследуемого периода – тема малоизученная в современном российском славяноведении. Число исследований первой половины 1990-х годов, в российской исторической кротоистике невелико [1–2]. Проблемами истории хорватского языка в НГХ занимаются преимущественно хорватские историки [3–4], диапазон мнений которых варьируется от традиционной позитивистской историографии, склонной писать историю в событийной системе координат до немногочисленных попыток описания истории хорватского языка в НГХ

в категориях интеллектуальной истории и истории идей. Оригинальные работы отечественных историков, сфокусированные на частных аспектах истории хорватского языка в НГХ в целом или на отдельных аспектах его функционирования в частности в современной российской историографии фактически отсутствуют.

Исходя из подобной историографической ситуации, целью статьи является анализ языковой политики в отношении хорватского языка в НГХ. Поэтому, в число задач автора входит анализ того, как и при помощи каких тактик и стратегий хорватские интеллектуалы в начале 1940-х годов на страницах периодических изданий («Narodne novine», «Spremnost», «Hrvatski narod», «Književni tjednik», «Nova Hrvatska», «Novi list») «воображали» и «изобретали»¹ такие образы хорватского языка, которые вписывались бы в идеологический канон национализма и языкового пуризма² как его частного проявления в Хорватии в первой половине 1940-х годов *не в контекстах филологии, но в рамках интеллектуальной истории* хорватской государственности изучаемого периода.

Специфика как объекта, так и предмета этой статьи определяют и методологические принципы, используемые в ней. Поэтому необходимо обратиться не только к лингвистическим методам, но и к принципам, предложенным в рамках инвенционистского поворота в историографии [5–6] и достижениям интеллектуальной истории [7–9], которые могут быть более продуктивны для изучения истории как хорватского языка, так и языковой политики в авторитарном обществе, чем методы традиционной позитивистской историографии.

К 10 апреля 1941 г., моменту провозглашения НГХ, хорватские интеллектуалы имели значительный опыт как развития хорватского языка [10], так и языкового национализма благодаря некоторым событиям предшествующего периода, включая: 1) принятие идей сербского ученого Вука Караджича о необходимости языковой унификации (1836); 2) Венское соглашение (1850) между хорватами и сербами о развитии языка; 3) деятельность ряда интеллектуалов, среди которых Адольфо Вебер Ткалчевич (Adolfo Veber Tkalčević, 1825–1889 [11]), Богослав Шулек (Bogoslav Šulek, 1816–1895 [12]), Вьекослав Бабукич (Vjekoslav Babukić, 1812–1875 [13]), Антун Мажуранич (Antun Mažuranić, 1805–1888 [14]), внесшие значительный вклад в унификацию хорватского языка и к наследию которых периодически апеллировали филологи НГХ [15]; 4) создание Хорватской бановины как формы автономии, что позволило существенно повысить статус хорватского языка, отменив «общее» хорватско-сербское правописание в пользу так называемого правописания Боранича (Boranićev pravopis), начать издание специализированного журнала «Hrvatski

¹ Используя эти формулировки, я признаю определенную маргинальность текста статьи в сравнении с другими отечественными исследованиями по истории НГХ, написанными в рамках традиционной (нео)позитивистской, событийной парадигмы. Поэтому история языковой политики в период существования НГХ воспринимается мною не как часть событийного исторического процесса, но в контексте интеллектуальной истории, предполагающей восприятие интеллектуалов в качестве создателей идентичностей, наделяя их необходимыми изобретенными/изобретаемыми традициями [5–6], необходимыми для функционирования и воспроизводства нации как воображаемого сообщества – в рамках подобной методологической системы координат деятельность хорватских интеллектуалов, анализируемая в этой статье, может восприниматься как часть тех культурных практик, которые направлены на укрепление хорватской идентичности, этничности и языка как «изобретенных традиций» и консолидацию хорватской нации как «воображаемого сообщества».

² Термин «пуризм» традиционно используется в лингвистической литературе для описания чрезвычайно завывшего стремления к чистоте того или иного языка, а также очищения его от иноязычных заимствований. В отношении языковой политики НГХ в начале 1940-х годов использование дефиниции «пуризм» может показаться несколько искусственным. С формальной точки зрения языковые практики хорватских интеллектуалов в изучаемый период могут быть определены как попытки очищения языка. Тем не менее, я полагаю более корректным применение термина «пуризм».

jezik» и издать книгу Петара Губерины и Круна Крстича [16–17] «Razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika» [18], которая отстаивала независимый статус хорватского языка.

В целом, к началу 1940-х годов³ хорватские националисты получили значительный опыт использования языка как политического ресурса. Поэтому создание бановины рассматривалось как шаг к полной государственной независимости, а усилия лингвистов начала 1940-х годов воспринимались как часть культурных и интеллектуальных практик, направленных на ее легитимацию. В целом, этот опыт сочетания национализма и лингвистических штудий предопределил основные векторы и направления развития языковой политики в отношении хорватского языка в НГХ.

Если до провозглашения по инициативе лидеров усташей хорватской государственности основными участниками, заинтересованными в процессе развития хорватского языка были филологи школьные учителя, то после 1941 г. ситуация изменилась. НГХ поставило развитие и функционирование хорватского языка под государственный контроль. В деле проведения языковой политики с властями сотрудничали некоторые хорватские интеллектуалы, и внесли весомый вклад в развитие хорватского языка в НГХ. Среди них следует назвать таких лингвистов, как Блаж Юришич⁴, Мариан Стойкович⁵, Стjepан Павичич⁶, Людевит Йонке⁷, Адольф Братолоуб Клаич⁸ [19].

³ Существование и развитие сербского и хорватского языков в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года – Королевство Югославия) было подчинено политической доктрине югославизма (югословенство), ставшей идеологической основой политики, направленной на консолидацию государства. Идеологи и сторонники режима настаивали на существование единого сербохорватского или хорватосербского языка, в ряде случаев определяемого как югославский и воспринимавшегося как основа югославской общности. Примечательно, что среди идеологов югославизма оказался и этнический хорват Фердо Шишич – автор книги «Југословенска мисао. Историја идеје југословенског народног уједињења и ослобођења» (Београд, 1938), которая популяризовала идею сербо-хорватской политической, этнической и языковой консолидации, что фактически противоречило идеям хорватского национализма. Фактически в стране сосуществовали две нормы: хорватская (использующая латинский алфавит) и сербская, одновременно применяющая и кириллицу и латиницу. Рост хорватского национализма протекал параллельно с требованиями признания независимого статуса хорватского языка, что было достигнуто в 1939 г. с созданием Хорватской бановины, где хорватскому языку был придан официальный статус. Таким образом, на протяжении 1919–1939 гг. сербская и хорватская нормы развивались параллельно, а кризис модели, предлагаемой в рамках югославизма, начало Второй мировой войны, немецкая и итальянская оккупация, создание НГХ – стали теми факторами, которые положили начало процессу расхождения между сербским и хорватским языками, хотя в Югославии, восстановленной после Второй мировой войны, предпринимались попытки языкового сближения хорватского и сербского языков через продвижение концепции существования единого сербохорватского / хорватосербского языка.

⁴ Блаж Юришич (Blaž Jurišić, 1891–1974) – хорватский лингвист и диалектолог, автор первого диалектологического словаря хорватского языка. В 1941 г. стал первым директором Хорватского государственного управления языка, а с 1950 г. – сотрудник Института языка югославской Академии наук и искусств.

⁵ Мариан Стойкович (Marijan Stojković, 1979–1965) – хорватский лингвист, доктор философии (1903). До 1944 г. сотрудничал с властями НДХ, консультируя Хорватское государственное управление языка. С 1944 г. – на пенсии.

⁶ Стjepан Павичич (Stjepan Pavičić, 1887–1973) – хорватский лингвист и этнограф. Сотрудничал как с властями НДХ (Хорватское государственное управление языка), так и СФРЮ (редакции Югославской и Хорватской энциклопедий)

⁷ Людевит Йонке (Ljudevit Jonke, 1907–1979) – хорватский лингвист и переводчик. С 1950 по 1973 г. возглавлял кафедру хорватского языка в Загребском университете. Популяризатор чешского языка и литературы в Хорватии. В 1954 г. поддержал Новисадское соглашение, но в 1960-е годы выступал с его критикой, отзывав в 1971 г. свою подпись. В 1967 г. поддержал Декларацию о названии и статусе хорватского языка. С 1965 по 1971 г. – директор Института хорватского языка. В 1973 г. принудительно отправлен на пенсию.

⁸ Адольф Братолоуб Клаич (Adolf Bratoljub Klaić, 1909–1983) – хорватский лингвист, доктор филологии (1941). С 1941 по 1945 г. – сотрудник государственных органов НДХ, занимавшихся языковой

Основным участником языковой политики, которая включала вопросы стандартизации, языкового регулирования и пуризма, стало новое специально созданное (28 апреля 1941 года) учреждение – Хорватское государственное управление языка (Hrvatski državni ured za jezik [20. S. 1]). Основным документом языковой политики периода НГХ стало «Правовое положение о хорватском языке, его чистоте и правописании» («Zakonska odredba o hrvatskom jeziku, o njegovoj čistoći i o pravopisu» [21. S. 1]), определявшее как основы правописания, так и функционирования языка в общественно-политической жизни. Примечательно, что большинство филологов лояльных режиму встретили эти инициативы положительно, определив соответствующие законы как проявления «защиты хорватского языка» [22. S. 12] со стороны властей. Несколько периодических изданий в НГХ были призваны публиковать решения властей относительно вопросов развития хорватского языка. Если «Hrvatski jezik» оставался преимущественно академическим изданием, то несколько газет, включая «Alma mater croatica», «Hrvatski narod», «Nova Hrvatska» и «Novi list», публиковали решения относительно лексических новаций, инициированных Хорватским государственным управлением языка.

Что касается политики в области хорватского языка в период между 1941 и 1945 гг., то она, с одной стороны, включала: 1) законодательное регулирование через издание законов, запрещавших использование кириллицы [23. S. 1], предусматривавших борьбу с неграмотностью [24. S. 1], предписывающих соблюдать «чистоту языка» [25] и использование так называемого корневого правописания (koriensko pisanje [26. S6–7; 27. S. 1]), которые легли в основу языковой политики в НГХ, хотя последняя зависела и от других законодательных актов, принятых в 1941 г., включая «Законное положение о присяге на верность Государству Хорватия» (10 апреля), «Законное положение о защите народа и государства» (17 апреля), «Законное положение о сохранении хорватского народного имущества» (18 апреля); «Решение о переименовании улиц, которые не имеют ничего общего с хорватской городской культурной средой и хорватским народом» (19 апреля)⁹, которые формально к хорватскому языку не относились, но в целом вписывались в ту политическую линию, которой придерживались новые политические элиты; 2) изменение правописания [28. S. 1–2; 29. S. 7] и его фиксация как новой нормы в словарях [30. S. 9; 32]; 3) вытеснение из хорватского языка сербизмов и интернационализмов [33] на уровне общественно-политической лексики и названия населенных пунктов; 4) изобретение новых слов от славянских в целом или хорватских корней в частности; 5) популяризация нововведений, известная как «jezična promičba» («языковая пропаганда») или «jezični savjeti» («языковые советы» [34]), при помощи газет подконтрольных властям. С другой стороны, языковая политика проявлялась и в регулярной дискуссии или дебатах (если этот термин применим к недемократическому НГХ) между хорватскими интеллектуалами относительно направлений и перспектив развития хорватского языка. Меры, предпринимаемые в области развития и функционирования языка, в определенной степени соотносились с политикой НДХ и в других областях, включая: 1) институционализацию авторитарного политического режима; 2) ограничение прав

политикой. Один из авторов орфографической нормы, принятой в НДХ. С 1950 г. – профессор хорватского языка в Академии театра и киноискусства. Переводчик древнегреческой и древнеримской литературы.

⁹ Большинство этих актов опубликовано на протяжении 1941–1942 гг. («Zbornik zakona i naredba NDH». Zagreb: Glavno ravnateljstvo za promičbu, 1942), что превращает их в ценный источник по, к сожалению, отсутствующей в отечественной историографии правовой истории Хорватии.

и свобод, введение и постоянное ужесточение цензуры; 3) преследование политических противников как среди хорватских политиков, так и представителей других групп; 4) создание и развитие аппарата политического контроля и государственного насилия, представленного системой концентрационных лагерей, что позволяло совершать акты как индивидуального, так и массового насилия в отношении сербского и еврейского населения¹⁰.

В рамках лингвистических дебатов хорватские филологи (если они, конечно, содержали элемент дискуссий) особое внимание уделяли доказательству и обоснованию центральной роли языка в развитии и сохранении хорватской идентичности, периодически декларируя необходимость борьбы за «красоту и чистоту хорватского языка» [35]. Это положение содействовало мифологизации его истории и определяло ее преимущественно этноцентричный характер, что позволяло лингвистам НГХ искусственно навязывать современную им хорватскую идентичность раннесредневековым славянам, которые автоматически определялись как хорваты, а их язык как хорватский.

В частности, Петар Грегц в 1944 г. констатировал, что «наши прадеды и деды сберегали хорватский язык как выражение и ядро хорватской самобытной культуры, понимая, что без него они потеряют право иметь свою родину, честь и быть уважаемыми соседями» [36. С. 4–5]. С незначительными вариациями эта идеологическая формула воспроизводилась в официальных изданиях НГХ вплоть до его падения [37], а лояльные режиму филологи настаивали, что «хорватский язык является святыней хорватского народа. Язык – это зеркало и самое честное выражение души нашего народа» [38. С. 9]. Именно склонность описывать хорватский язык как основу идентичности в ее этническом понимании и предопределило радикальные попытки со стороны хорватских интеллектуалов провести четкие разделительные линии между сербским и хорватским национальными и политическими проектами.

Поэтому, особое место в лингвистическом дискурсе периода НГХ уделялось разграничению хорватского и сербского языков, а также связанных с ними литературных традиций, которые воспринимались как радикально отличные друг от друга по языку и содержанию [38. С. 9]. Хорватские филологи не только настаивали на независимом статусе двух языков, но и активно продвигали сам концепт «hrvatski jezik» как основу идентичности. Блаж Юришич, например, в 1941 г. констатировал, что «совсем неоправданно называть язык хорватов сербским или сербско-хорватским [...], хорватский язык – это язык, на котором говорят и пишут хорваты [...], мы, как хорваты, называем свой язык хорватским и хотим этого от других. Если сербы хотят называть свой язык сербским, сербско-хорватским или югославским – это их дело. Нас это не касается. Мы идем и стремимся идти своим путем» [39. С. 9].

Доказывая, что хорватский и сербский являются разными языками, Адольф Клаич апеллировал к авторитету Анте Старчевича [40], а Блаж Юришич указал на то, что в прошлом сербы были вынуждены переводить книги хорватских авторов на сербский язык [41. С. 9–10]. Поэтому элиты НГХ не только

¹⁰ Все эти факторы, достаточно детально и подробно описанные и изученные в историографии [1] в различной степени, вероятно, влияли на политику как в отношении хорватского языка, так и его функционирование в обществе, хотя прямые взаимовлияния проследить крайне сложно, что свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения проблем истории НГХ, но в междисциплинарной перспективе – в контекстах культурной и интеллектуальной истории таких социальных явлений как притяжение/непритяжение, покорность/протест, лояльность/оппозиционность как на протяжении существования НГХ, так и эволюции представлений о нем в хорватской исторической памяти [2].

ограничивались периодическими публикациями статей о различиях между хорватским и сербским языками в официальных изданиях, но и систематизировали этот материал в виде нескольких книг, изданных под эгидой Министерства обороны [42]. Другой филолог, Круно Крстич [43], также активно продвигал идею самостоятельно хорватского языка, проводя прямые параллели между хорватским языком и существованием хорватской государственности, настаивая на том, что создание НГХ стало важным этапом в борьбе за права хорватского языка, так как именно там он официально был признан как государственный, а само государство уделяло значительное внимание языковому регулированию [44].

Петар Губерина¹¹ также солидаризировался с тем, что именно хорватский язык был одним из столпов хорватской государственной и политической традиции, противопоставляя его сербскому, определяемому им как ответвление «боснийско-герцеговинского штокавского наречия» [45. S. 9; 46. S. 9]. Круно Крстич¹² также стремился актуализировать исторические различия в развитии хорватского и сербского языков, настаивая, что хорваты использовали живой народный разговорный язык в то время, как сербы следовали за отжившими языковыми нормами православной средневековой литературы на церковно-славянском языке [47. S. 7]. Хорватские филологи также указывали на то, что хорватский является более древним языком в сравнении с сербским [48]. Кроме этого, они стремились отказаться от принципа «*Piši, kako govoriš*», который ассоциировался с сербским влиянием, в пользу другого, откровенно политического лозунга — «*Jednom narodu jedan jezik*» [49. S. 7].

Реализации этих идей подчинялись и другие действия хорватских интеллектуалов, включая работу как по внедрению принципов пуризма, так и по созданию и изданию нового хорватского словаря [50. S. 2]. В этой ситуации примечательна и та роль, которую в проведении политики пуризма в отношении хорватского языка играли политические элиты. С одной стороны, известные источники не зафиксировали отношение лидеров усташей к развитию языка, хотя большинство из них были сторонниками национализма. С другой, официальные издания Хорватии в первой половине 1940-х годов регулярно издавали статьи, призванные актуализировать точку зрения усташеских лидеров, хотя подобные тексты нередко были связаны с политической и идеологической конъюнктурой, будучи сфабрикованными. Например, уже 26 июля 1941 г. «*Hrvatski list*» опубликовал статью за подписью поглавника¹³ НГХ Анте Павелича [51], в которой он, обращаясь к хорватским журналистам, не только

¹¹ Петар Губерина (Petar Guberina, 1913–2005) — хорватский лингвист. В период существования НГХ активно выступал в периодической печати со статьями, разъясняющими и популяризирующими языковые нововведения. Академик Хорватской академии науки и искусств. Исследователь хорватской фонетики.

¹² Круно Крстич (Kruno Krstić, 1905–1987) — хорватский лингвист, доктор философии (1937). В период существования НДХ, как и Губерина, выступал со статьями, популяризирующими языковые нововведения. С 1951 по 1975 — сотрудник Института лексикографии. Активный сторонник независимого статуса хорватского языка.

¹³ Термин «поглавник», с одной стороны, в данном контексте представляет собой кальку с хорватского, что позволяет мне актуализировать роль, которую в НГХ играл этнический национализм и склонность элит к хорватизации общества. С другой стороны, я признаю, что в отечественной историографии утвердилась традиция использования «переводных» терминов, описывающих институт авторитарного вождества — «фюрер» или «луче», хотя последние фактически являются кальками соответственно с немецкого и итальянского языков. Термин «поглавник» наряду с другими дефинициями («вождь»/«фюрер») используется некоторыми российскими историками [1], а также англоязычной историографией, что можно воспринимать, с одной стороны, как попытку более четкой передачи лингвистических реалий НГХ, а, с другой, как отсутствие компромисса в рамках академического сообщества относительно используемых им терминов.

раскритиковал языковую политику Югославии, определив ее как принудительную сербизацию, но и призвал к работе по очищению хорватского языка от иностранных, преимущественно – сербских, заимствований. Подобные публикации имели место на протяжении всего периода существования НГХ [52–54], что стало попыткой сформировать позитивный образ Анте Павелича не только как поглавника, политического лидера, но и борца за возрождение хорватского языка.

Круно Крстич был среди хорватских филологов, активно культивировавших антисербский дискурс, подчеркивая, что вся политика югославских элит была направлена на сербизацию и преследование хорватов. Он, в частности, указал, что в целях сербизации использовались «школа, правительство, газеты, официальные издания, фильмы, радио», а «само имя хорватское было запрещено» [55. S. 5]. Поэтому, значительное число мер правительства НГХ в сфере языковой политики было направлено на десербизацию хорватского языка, что преподносилось как очищение языка и возвращение к корням под эгидой пуризма. «Nova Hrvatska» летом 1941 г. предприняла ряд мер, направленных на популяризацию и продвижение языковых новаций, предложенных А. Павеличем, опубликовав, например, пространные перечни слов, которые следовало заменить новыми, основанными на хорватских корнях. Например, вместо «antropološki», «autokracija», «celibat», «civilizacija», «diktatura», «doktrina», «ekonomija», «evolucija», «freazeologija», «individualnost», «kapitalistički», «konstitucija» и «suverenitet» предлагалось использовать соответственно «čovjekoslovni», «samovlađe», «neženstvo», «uljudba», «samovlast», «nauka», «gospodarstvo», «razvitak», «govor», «osobnost», «glavničarski», «ustav» и «vrhovništvo» [56. S. 4].

В целом, инициативу А. Павелича, направленную на внедрение принципов пуризма, отказ от использования заимствованных слов [57. S. 10–11] и «очищение хорватского литературного языка», поддержали и профессиональные филологи, которые не только предложили неологизмы типа «vodopis», «zemljioslovlje», «probitak», «pitomište», «ustroj», «preinaka», «samovlast», «krugoval», «živoznanstvo» вместо соответственно «hidrografija», «geologija», «interes», «internat», «organ», «reforma», «diktatura», «radio», «zoologija» [58. S. 6], но подчеркнули различное отношение в хорватском и сербском языкам к преимущественно латинским (и шире – к романским) заимствованиям. Например, Франьо Ципра предложил отказаться от слов «akontacija», «akreditive», «cifra», «defile», «depeša», «direktor», «fabrika», «firma», «juvelir», «komanda» и «portfelj» в пользу соответственно «predujam», «vjerodajnice», «brojka», «mimohod», «brzjavka», «ravnatelj», «tvornica», «tvrтка», «draguljar», «zapovjedništvo» и «lisnica» [59. S. 8], а другие филологи решительно настаивали на том, что именно такая лексика отражает «живой дух хорватских поколений» [60].

Несмотря на то, что официально в НГХ декларировались принципы пуризма, пропагандируя неологизмы типа «časnik», «dalekozot», «glazovir», «glazba», «kolodvor» [61. S. IV], хорватские филологи им вовсе не следовали, активно используя в текстах интернационализмы [62. S. 11], хотя периодические и размышляли о необходимости замены, например, слова «kultura» на более хорватское «uljudba» [63; 64. S. 5]. Пуристские практики в НГХ воспринимались как проявление оздоровления, очищения и возрождения хорватского языка [65–66]. Тексты, ставшие частью хорватской литературы, с одной стороны, предлагалось считать формой проявления идентичности, но, с другой, декларировалась необходимость унификации языка и преодоления как

региональных, так и социальных диалектов [67. С. 2–3], которые воспринимались как препятствие на пути консолидации хорватов как нации [68].

Подводя итоги, во внимание следует принять несколько факторов, которые определяли основные направления как развития языковой политики, так и хорватского языка в НГХ.

Во-первых, НГХ фактически стало первой формально независимой хорватской государственностью после продолжительного перерыва, что стимулировало рост хорватского как политического (гражданского), так и более радикального этнического национализма — поэтому именно национализм стал фактором, существенно повлиявшим на языковую политику в независимой Хорватии в первой половине 1940-х годов. Во-вторых, именно националистическими мотивами и соображениями руководствовались хорватские интеллектуалы, вовлеченные в выработку и проведение языковой политики. В-третьих, именно хорватский национализм, точнее — его радикальные направления, предопределили то значительное внимание, которое языковедами уделялось вопросам языкового пуризма — очищению хорватского языка от иноязычных заимствований, которые определялись преимущественно как сербизмы, и их последующей замене неологизмами, образованными от хорватских или общеславянских корней в целом. В-четвертых, попытки реализации принципов пуризма в значительной степени предопределили и облик хорватского политического языка, который доминировал в первой половине 1940-х годов как формы функционирования хорватского националистического дискурса и политического воображения. В-пятых, последствия языковой политики в отношении хорватского языка в 1940–1945 гг. были различны: если в СФРЮ лингвистические эксперименты националистов, направленные на внедрение неологизмов и очищения языка от сербизмов, были фактически отвергнуты и официально свернуты, то интеллектуалы хорватской эмиграции нередко продолжали руководствоваться принципами, предложенными в НГХ.

Кроме этого, национально ориентированные гуманитарии в СР Хорватии в СФРЮ периодически стремились реанимировать ценности хорватского национализма и пуризма, что, например, нашло отражение в событиях «хорватской весны»¹⁴. После восстановления независимости и государственности Хорватии в 1991 г. интеллектуалы и политики, несмотря на рост национализма и фактическую реабилитацию НГХ, а также попытки провозгласить континуитет между различными историческими формами хорватской государственности, не вернулись к лингвистическим экспериментам своих предшественников, хотя хорватский язык в большей степени, в сравнении с СФРЮ, актуализировал свои политические функции и связь с хорватским национализмом.

Таким образом, период существования НГХ, несмотря на его непродолжительность, стал важным этапом в истории развития хорватского языка. Лингвистические эксперименты хорватских интеллектуалов в первой половине 1940-х годов пытались продолжить хорватские националисты второй

¹⁴ Проблема наследия языковой политики первой половины 1940-х годов, в частности, и самого НГХ, в целом, принадлежит к числу как дискуссионных, так и малоизученных тем в отечественной историографии. Суммируя особенности историографической ситуации, вероятно, следует констатировать необходимость дальнейшего изучения истории хорватского языка. Основные направления подобных междисциплинарных штудий могут стать следующими: 1) изучение интеграции интеллектуалов НГХ в академические структуры СФРЮ; 2) анализ преемственности и дискретности в истории хорватского академического лингвистического сообщества; 3) изучение роли интеллектуалов НГХ и/или их учеников в истории «хорватской весны».

половины XIX – начала XX в., но поддерживаемая властями решительность внедрения языковых нововведений, общий радикализм политических элит, склонность к идеям этнического национализма в его наиболее последовательных формах, предусматривавших применение насилия в отношении этнических меньшинств, устойчивая связь языковых новаций с политическим недемократическим режимом, который был союзником Германии и Италии во Второй мировой войне – все эти факторы маргинализировали языковые эксперименты, что, тем не менее, придает актуальность изучению проявлений языкового национализма в хорватской истории как в предшествующую НГХ эпоху, так и в последующие периоды развития хорватской государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Беляков С.* Усташи: между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург, 2009.
2. *Кирчанов М.В.* Исторический ревизионизм в Болгарии и Хорватии: проблемы истории национализма и политическая ответственность интеллектуалов // Проблемы стран постсоветского пространства, стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Воронеж, 2019.
3. *Samardžija M.* Hrvatski jezik u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 1993.
4. *Samardžija M.* Hrvatski jezik, pravopis i jezična politika u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2008.
5. *Hobsbawm E.* Interesantna vremena. Podgorica, 2005.
6. *Hobsbawm E.* Doba ekstrema. Zagreb, 2009.
7. *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999.
8. *Dvorniković L.* Uzgojna ideja u kulturnoj povijesti čovječanstva. Zagreb, 1911.
9. *Mužić I.* Hrvatska politika i jugoslavenska ideja. Zagreb, 1969. 319 s.
10. *Kapetanović A.* Položaj i razvoj hrvatskoga jezika od 1918. do 1945. godine // Studi Slavistici. 2018. Vol. XV. No 2.
11. *Veber Tkalčević A.* Književna obznana // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Beograd, 1968. Kn. IV–VI.
12. *Gostl I.* Bogoslav Šulek: otac hrvatskoga znanstvenoga nazivlja: o stotoj obljetnici smrti (1895–1995). Zagreb, 1995.
13. *Babukić V.* Osnova slovnice slavjanske narječja ilirskoga (1836). Zagreb, 2012.
14. *Milušić A.* Historiografski triptih: Brlić – Mažuranić – Mesić. Osijek, 1998.
15. *Krstić K.* Jedno stoljeće jezika // Hrvatski narod. 1942. God IV. Br. 428. 17. svibnja.
16. *Bašić N.* Odjeci Guberina-Krstićevih Razlika u hrvatskome jeziku i jezikoslovlju // Jezik. 2000. Br. 5.
17. *Babić S.* O Guberinim pogledima na hrvatsko-srpske jezične razlike // Jezik. 1998. Br. 5.
18. *Guberina P., Krstić K.* Razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1940.
19. *Guberina P.* Hrvatski jezik, preavoopis i jezična politika u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj // Samardžija M. Hrvatski jezik, pravopis i jezična politika u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2008.
20. Zakonska odredba o osnivanju Hrvatskoga državnog ureda za jezik // Narodne novine. 1941. 28. travnja.
21. Zakonska odredba o hrvatskom jeziku, o njegovoj čistoći i o pravopisu // Narodne novine. 1941. 14. kolovoza.
22. *Gruber F.* Zaštita hrvatskog jezika // Hrvatski list. 1941. God XXII. Broj 301 (7291). Zakonska odredba o zabrani ćirilice // Narodne novine. 1941. 25. travnja.
23. Zakonska odredba o širenju pismenosti u narodu i održavanju tečajeva za nepismene // Narodne novine. 1941. 13. rujna.
24. Odredba Poglavnika o čistoći hrvatskog jezika // Službeni glasnik Ministarstva nastave. 1941. God I. Broj 10. 1. studenoga.
25. Koriensko pisanje. Zagreb: Hrvatski državni ured za jezik, 1942.
26. *Klaić A.B.* Zašto korienski pravopis // Spremnost. 1942. God I. Broj 19. 5. srpnja.
27. Ministarska naredba o hrvatskom pravopisu // Narodne novine. 1941. 25. lipnja.
28. *Stojković M.* Hrvatski pravopis // Hrvatski narod. 1943. God V. Br. 619. 1. siječnja.
29. *Pavičić S.* Rječnik hrvatskog književnog jezika // Književni tjednik. 1941. God I. Br. 2. 22. prosinca.

30. *Raos I.* Rječnik hrvatskog književnog jezika // Hrvatski narod. 1942. God IV. Br. 323. 11. siječnja.
31. *Jedvaj J.* Nov rječnik hrvatskoga jezika // Vienac. 1944. God XXXVI. Br. 3.
32. *Cipra Fr.* Barbarizmi u hrvatskom jeziku nekad i danas // Alma mater croatica. 1941. Br. 2.
33. *Samardžija M.* Jezični purizam u NDH: Savjeti Hrvatskog državnog ureda za jezik. Zagreb, 1993.
34. *Bošnjak-Dragovački I.* Za ljepotu i čistoću hrvatskog jezika // Naraštaj slobode. 1942. God II. Br. 4 (11).
35. *Grgec P.* Jezik kao jezgra hrvatske samobitne kulture // Hrvatski narod. 1944, God VI. Br. 973. 1. ožujka.
36. *Šenda A.* Za čistoću jezika // Hrvatski narod. 1945. God VII. Br. 1265. 18. siječnja.
37. Za pravilnost i čistoću hrvatskog jezika. Zagreb, 1945.
38. *Jurišić B.* Književni jezik kod hrvata i kod srba // Spremnost. 1944. God III. Br. 111–112.
39. *Jurišić B.* O imenu hrvatskoga jezika // Za dom. 1941. Br. 1. 8. svibnja.
40. *Klaić A.B.* Starčević kao borac za hrvatski jezik // Spremnost. 1942. God I. Br. 8. 19. travnja.
41. *Jurišić B.* Pitanje hrvatske jezične posebnosti // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 114. 8. lipnja.
42. Razlike između hrvatskoga i srbskoga književnog jezika. Zagreb, 1942.
43. *Krstić K.* Hrvatski jezik // Novi list. 1941. God I. Broj 17. 15. svibnja. S. 13.
44. *Guberina P.* Razlike između hrvatskih i srpskih jezičnih oblika // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 95. 18. svibnja.
45. *Guberina P.* Stilske i stilističke razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika // Novi list. 1941. God I. Br. 21. 19. svibnja.
46. *Krstić K.* Narodni govor i književni jezik // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 175. 8. kolovoza.
47. *Jurišić B.* Hrvatski jezik ima 750-godišnju povijest // Nova Hrvatska. 1942. God II. Br. 214. 12. rujna.
48. *Krstić K.* Hrvatsko jezično zakonodavstvo // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 77. 30. travnja.
49. *Krstić K.* Pitanje hrvatskog rječnika // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 160. 7. srpnja.
50. *Pavelić A.* Poglavlak traži čistoću hrvatskog jezika // Hrvatski list. 1941. God XXII. Br. 205 (7195). 26. srpnja.
51. Poglavlak za čistoću hrvatskog jezika // Hrvatski list. 1944. God XXV. Br. 59 (8124). 10. ožujka.
52. Poglavlak među hrvatskim novinarima // Hrvatski narod. 1944. God VI. Br. 977. 5. ožujka.
53. Hrvatski profesori kod Poglavnika // Hrvatski list. 1944. God XXV. Br. 77 (8142). 31. ožujka.
54. *Krstić K.* Pitanje srbizama // Alma mater croatica. 1942. God V. Br. 8–9. Travanj – svibanj.
55. *Črljen D.* Hrvatski narodne rieči – mjesto tuđica (primjeri iz Poglavlakove knjige «Strahote zablude») // Nova Hrvatska. 1941. God I. Br. 111. 18. kolovoza.
56. *Krstić K.* Zamjenjivanje tuđica // Hrvatski narod. 1943. God X. Br. 810. 16. kolovoza.
57. *Klaić A.* Nekadašnje i današnje jezične novotvorine // Hrvatski list. 1941. God XXII. Br. 264 (7254). 23. rujna.
58. *Cipra Fr.* Različiti odnošaj hrvatskog i srpskog jezika prema tuđicama // Novi list. 1941. God I. Br. 133. 9. rujna.
59. *Krstić K.* Jezik i život // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 280. 22. studenog.
60. *Guberina P.* Poštujemo osnovna jezikoslovna načela // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 84. 7. svibnja.
61. *Guberina P.* Jezična prošlost i sadašnjost // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 107. 31. svibnja.
62. *Krstić K.* Hrvatske zamene za riječ «kultura» // Hrvatski narod. 1942. God IV. Br. 359. 22. veljače.
63. *Krstić K.* Povijesni put hrvatskoga književnog jezika // Hrvatska revija. 1942. God XV. Br. 8.
64. *Krstić K.* Čistoća i preporod jezika // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 99. 22. svibnja.
65. *Vukelić Z.* Ka ličenju hrvatskog jezika // Hrvatski narod. 1941. God III. Br. 107. 30. svibnja.
66. *Krstić K.* Bogatstvo jezika // Hrvatski narod. God III. Br. 47. 11. srpnja.
67. *Guberina P.* Hrvatski pisci i filolozi // Obzor. 1941. God LXXXI. Br. 86. 11. travnja.

К ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ ОСЕНЬЮ 1956 ГОДА: ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

© 2020 г. А.Ф. Носкова

Д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

noskova.albina@rambler.ru

В статье на основе анализа документов из архивохранилищ России и привлеченных автором необходимых научных исследований российских и польских историков проанализированы внутренние социально-экономические и политические причины общественного кризиса в Польше в 1956 г., рассмотрен ход и итоги советско-польских переговоров осенью 1956 г. Автор пришел к выводу, что способы разрешения противоречий по вопросам экономического и военно-политического сотрудничества и достигнутые договоренности соответствовали национально-государственным интересам СССР – КПСС и ПНР – ПОРП.

The article is based on the analysis of documents from the Russian archives and works of Russian and Polish historians and analyses the inner social, economic and political causes of the social crisis in Poland in 1956, considers the process and results of the Soviet-Polish negotiations in the autumn of the same year. The conclusion is made that the methods of resolving the contradictions and agreements on the issues of economic and military-political cooperation corresponded to the national interests of the USSR – CPSU and PPR – PUWP.

Ключевые слова: СССР, КПСС, ПНР, ПОРП, 1956 г., общество, кризис, противоречия, переговоры, национально-государственные интересы, методы урегулирования.

Keywords: USSR, CPSU, PPR, PUWP, 1956, society, crisis, contradictions, negotiations, national interests, settlements methods.

DOI: 10.31857/S0869544X0009515-9

Осенью 1956 г. руководители СССР и ПНР встречались дважды, в октябре и ноябре. Поводом послужили разногласия по политическим и экономическим проблемам в двусторонних отношениях, а причиной – нараставшее в 1950-е годы ухудшение экономической ситуации в Польше и тревожное для власти социально-политическое недовольство, «пиком» которого и стал 1956 г. Для СССР и ПНР этот внутрисистемный кризис проложил исторический рубеж между «до» и «после».

За истекшие десять послевоенных лет ситуация в Польше существенно менялась не единожды и довольно стремительно. Сложное воздействие на

«самочувствие» ее граждан оказали новые реальности. Важнейшей среди них было обретение, по воле глав США, СССР и Великобритании, новой системы союзов и геополитического местоположения на континенте. Факт освобождения польских земель советскими войсками от гитлеровской оккупации и политические договоренности Большой тройки в Тегеране и Ялте, закрепленные решениями в Потсдаме [1], были таковы, что, помимо сохранения традиционно союзных отношений с Великобританией и США, военно-политическим союзником и единственным гарантом внешнеполитической безопасности Польши стал СССР, а отношения с ним заняли ключевое место во внешней и внутренней политике страны. Главный победитель в Европе взял на себя ответственность за сохранность и безопасность территориальных приобретений Польши за счет Германии. Для этого в западных воеводствах с лета 1945 г. разместились Северная группа советских войск [2. С. 454]. Их присутствие одновременно являлось фактором и внутривнутриполитической жизни, оказывало воздействие на общественные настроения в стране, весьма чувствительной к вопросу своей независимости¹.

Внутреннюю безопасность государства должна была обеспечить власть, сразу после освобождения имевшая поддержку меньшинства населения, но представлявшая объективные интересы его абсолютного большинства. Польские коммунисты – идейно-политические единомышленники СССР, получили ключевые позиции в структурах управления, отдав немалую часть власти тем социалистам, людовцам и демократам, кто, ради возрождения государства, согласился на потери территории на востоке при выгодной компенсации на западе и на предоставление Москве приоритетного места в системе его послевоенных союзов. Участие во власти рядом с коммунистами представителей довоенного политического класса из демократических рядов оппозиции режиму санации, считавших предпочтительной ориентацию Польши на Запад, отражало коалиционность власти, отличавшую ее от отвергаемого многими поляками советского образца, и было призвано «уравновесить» влияние коммунистов. Так в Польше при поддержке СССР и трудовой и малоимущей части населения в 1945 г. была установлена власть, коренным образом отличавшаяся от довоенной (см. подробнее [2. С. 430–434]).

Эти принципиальные перемены весьма болезненно воспринимались многими поляками. Сохранялось доверие к правительству в эмиграции и его подпольным структурам в стране, были распространены националистические, антисемитские, антикоммунистические и антисоветские настроения разной степени радикальности² и представления о польских коммунистах как исключительно евреях и «руке Москвы». Они разделялись теми, кто потеряв власть, надеялся на возвращение к довоенным порядкам и на разрыв с СССР. Сохранявшееся ряд лет антиправительственное военно-политическое, в том числе

¹ Одним из негативных слагаемых этой атмосферы была окончательная утрата, по воле Большой тройки и в пользу СССР, многонациональных довоенных восточных воеводств. В течение 20 лет между мировыми войнами усилиями польской пропаганды «восточные креслы», присоединенные в результате победы «польского оружия» над Красной армией в 1920 г., стали для миллионов поляков символами возрождения польской государственности, заняли прочное место в их исторической памяти и бросали «тень» на состояние советско-польских отношений.

² Отмечу, что интерес к фашизму, в частности к антиеврейским законам в Германии, были свойственны некоторым довоенным политическим кругам Польши. В 1930-е годы в молодежной среде существовали радикальные, включая откровенно фашистские и профашистские, организации, и в годы войны в польском подполье действовали партизанские отряды, сотрудничавшие с гитлеровцами на антисоветской основе. (см. подробнее [3]).

вооруженное, подполье и его сторонники в разных слоях национально чувствительного польского общества активно убеждали поляков, что Красная армия «оккупировала» утратившую независимость Польшу, и через коммунистов правит Москва. Соответственно истолкованные реальные факты (участие советских советников в организации аппарата управления и гражданского производства, в деятельности польских органов безопасности, служба советских людей в Войске польском и размещение группы советских войск) противопоставлялись усилиям и успехам новой власти в восстановлении и реформировании страны. В результате среди значительной части польского общества бытовали и постоянно подпитывались подпольной печатной и устной пропагандой антикоммунистические настроения, которые создавали неустойчивую общественную атмосферу. В ней сосуществовали недоверие к «временной» власти, нередко враждебность к СССР одних, убежденность в правоте власти, ее поддержка и признание роли СССР в спасении от уготованной гитлеровцами гибели — других и большинство третьих, тех, кто хотел лишь мирной жизни и работы во благо семьи, временами поддерживая, правда, тех или других³.

Однако в результате проводимых властью общедемократических преобразований в пользу большинства, по мере того как восстанавливалась экономика, атмосфера в стране улучшалась. Рядовой поляк все больше выбирал вместо противостояния «жидо-коммуне», ориентации на подполье и его поддержки, обыкновенную жизнь, участие в восстановлении страны, жилье, учебу, работу, постепенно отдаляясь от неприятия новой власти. К 1948 г., в основном, завершилась в ее пользу идейно-политическая (с элементами вооруженной и репрессивной) борьба за облик страны и предпочтительную ориентацию на Запад или Восток. Это обстоятельство, успехи в реформировании социальных отношений в пользу ранее неимущих слоев и в модернизации экономики при материальной и финансовой поддержке СССР отозвались улучшением положения населения. Большая его часть переходила к нейтральному или позитивному восприятию власти и восточного соседа в качестве главного союзника, была готова принять новые реалии 1948 г., а на рубеже 40–50-х годов, ощутив выигрыш от происходивших социально-экономических перемен, принимала и польскую версию политического режима советского типа во главе с Польской объединенной рабочей партией (ПОРП) [4. S. 120; 5. S. 30, 47].

Однако к 1953–1955 гг. эти настроения людей, включая часть находившихся у власти, в разной мере преданных сторонников советского опыта и политически активных молодых революционеров, беспартийных и членов ПОРП⁴, были поколеблены. Повлиял ряд обстоятельств. Отмечу морально-политическое — смерть Сталина в 1953 г., с именем которого многие поляки раньше — молча, теперь все более открыто связывали немалые (по польским меркам) репрессии в стране и партии против реальных и мнимых противников власти, включая подполье времени сопротивления гитлеровским оккупантам. Возбуждающую роль сыграл XX съезд КПСС. Он обозначил грядущие перемены. Но определяющим фактором влияния на общество стало падение уровня жизни, ухудшение, прежде всего, продовольственного снабжения городов, что обнажило несоответствие достигнутых

³ Анализ причин такого идейно-политического состояния польского общества — предмет иного исследования.

⁴ По словам современника и участника тех событий, социалиста, затем члена ПОРП и ее ЦК, историка А. Вербляна, «это были люди, которые действительно, очень глубоко верили в новый порядок. Вера была тому основанием». Были и те, по его мнению, кто принял новую действительность «скорее разумом, чем верой», эмоционально хотел социализма, был сторонником революционных методов и «социалистического реализма» [5. S.67–68].

результатов намерениям и обещаниям подъема экономики Объединительным съездом рабочих партий в декабре 1948 г. Скверная экономическая ситуация, будучи прямым следствием невыполнения 6-летнего плана развития страны, формировала атмосферу нарастающего раздражения властью, олицетворением которой выступало персонально руководство ПОРП [6–9].

К 1956 г. падение жизненного уровня рабочего класса, довоенного и рожденного индустриализацией, не желавшего возвращения к прошлой жизни и составившего «ядро» поддержки ПОРП, достигло апогея. Высокие налоги на частную торговлю и ремесло вызвали обеднение и недовольство мелких тружеников. Стали систематическими забастовки в разных городах и районах, где, наряду с превалировавшими экономическими требованиями (повышение зарплат, снижение налогов, улучшение продовольственного снабжения), раздавались политические призывы и лозунги (обеспечить права граждан, но, прежде всего – свободу совести и независимость от СССР) (см. подробнее [2]).

Изменились настроения и крупной социальной группы населения – крестьянства. В послевоенные годы крестьяне, взяв землю от коммунистов, помня свой недавно «нищий социальный престиж, [...] одобряли совершавшиеся революционные преобразования в социальных отношениях, хотя одновременно были против социалистических преобразований в известной им (советской. – А.Н.) версии» [7. S. 333]⁵. После подавления к 1948 г. разными методами, в т.ч. репрессиями партии, позиционировавшей себя представителем интересов деревни, с которой связывались надежды на избавление от нужды и колхозов, после того, как ПОРП, отстранив в 1948 г. от власти Вл. Гомулку, *de facto* дезавуировала данное им в 1946 г. обещание не создавать колхозов еще 15–20 лет и приступила к принудительной, как правило, организации производственных кооперативов, настроения крестьянства стали принципиально другими⁶. Оно ответило власти массовым уклонением от вступления и работы в кооперативах, а власть крестьянам – силовым подавлением протестов в деревне [11]. Однако польское крестьянство отстаивало право на свой надел, ибо производительность его труда была тогда выше, чем в слабо обеспеченных техникой и плохо управляемых кооперативах и госхозах. И хотя «порог» протестных настроений на селе был ниже городских, индивидуальные крестьяне и крестьяне-члены кооперативов, оплата труда которых не поспевала за городом, были недовольны ростом налогов, дороговизной промышленных товаров, семян, удобрений, отставанием социальных и бытовых условий от городских норм.

Недовольство обстановкой в стране имело место среди широко понимаемой и в первой половине 1950-х годов численно выросшей польской интеллигенции. По понятным причинам во внутренней «оппозиции» новой власти, как таковой, находилась та ее часть, которая в свое время по идейно-политическим и социально-экономическим мотивам поддерживала довоенный режим, создавала правительство в эмиграции и «свое» антигитлеровское подполье, теперь, утратив власть и привилегированное социальное положение, шла на контакт с «враждебной» властью и трудилась во имя Польши⁷.

⁵ Крестьяне составляли 22,1% членов Польской рабочей партии (ППР) [10. S. 288].

⁶ В конце неурожайного 1953 г. правительство осознало, что ставка на производительную силу коллективного труда провалилась и вся страна может оказаться перед угрозой голода (цит. по [7. 334–347]).

⁷ Характеризуя польскую интеллигенцию, крупный социолог времен ПНР Ю. Халасиньский в 1946 г. задавался вопросом: «Откуда взялось в ней чувство превосходства или убеждение, что она представляет весь народ, или миф ее шляхетского происхождения»; в 1958 г., критикуя власть, профессор продолжил: «Нигде это противопоставление не получило такой отчетливости, как у нас, [...]»

Все больше вопросов задавали принявшие ПОРП, как источник власти, обеспеченные работой люди творчества, профессура, учителя, историки, юристы, а также новое многочисленное и политически активное студенчество. Не отвергая достигнутые успехи строительства социализма по-советски, поддерживая планы цивилизационного рывка страны под руководством ПОРП, они были озабочены отсутствием прогресса в экономике, не соглашались с репрессивными, нередко мотивированными политической «целесообразностью» методами работы спецслужб, суровыми уголовными преследованиями «своих» и «чужих» за нередко приписываемое «инакомыслие» и сотрудничество с «врагами» партии. Особый протест вызывали наказания за причастность к проправительственному подполью военного времени, к патриотической, но антикоммунистической и антисоветской, а с 1945 г. и антиправительственной Армии крайовой, к ее нелегальным «остаткам», немало теперь пораженным обычным бандитизмом (см. подробнее [9; 12]).

Особые опасения вызывала у власти оппозиционность Польской католической церкви, оказывавшей, пожалуй, самое значительное и существенное влияние на национальное сознание. Глубоко религиозные поляки были крайне недовольны принуждением церкви к сотрудничеству на условиях, которые диктовала светская власть, вмешательством правительства в кадровую политику и контакты епископата с Ватиканом, применением репрессивных мер к примасу Польши, кардиналу С. Вышинскому и ряду епископов, ограничением религиозного просвещения в школе. В августе 1956 г. 200 тыс. прихожан, на католическом празднике в Ченстохове, потребовали от власти освобождения священнослужителей и свободы для церкви (см. подробнее [13. Раздел III. Гл. I, III. С. 499–525, 714–757; 14. С. 160–188]).

Почти всеобщим было недовольство и раздражение поляков, как уже указывалось выше, пребыванием на польской земле советских войск (см. [15. С. 153–155, 414–416, 578; 16. С. 153–154; 2. С. 102–103; 123–125; 153–155]), службой советских генералов и офицеров в Войске польском, советников в госбезопасности. Это воспринималось обществом как откровенное ограничение национального суверенитета Польши, что противоречило вековой национальной традиции борьбы за независимость от России, занимавшей большое место в исторической памяти поляков. Недовольны по разным причинам были люди разного социального положения, включая тех, кто служил в Войске польском и Министерстве общественной безопасности⁸.

Значительная часть сформировавшегося к середине 1950-х годов нового польского офицерского корпуса профессионально не могла не понимать

интеллигенция – польские Европейцы, и народ – польские Негры – не имеющая исторического значения мешанина, а не органическое целое современного народа. Польская интеллигенция [...] в своей исторически сформированной структуре мешает народным массам самостоятельно найти смысл жизни, потому что создает такой моральный климат, который не высвобождает в рабочих и крестьянах чувства гордости и ростки героизма». Много позднее, в 1986 г. известный социолог Вл. Маркевич настаивал, что «никогда, ни во время II Республики, ни в период Народной Польши, интеллигенция не совершила сама провозглашенного и заявленного [...] расчета над собой как социальным слоем» (цит. по [7. С. 377]).

⁸ Советские представители были «соавторами» формирования и деятельности по советским образцам 40–50-х годов польских государственно образующих, прежде всего, силовых структур. В Войске польском их деятельность была направлена на создание его современного оборонительного потенциала для противостояния внешней агрессии, как тогда считалось, со стороны Германии. Советники в армии и госбезопасности координировали с Москвой свою политическую и разведывательную деятельность, политически консультировали польских коллег в работе по обеспечению внутренней безопасности, выполняли «надзорные» функции (см. подробнее [9. Гл. VII. С. 592–655; 17. С. 104–113]).

подлинные цели нахождения в Польше советских офицеров и генералов на командных должностях в армии, советников в структурах госбезопасности, тем не менее, воспринимала их присутствие как вмешательство во внутренние дела и одновременно как ограничение возможностей польских генералов и офицеров занимать командные должности, как ущемление интересов национальных кадров. В 1956 г. они открыто настаивали на выводе советских войск из страны, отзыве с поста министра национальной обороны К.К. Рокоссовского и советских военнослужащих из Войска польского, требовали отмены единоначалия в армии, ликвидации института советников в Управлении информации (разведка и контрразведка) и судопроизводстве Войска польского, удаления советников КГБ из госбезопасности, репрессивную политику которой польское общественное мнение связывало исключительно с советскими людьми [18. С. 472, 480—482]. Более того, в октябре 1956 г. вопросы, суверенна ли Польша, зачем здесь советские войска, генералы и офицеры в армии и министерствах, звучали по всей стране на массовых митингах и протестах по поводу низких зарплат и плохого снабжения. В самом Войске польском выдвигались требования демократизации, проявлялась готовность действовать, отстаивая суверенитет страны [19. Д. 142. Л. 191—193; Д. 143. Л. 1—2].

Столь серьезная политическая ситуация в силовых структурах Польши становилось опасной для ПОРП и непросто решаемым противоречием в советско-польских отношениях. Реальность была такова, что в ту пору расположенная между СССР и Германией, где не смирились с потерей части территории, Польша могла противостоять агрессии с Запада, лишь находясь в союзе с СССР. Другие варианты были чреваты потерей бывших германских провинций. В снижении этого противоречия был объективно заинтересован и СССР, ибо через Польшу лежал самый короткий путь к его границам и в обратном направлении. Совпадение геополитических интересов на западном направлении возможного вооруженного удара выступало объективной данностью и диктовало странам необходимость быть союзниками.

Важными факторами безопасности страны являлись внутренняя стабильная экономическая ситуация и устойчивая политическая власть, что в польском случае во многом зависело от советско-польских отношений. Между тем, их состояние вызывало в Польше почти всеобщее недовольство. Время и трудности жизни снижали или вытесняли из памяти рядового поляка чувство признательности солдатам Красной армии за избавление от гибели, а советской стране за всестороннюю и постоянную материальную помощь в возрождении Польши. Теперь, в условиях недовольства экономической обстановкой, антисоветские настроения усилились, стали нескрываемы, советского союзника все чаще и не без помощи извне упрекали в «навязывании» власти коммунистов, обвиняли в ограблении страны через неравноправные-де договоры и невыгодные торговые отношения — «источник» ежедневных материальных трудностей жизни поляков. Раздавались требования пересмотра всех экономических контактов с СССР. Так к середине 1950-х годов советское «направление» в общественных настроениях и внутривнутриполитической ситуации становилось центральным и весьма взрывоопасным.

Особенно резко и повсеместно ставилась «угольная проблема». Поляки в массовом порядке требовали пересчета стоимости поставленного в СССР, начиная с лета 1946 г. по 1 января 1954 г., главного, если не единственного

в те годы продукта польского экспорта — некачественного бурого угля⁹. Летом-осенью 1956 г. события развивались так, что «неправильные оплаты» стали, на первый взгляд, почти ключевым противоречием в межгосударственных отношениях двух стран. Чтобы понять ситуацию, надо возвратиться в 1945 г.

Тогда 16 августа было подписано советско-польское Соглашение о возмещении ущерба, нанесенного Польше германской оккупацией. Польша обязалась поставлять в СССР уголь ежегодно, начиная с 1946 г., пять лет «и последующие годы периода оккупации Германии [...] по специальной договорной цене» в обмен на отказ СССР «в пользу Польши от всех претензий на германское имущество и другие активы, а также на акции германских промышленных и транспортных предприятий на всей (уже признанной западными державами. — А.Н.), территории Польши» (Подчеркнуто здесь и далее мной. — А.Н.) [15. С. 543—544]. Таким способом в Соглашении и протоколе к нему был заложен источник материального возмещения стоимости угля германскими активами, определен срок действия льготной цены и создана совместная комиссия «для точного определения рода, сроков и способов поставок репараций, причитающихся Польше» [15. С. 545]. Во втором, подписанном 5 марта 1947 г. протоколе к Соглашению, содержалась более четкая формулировка — поставки компенсируются «из уступленных Правительством СССР [...] германских активов на территории Польши». Там же была указана договорная цена угля такого сорта — 1, 22\$ за метро-тонну¹⁰.

В 1947 г., «в связи с сокращением на 50%, по просьбе правительства Польши, количеств угля, поставляемых Союзу ССР ежегодно», польское правительство «отказалось от получения половины доли репарационных поставок с Германии» и ее доля в репарациях снизилась с 15% до 7,5% [21. С. 175, 606—607]. Но этот отказ (из-за малой добычи угля) и цена ниже мировых закрепились в массовом сознании как «несправедливые», как «ограбление» польского народа» и в 1956 г. стали массовым требованием к власти — получить компенсацию потерь. Вкупе с привнесенным из эмигрантских кругов тезисом о советской оккупации, а вовсе не спасения поляков от истребления гитлеровцами, подобные оценки распространялись и на вывоз с территории Польши, включая

⁹ К 1956 г. уже было «забыто», что в послевоенные годы уголь в СССР доставлялся бесплатно советским железнодорожным транспортом, по путям, восстановленным и охраняемым тогда советскими солдатами. Бесплатным был и крепезный лес из СССР, отправляемый на шахты Силезии. «Забыто» и то, что, руководствуясь принятыми в Ялте решениями об использовании немецких трудовых ресурсов и в ответ на просьбу Польши, СССР передал для работы в шахтах 50 тыс. военнопленных немцев из лагерей НКВД СССР, находившихся на польских землях. Все это позволило начать добычу угля и поставки из Нижней Силезии в СССР в июле 1946 г. Замечу, на тех же основаниях около 15 тысяч силезских горняков, считавшихся немцами, были в 1945 г. отправлены на восстановление Донбасса, где тоже была острая нехватка кадров. В мае 1946 г., учитывая недостаток кадров в Силезии, СССР согласился на их репатриацию в Польшу. Однако, по данным на июнь 1945 г., лишь 7202 назвались поляками. 8328, посчитав себя немцами, отказывались репатрироваться, и в 1949 г. еще находились в СССР [20; 16. С. 382—383].

¹⁰ Это была средняя цена для сорта орех-1 и орех-2, для других сортов допускалось увеличение или уменьшение цены [19. Д. 47. Л. 96—97, 91]. Польское руководство не скрывало от граждан факта, что цена на уголь будет ниже мировых. Выступая на заседании правительства 18 августа 1945 г. глава государства Б. Берут огласил согласованную союзниками долю Польши от всех частей советских репараций — 15% и заявил: «Мы обязались поставлять уголь Советскому Союзу (на время оккупации Германии [...] приблизительно около пяти лет) ежегодно [...] по себестоимости», а на пресс-конференции 27 августа 1945 г. публично объяснил: «Ввиду того, что Советский Союз отказался от всех прав распоряжаться продукцией шахт, находящихся на западных территориях, присоединенных к Польше, [...] Польша должна делать это не бесплатно, а по себестоимости — без прибыли, но и без потерь» [15. С. 549, 555].

недавние немецкие земли, принадлежавшего СССР репарационного имущества побежденной Германии [22; 23. С. 426–428]¹¹.

Следует отметить, что, действия СССР направлялись исключительно против потенциала побежденной Германии, полностью соответствовали решениям глав Антигитлеровской коалиции, законам войны и нормам международных конвенций о сухопутной войне и правах победителей, которых на территории Польши представлял СССР. Однако тогда, когда национальная принадлежность многих предприятий была трудно выясняема (в годы войны немало их утратило владельцев и стало «немецкими»), действия советских трофейных команд при «выяснении имущественных отношений» вызывали споры на всех уровнях, а конфликты получали немедленный и устойчиво негативный резонанс в польском обществе, требовавшем равноправия в торговых и политических отношениях с СССР. Таким образом, большинство поляков выдвигали на передний план вопрос оплаты полной стоимости поставленного угля и вывезенного оборудования, вывода советских войск, представителей из структур управления страной и тем восстановления ее суверенности.

Эти невралгические «точки» в жизни и сознании большинства поляков, рожденные смесью успехов, провалов и насилия во внутренней политике 40–50-х годов XX в., повышавшийся градус недоверия к власти и одновременно после XX съезда КПСС ощущение близких перемен и свободы сосредотачивались на всеобщем политическом требовании заменить правившую в ПОРП группировку в руководстве страной. Все это и определило содержание, как кризиса 1956 г., так и переговорного процесса с СССР (см. подробнее [25. С. 159–213; 2. С. 563–579; 26. С. 69–70, 81–87, 150–152]).

На 1956 г. пришла почти катастрофическая ситуация с продовольственным снабжением городского населения, уже весной обернувшаяся серьезными

¹¹ Советская позиция по вывозу трофеев из Польши уточнялась не однажды. Приказом Ставки от 9 августа 1944 г. трофеями считались вооружение, боеприпасы, военная техника и прочее имущество военного назначения. По решению, принятому в Ялте в феврале 1945 г., предусматривались единовременные изъятия (демонтаж) в течение двух лет промышленного оборудования, подвижного состава и т. п. и репарации, под которыми имелись в виду товарные поставки текущей продукции, время окончания их не было определено. По советско-польскому соглашению от 26 марта 1945 г., и протоколу к нему, «находящееся на освобожденной Красной Армией территории Польши, а также на отходящей к Польше территории Германии оборудование германских предприятий и другое трофейное имущество [...] может быть вывезено на территорию СССР для использования на нужды войны». Причем, Временному правительству Польши будет сообщаться «наименование предприятий, оборудование которых полностью или частично подлежит вывозу»; «список предприятий и перечень сырья, полуфабрикатов и готовой продукции [...] предварительно согласуется», и польская сторона «выражает свое согласие на вывоз отдельных предприятий или части оборудования этих предприятий», уточнялось, что «германскими предприятиями следует считать все предприятия в пределах новых границ Польши, и те предприятия или части предприятий [...], которые были построены немцами или завезены немцами во время оккупации». Вывоз с польских заводов не допускался. Эти условия выполнялись, недостатки устранялись. Так, 28 мая 1945 г. на встрече с советским командованием в Варшаве Б. Берут заявил о задержке передачи Польше ряда заводов. 9 июня последовало указание члена ГКО СССР Г. М. Маленкова уполномоченному ГКО при 1-м Белорусском фронте «снять охрану и передать польской администрации по актам все предприятия, расположенные на территории Польши в границах 1939 г., о вывозе оборудования с которых поставления ГКО не было». 21 июля последовало распоряжение, обязывающее командующего Северной группой войск маршала К. К. Рокоссовского до 15 августа 1945 г. передать Польше в новых границах все предприятия, исключив 102 предприятия, уже намеченные к вывозу в СССР до 7 августа. Согласно сведениям Центрального статистического управления Госплана СССР к 1 августа 1946 г. из Польши в новых границах было вывезено 99% подлежавшего к вывозу оборудования и материалов, стоимостью с учетом износа в 445,1 млн долл. [1. Т. 4. С. 259–260; Т. 6. С. 467–469; 21. С. 432; 15. С. 541–550; 21. С. 304]; (см. подробнее [24. С. 66–74]).

волнениями рабочих в городах и промышленных центрах Силезии, Лодзи, Кракова. В июне 1956 г. протест рабочих Познани был поддержан социально пестрым, включая радикально настроенную молодежь, не менее недовольным населением города. Адекватных действий власти не последовало и начались беспорядки, погромы, стычки с полицией, появилось оружие, сливались воедино экономические и политические лозунги: «Хлеба и свободы!», «Долой большевизм!» и др. Власти ввели в город армейские части. Бои на улицах оборачивались ранеными и погибшими с той и другой стороны. Беспорядки были подавлены силой армии, превосходящей возможности протестующих [25. С. 119–129].

Протестное состояние общества не улучшало ситуацию в экономике, но придало «ускорение» осознанию в руководстве ПОРП неизбежности и необходимости предпринять срочные меры для перемен в жизни и настроениях большинства, прежде всего, городского населения. Среди возможных путей к этому рассматривались прямые переговоры с руководством СССР, которое, благодаря информации советских представителей в Варшаве, было в курсе массовых настроений и положения дел в экономике Польши [19. Д. 46. Л. 76–82]. 10 сентября 1956 г. политбюро ЦК ПОРП обсудило ситуацию и постановило обратиться в Москву за содействием в разрешении трудностей. Это сделал 11 сентября 1956 г. по пути в Китай, проездом через Москву, первый секретарь ЦК ПОРП Э. Охаб. Он вручил встречавшему его первому заместителю председателя Совета министров СССР А.И. Микояну документ «Поставки угля в СССР в 1946–1953 гг. по специальной цене». На словах он привел факты «несправедливостей» по стоимости репараций и оплаты угля и аргумент — если бы Польша поставляла его по торговым соглашениям соответствующих лет получила бы значительно больше. Было высказано пожелание решить вопрос о советниках КГБ, в которых «в данный момент» нет необходимости [19. Д. 46. Л. 73–74]. Микоян пообещал все передать «нашему ЦК». Эта беседа стала предлюдией к обмену мнениями руководства СССР и ПНР в октябре в Варшаве и конкретным переговорам в Москве в ноябре 1956 г.

Разговор с Охабом и высказанные им «предварительные замечания» Микоян изложил в записке в ЦК КПСС от 13 сентября 1956 г. [19. Д. 46. Л. 70–72]¹². Многие годы он был членом ПБ ЦК КПСС, в 1953–1955 гг. министром торговли СССР и позже, как член правительства, курировал внешнеэкономические связи СССР со странами народной демократии, поэтому в сути заявленных претензий и просьб предметно разбирался. По поводу советников КГБ Микоян предлагал «постепенно ликвидировать посты советников во всех странах народной демократии, по согласованию с правительствами этих стран, оставив только тех специалистов, которые нужны по конкретным вопросам оказания технической помощи». Касаясь слов Охаба и записки, полученной от него, Микоян не согласился, что «Польша переплатила нам через поставки угля против стоимости репараций, поскольку немецкие репарации исчислялись по довоенным мировым ценам, а эти цены, более, чем в 2 раза ниже тех мировых цен, по которым уголь поставлялся». Был сделан вывод: «Если все правильно посчитать, эти суммы будут уравновешивать друг друга». Микоян обозначил и действия советской стороны: Министерству внешней торговли СССР (далее — МВТ) «проверить расчеты польской стороны [...] и результаты, а также свои предложения по существу вопроса доложить ЦК КПСС» [19. Д. 46. Л. 72].

¹² Записка пересказана А.М. Ореховым без указания ее даты (см. [25. С. 151–152]).

В МВТ СССР проанализировали документ Охаба. Реакцией на него стала записка министра внешней торговли И.Г. Кабанова от 19 сентября 1956 г. Он назвал «несостоятельным» утверждение, что поставки угля по льготной цене предусматривались на 2–3 года, и был прав. В соглашении, напомним, речь шла о поставках в 1946 г., в «следующие четыре года и в последующие годы периода оккупации Германии». Министр проверил указанные Охабом объемом (54,355 млн т) поставленного в 1946–1953 гг. угля и полученные за него по льготной цене 60, 87 млн долл. Уточнил, угля было поставлено лишь 49,5 млн т; по мировым ценам торговых соглашений тех лет его стоимость была бы не названные поляками 691,58 млн долл., а лишь 577, 3 млн долл.; стоимость репараций, которые советской стороной «выполнены в соответствии с обязательствами», составляла не 295, 18 млн долл., как в польской записке, по внутренним германским ценам военных лет, которые были ниже послевоенных мировых, а 595,4 млн долл. мировых цен соответствующих лет поставки; опираясь на протокол от 5 марта 1947 г., который признавали СССР и Польша, министр утверждал: уголь поставлялся «не вместо репараций», как в документе Охаба, а «в компенсацию за уступленные Польше германские активы». Подход Кабанова к приведенным польской стороной количествам и стоимости угля, ее расходов и доходов с учетом мировых стоимостных показателей конкретных лет стал основой контраргументов СССР. В заключение министр предложил: в связи с требованием возместить «потери», надо «подсчитать наши затраты» и назвать объем экономической помощи Польше [19. Д. 46. Л. 61–65].

Записку разослали узкому руководству партии. 20 сентября 1956 г. Президиум ЦК КПСС ознакомился с ней и поручил проверить цифры и, вместе с Госпланом и МИД СССР, подготовить новый вариант, включив дополнительные данные [26. С. 130–131; 27. Т. 2. С. 423]. Так появилась докладная записка Госплана, МИД и МВТ от 29 сентября по вопросу экономической помощи СССР Польше. В ее основе лежал документ от 19 сентября с некоторыми дополнениями. Как исходное, констатировалось, что за время, начиная с 1946 г. Польша поставила в СССР 49,5 млн т угля, по цене в среднем 1,13 долл. при цене 11,7 долл. за метротонну по торговым соглашениям соответствующих лет, однако, «связывать эти поставки с репарациями» нет никаких оснований, ибо уголь поставлялся «в порядке компенсации за уступленные правительством Союза ССР германские активы на территории Польши». Указывалась и стоимость германских активов – «приблизительно 8,9 млрд долл. в довоенных ценах». В итоге проведенного анализа советских, совместных советско-польских документов и сравнения их с данным в материале Э. Охаба, делались выводы: «количество угля, поставленного Польшей по специальной договорной цене и его стоимость завышены», стоимость же полученных репараций «по польским данным, занижена». Отдельным абзацем были приведены сведения об экономической помощи Польше: кредитов выдано на общую сумму 5,2 млрд руб., что составляет «почти столько же [...] сколько всем остальным странам народной демократии, вместе взятым – 6,9 млрд руб., безвозмездной помощи предоставлено на около 250 млн руб. Авторы считали возможным передать записку Охабу [19. Д. 46. Л. 104–106; 27. Т. 2. С. 423–425].

1 октября 1956 г. докладную записку разослали членам Президиума ЦК КПСС. Согласно протоколу заседания 4 октября, по итогам обсуждения записки было поручено ее авторам «переработать проект ответа ЦК ПОРП по

вопросам, поставленным т. Охабом в беседе с Микояном 18 сентября»¹³, Микояну, «в соответствии с обменом мнениями», сделать «окончательную редакцию постановления по данному вопросу». Одновременно поручалось, согласившись «с предложением ЦК ПОРП (т. Охаб) об упразднении советников Комитета государственной безопасности в органах государственной безопасности Польши», «подготовить проект письма от ЦК КПСС ЦК ПОРП по данному вопросу» [19. Д. 46. Л. 103; 27. Т. 2. С. 423, 433; Т. 1. С. 168–169]¹⁴.

К этому времени в МВТ был разработан еще ряд документов по поводу угля¹⁵ и один из них «Справка о поставках угля из Польши в СССР по Соглашению от 16 августа 1945 г.». Помимо уже известных сведений, Кабанов обратил внимание руководства на то, что по соглашению и протоколу к нему была принята средняя цена 1, 22 долл. за тонну угля сорта Орех I и II, но «фактическая цена определялась ежегодно в зависимости от ассортимента поставляемого угля и колебалась в различные годы от 1,12 до 1,17 долл. В польских расчетах была принята за все годы цена в 1,12 долл. за тонну», что снизило стоимость поставленного угля. Далее, сравнивая польские расчеты с ценами товарных соглашений соответствующих лет и учитывая, что в польских расчетах были указаны поставки угля на *4,8 млн т* больше, чем, фактически было поставлено, министр констатировал: из 8,9 млрд долл. германских активов на уголь потрачено *521 млн долл.* в ценах соответствующих лет, а не *630,7 млн долл.*, на чем настаивала Польша. Кроме того, указывалось, что в польских расчетах упущено важное обстоятельство: начиная с 1 января 1954 г. СССР отказался «от получения угля по льготной цене» и МВТ напомнило, что кредитов Польше предоставлено «вдвое больше, чем всем странам народной демократии, вместе взятым» [27. Т. 2. С. 427–429]. Все это корректировало в пользу советской стороны общую стоимость угля и, главное – его фактическую долю в переданных Польше германских активах [27. Т. 2. С. 427–429; 26. С. 135].

Надо отметить, что в 1956 г. в руководстве и аппарате ЦК ПОРП единодушие по поводу советской «задолженности» за уголь не было. Так, на встрече в июле 1956 г. советских и польских руководителей в Варшаве на вопрос Хрущева «Как сейчас обстоит дело с ценами на экспорт угля в СССР», последовало заверение главы ПОРП Э. Охаба и премьер-министра Ю. Циранкевича: до 1950 г. положение «было неправильным», а с 1950 г. (!) «у Польши никаких претензий в связи с этим нет» [19. Д. 141. Л. 63]. 13 октября 1956 г. посол СССР П.К. Пономаренко направил в Москву информацию: 10 октября на собрании партийного актива аппарата ЦК ПОРП речь шла о том, что теперь можно было бы продавать уголь на рынке значительно выгодней, чем в СССР, что уголь продается дешево, а товары СССР поставляет по высокой цене. На это министр внешней торговли К. Домбровский заметил: «Торговля с СССР идет на основе единых мировых цен», и «как бы мы, поляки, дорого или дешево, ни продавали уголь Советскому Союзу, также дорого или дешево, на вполне взаимной основе мы получаем товары из СССР». Слова министра

¹³ По словам Микояна, сказанным 19 октября в Варшаве, Охаб, возвращаясь из Китая, где 17 сентября выступил в Пекине на съезде компартии, «не пожелал встретиться с руководителями ЦК КПСС». Сведениями о содержании состоявшейся 18 сентября беседы мы не располагаем. Можно предположить, что в основе упоминаемой в материалах Президиума ЦК КПСС беседы Микояна 18 сентября лежит, скорее всего, материал записки от 13 сентября, подготовленной сразу после первой беседы с Охабом. Однако в Политбюро был представлен текст, датированный 18 сентября.

¹⁴ Проект письма в ЦК ПОРП обсуждался на заседании Президиума 21–22 октября 1956 г. [19. Д. 69. Л. 155–156].

¹⁵ Значительная часть их опубликована (см. [27. Т. 2. С. С. 425–433]).

большинство собрания приняло «с огромным удовлетворением» [19. Д. 141. Л. 139; 25. С. 171].

Тем временем события в Варшаве развивались стремительно, о чем посольство направляло тревожную информацию в Москву¹⁶, где она вызвала опасения за ситуацию в стране и надежду на сохранение внешнеполитического курса ключевой союзницы СССР, ибо через Польшу проходили главные коммуникации, соединявшие советские войска на территории СССР, Северную группу войск в Польше и Советскую группу войск в ГДР. От «поведения» Польши в немалой мере зависели безопасность, прежде всего, самой ПНР, СССР и равновесие сил великих держав в Европе.

В обстановке холодной войны, недавно закончившегося вооруженного столкновения в Корее, бунта в польской Познани и «закипавшей» Венгрии, руководство СССР считало стремительно нараставший в Польше конфликт между большинством населения и властью в лице руководства ПОРП, рожденный массовым социально-экономическим недовольством, усиленный «традиционными» антирусскими и антисоветскими настроениями, угрозой для ПОРП и, по меньшей мере, непредсказуемыми последствиями для ее правившей группировки [25. С. 161].

Польское руководство реагировало на ситуацию обращениями за кредитами на продовольствие к СССР и политическим решением о возвращении к власти Вл. Гомулки — популярного и довольно самостоятельного политика, автора концепции «польского пути к социализму», в 1948 г. отстраненного от власти в партии с согласия Сталина. Для принятия необходимых решений на 19–20 октября 1956 г. был намечен VIII пленум ЦК ПОРП. В Москве выразили крайнее недовольство отсутствием уведомления ЦК КПСС о партийном мероприятии. Последовало решение о поездке небольшой делегации во главе с Н.С. Хрущевым в Варшаву для беседы с «польскими товарищами» (см. [25. С. 159–213; 18. С. 460–509]).

Судя по советским архивным документам, А.И. Микояну было поручено начать разговор в ПБ ЦК ПОРП. Он к этому готовился, о чем свидетельствует сделанный не позже 18 октября 1956 г. небольшой, но важный рукописный набросок карандашом [28]. По поводу экономических отношений двух стран Микоян написал: «От Польши ничего не нужно нам». «Угольную проблему» он связал, в основном, с текущими польскими трудностями добычи и поставок угля в СССР, что может быть свидетельством второстепенности ее для советского руководства. Центральными в записке Микояна стали политические вопросы. Он намеревался говорить о праве советских коммунистов приехать в Варшаву для разговора («раньше вы, а теперь мы приехали»), упомянул интернациональный долг, что объясняло неотложность поездки в Варшаву.

¹⁶ 10 октября Охав на заседании ПБ ЦК ПОРП настаивал на удалении всех советских офицеров и советников из Войска польского и решение приняли; 12 октября говорилось: «Советские товарищи должны [...] понять и возратить нам причитающуюся сумму (за уголь) [...], иначе мы дыры не залачаем»; тогда же посол уведомил о беседе с Циранкевичем: «Тон разговора: не поможете — банкротство»; 12 октября он сообщил, что Охав находился в состоянии почти паники от вероятного возвращения бывшего руководителя страны Вл. Гомулки; 13 октября уведомил о принятом в Варшаве решении освободиться от советников КГБ в Министерстве общественной безопасности; согласно шифровке от 13/14 октября, Охав «с некоторым возбуждением» говорил о так называемых угольных репарациях, которые «трудно объяснить даже пленуму», настаивал на необходимости «высказать твердую позицию в меморандуме Советскому правительству» [19. Д. 141. Л. 128, 129, 135, 136, 138, 142; Д. 143. Л. 130; 2. С. 639; 25. С. 160].

Текст: «Нельзя [не] считаться с тем, что речь идет о союзе между нашими государствами и их единстве против НАТО [...], американское радио — рупор НАТО — 12 октября дает информацию более подробно, чем имеем мы», — начал упрек ПОРП в непонимании и недооценке общности интересов СССР и Польши на германо-польском направлении. В этой связи резко выделялись две проблемы. Первая — «как понимать разговоры об удалении советских офицеров из армии». Ответ: «Наша установка: поменьше дать своих и постепенно удалять. Разве это мешает суверенитету?» означал, что вопрос, уже обсуждаем советской стороной.

Вторая проблема была обусловлена опасениями Москвы за стабильность внутривнутриполитического курса Польши и союзные, прежде всего, партийные отношения с СССР и КПСС. Речь шла о несогласованных с ЦК КПСС персональных переменах в ПБ ЦК ПОРП. Микоян записал: «Мы не вмешиваемся в вопрос, кого именно выберете в Политбюро. Но когда речь идет об исключении из руководства большой группы заслуженных деятелей [...], первый Рокоссовский — разве не удар по дружбе? [...] Здесь дело в лицах, и в политической направленности изменения руководства — против дружбы с СССР». Причем, дружба понималась как общность интересов двух стран, в том числе и геополитических. Обращает на себя внимание, что Микоян не поставил в вину польскому руководству намерение «включить» Гомулку в состав Политбюро ЦК ПОРП, опять же не уведомив об этом Москву. Есть данные, что с 28 сентября 1956 г. в ЦК КПСС знали, что на очередном пленуме ЦК ПОРП Гомулка «будет введен в состав руководящих органов партии», но никаких «контрмер» не предпринимали. Напротив, Гомулке сообщили: «Рады, что он вновь продвигается к руководству партией, что мы ему и при Сталине сочувствовали» (цит. по 29. С. 22)¹⁷.

Можно предположить, что в Москве не опасались (другой вопрос — хотели ли) появления Гомулки в руководстве страной, но были весьма встревожены отстранением от власти надежных деятелей, таких, как Э. Охав или К.К. Рокоссовский. Кроме того, здесь не столько волновались из-за требования отозвать советников КГБ и армейских офицеров, сколько были возмущены формой с элементом пренебрежения польских товарищей ролью советских военнослужащих в создании и модернизации силовых ведомств, в обеспечении безопасности Польши¹⁸.

Блок проблем, который в заготовке Микояна был намечен для переговоров, обсуждался 19 октября 1956 г. в Варшаве перед и во время работы пленума ЦК ПОРП, возвратившего Гомулку на высший партийный пост (см. [25. С. 183—197]). Разговор был нервный с обеих сторон, проходил в условиях чрезвычайного напряжения в городе: советская танковая дивизия двигалась в направлении Варшавы, польские внутренние войска и полиция были сконцентрированы вблизи столицы и приведены в боевую готовность; рабочие крупных предприятий города создавали отряды самообороны; город готовился к сопротивлению. С таким развитием событий в союзной стране, советское руководство пока не встречалось.

¹⁷ Информация была получена в Будапеште от поляков [25. С. 153].

¹⁸ Судя по записке Микояна и дальнейшему развитию вопроса с советниками, можно понять непротивление советской стороны приходу Гомулки как некую «предоплату» руководству ПОРП за торможение процесса ликвидации института советских советников и офицеров в польской армии при шумной «угрозе» Хрущева «отозвать всех». Некоторые из них служили в Войске польском до 1968 г. Советников КГБ заменили на представителей КГБ с уменьшенным штатом и полномочиями, одиозные фигуры отзывали в СССР и даже судили (см. подробнее [20. С. 79—94]).

Опираясь на советскую запись этих переговоров можно настаивать, что геополитические соображения были главной и, возможно, единственной из всех существенных для Москвы причин спешной поездки в Варшаву (см. [25. С. 169–201]). Н.С. Хрущев убеждал польских руководителей в главном: «Поймите, что без Советского Союза Польша не может обеспечивать своей безопасности и незыблемости границ. А реваншисты Западной Германии наглеют». Объяснял: «Сейчас мы имеем большие войска в Германии и для нас исключительно важна связь с ними [...]. Мы не хотим нового похода через Варшаву на Москву». Порой говорил резко: «Мы не уверены, что в один прекрасный день не будут нарушены наши коммуникации с советскими войсками в Германии, а там люди стоят на переднем крае обороны социалистического лагеря, в том числе и Польши». Высказывались опасения, что Польша может «повернуть в сторону Запада», т.е. выйти из Варшавского договора, что поставит под угрозу существование военно-политического союза стран региона и «оголит» западные рубежи безопасности СССР [18. С. 466, 492, 473, 490] (цит. по [25. С. 189, 192, 194]).

Для польской стороны главное было в другом. Они, прежде всего Вл. Гомулка, давали понять советским товарищам, что времена меняются и ПОРП претендует на признание на деле суверенитета Польши, намерена не допускать вмешательства в ее внутренние дела и настаивать на равноправии во всех отношениях с СССР. Причем новый лидер ПОРП заверял, что изменение состава польского руководства отнюдь не означает «смены курса в политике дружественных отношений с СССР»; реагировал на упреки в недооценке роли СССР как гаранта безопасности Польши и ее западных границ; уверял, что «дружба нам больше нужна, чем вам, и все мыслящие люди в Польше это понимают. [...] Но окончательно решать – наше дело»; поклялся «как поляк и коммунист», что «Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не сможем просуществовать как независимое государство?». Он убеждал незваных гостей из Москвы, что выхода Польши из Варшавского договора не последует, ибо он отражает насущные национальные интересы Польши, гарантирует незыблемость ее западных границ и «народ за дружбу с СССР» [18. С. 473; 25. С. 189, 192, 194].

Допустимо сделать вывод, что оба партийных лидера исходили из общности интересов двух стран, а именно сохранности власти и безопасности каждый своих западных границ. Хрущев был из поколения убежденных интернационалистов, служителей делу социализма и во имя этого делал немалые политические и экономические вложения, в том числе в дислокацию и содержание группы советских войск, предоставление Польше помощи высококвалифицированных военных и гражданских кадров, больших кредитов, оборудования, техники, хлеба, вовсе нелишних для СССР. Он рассчитывал на ответное понимание роли СССР и, по его мнению, не получая его, говорил о «хозяйственном обременении» страны и людей.

Вл. Гомулка – польский патриот, несомненный интернационалист, верный идеям социализма, жил в обществе особой национальной чувствительности, предпочтительных симпатий к западным ценностям и распространенных антикоммунистических настроений. Будучи опытным политиком, он понимал, что безопасность государства новой Польши в одиночку, без советской поддержки нельзя обеспечить, но работал под сильным давлением общественных настроений рядовых поляков. Многие из них чаще думали о потерянном Львове, чем о приобретенной Силезии. Они не хотели принять как данность времени

того обстоятельства, что Запад не будет отстаивать ни западных, ни довоенных восточных границ Польши, поэтому воспринимали советское, особенно военное, присутствие лишь как ограничение их суверенитета, с чем не желали считаться. В таких обстоятельствах Гомулка не мог не требовать от СССР уступок.

Одновременно в ходе обмена резкими репликами 19 октября выяснилась прямая связь, которую устанавливал Хрущев между приоритетными для него геополитическими интересами двух стран и польскими решениями о персональном составе нового руководства ПОРП. Гомулка считал, что в польском руководстве должны быть люди, верные дружбе с СССР, но, уверенный в своих товарищах по партии, отвечал: «Вопрос о составе Политбюро — это наш внутренний вопрос», квалифицировал приезд делегации ЦК КПСС как «вмешательство в наши дела, [...] с целью повлиять [...] на утверждение нового состава руководства». Он отстаивал право польских коммунистов на самостоятельные и независимые от Москвы («все внутренние вопросы мы должны решать сами») решения по этому и другим вопросам внутренней политики ПОРП, а слова Хрущева повлиять на будущий состав руководства партии квалифицировал как попытку вмешательства в «наш внутренний вопрос». Обращаясь к Хрущеву, Гомулка заверял: «Если вы думаете, что перемещения в Политбюро делаются против дружбы с СССР, то вы глубоко заблуждаетесь». Напряжение в разговоре сняла спокойная просьба Гомулки остановить движение войск на Варшаву и ее выполнение приказом Хрущева маршалу И.С. Коневу. Позднее Хрущев записал в воспоминаниях «Все остальное оказалось второстепенным делом» [18. С. 496, 465, 474–475, 500] (цит. по [25. С. 192]).

Действительно, А.И. Микоян, который выступил первым, заявил, что советское руководство готово пойти навстречу польской стороне по вопросу о поставках «репарационного угля». Хрущев добавил: «Мы помогаем хлебом Румынии и Югославии и вам будем помогать. Разве мы [не делимся] с Польшей?», оговорившись, что «дружить с вами для нас — большое хозяйственное обременение» [25. С. 189; 18. С. 493]. На затронутый поляками во время беседы и ранее 11 сентября 1956 г. с Микояном вопрос о советниках КГБ, Хрущев ответил устно, проявив готовность отозвать всех советников КГБ из польской безопасности и всех офицеров и генералов из Войска польского [18. С. 472].

Тем и закончился обмен мнениями советского и польского руководства по наиболее злободневным вопросам советско-польских отношений. Было решено считать встречу неофициальной и отложить переговоры по этим вопросам. Они состоялись лишь в ноябре 1956 г. Их инициировал Гомулка письмом Хрущеву 9 ноября, где назвал две главные претензии к СССР — слишком большие расходы на оборону, в том числе на участие Польши в Объединенных вооруженных силах (ОВС) блока и «неоплаченный» уголь. В Москву были переданы специально подготовленные на этот счет записки. На первый план были выдвинуты «прискорбные факты нарушения принципов полного равенства сторон», что нанесло «ущерб экономическим интересам Польши», которая «несла бремя, непосильное для ее экономических возможностей». Подробно излагался доказательный материал по трем главным вопросам: 1) неадекватная оплата Москвой поставленного угля; 2) слишком тяжелая для Польши стоимость «рекомендованного [опять же Москвой] обеспечения коммуникационных целей Советской армии на случай войны», «за счет только Польши [...], производство работ стратегического характера», «не связанных с внутренними потребностями народного хозяйства Польши», затраты «на оборонную промышленность и импорт вооружения». Предлагалось «аннулировать оставшуюся на 1 января

1956 г. задолженность» Польши; 3) учесть необходимые затраты на восстановление страны и экономики Западных земель, «сильно пострадавших не только от войны, но и массового изъятия оборудования» (читай: демонтаж, трофеи). Этими расходами Польши, а не провалом экономического курса его предшественника Б. Берута на ускоренную индустриализацию страны, Гомулка объяснял падение уровня жизни населения в 1951–1953 гг. и «критическое положение в настоящее время». Он считал, что исправление такого положения дел «облегчит борьбу с приносящими большой политической вред антисоветскими настроениями, и просил руководство СССР списать задолженности Польши по кредитам на вооружение и др. [19. Д. 47. Л. 64–71].

Реагируя на письмо Гомулки, в Москве подготовили два документа. 13 ноября 1956 г. министр обороны СССР маршал Г.К. Жуков подписал записку в ЦК КПСС с ответом на главные претензии Варшавы по военным вопросам: о «неравноправных отношениях в деле организации обороны» и отсутствии статуса пребывания советских войск; о наращивании военной промышленности, рядов Войска польского (ВП) и высокой доле его участия в Объединенных вооруженных силах (ОВС) блока. Маршал считал целесообразным сократить ряды, повысив боеготовность Войска польского¹⁹, но без передачи Польше лицензии на производство ракетного и ядерного оружия; учитывая ситуацию, видел возможность снизить «дальнейшее развитие оборонной промышленности»²⁰, но не считал целесообразным сокращение участия ВП в ОВС (13 общевойсковых дивизий из 69), отверг тезис о неравноправном участии сторон в военно-стратегической подготовке ее территории за счет Польши, поскольку, начиная с января 1951 г., когда «Комиссия представителей стран народной демократии приняла решение, чтобы, [...] каждая страна сама определяла возможности и размеры оборонной промышленности», СССР был лишь исполнителем того, что планировала, утверждала и оплачивала Польша. Поэтому Жуков настаивал: «Как было, так и будет». Касаясь вопроса о статусе пребывания советских людей в Польше, маршал выступил за сохранение принципа подчиненности советской юрисдикции лиц, принадлежащих к Северной группе войск, признал не имеющими оснований для пересмотра действующие мировые цены на поставки вооружения и претензии по экономической стороне пребывания советских войск. В заключение он противопоставил польской статистике двухмиллионные потери солдат Красной армии, включая 500 тыс. убитых, стоимость потерянного вооружения и материальных средств при освобождении Польши (более 34 млрд руб.), стоимость полного обеспечения Войска польского в годы войны (2351 млн руб.) и безвозмездных вложений с июня 1945 по июнь 1946 г – 300,4 млн руб. [19. Д. 47. Л. 43–57].

Вторым ответом на доводы Гомулки была справка И.Г. Кабанова и его заместителя К.И. Коваля от 14 ноября 1956 г. «К вопросу о поставках угля из Польши в СССР по Соглашению от 16 августа 1945 г.». Изложенные ранее статистика и аргументы повторялись и уточнялись, четко указывалось, что в частичную компенсацию Польшей германских активов углем было оплачено 521 млн долл., или «приблизительно 6% от общей стоимости активов, перешедших к Польше»; льготная цена на уголь была привязана не к репарациям СССР с Германии (на

¹⁹ Численность ВП в 1955–1956 гг. г. была сокращена с 330 тыс. до 217 тыс. человек [19. Д. 47. Л. 64–71].

²⁰ Доля капиталовложений в оборонную промышленность к общим капиталовложениям Польши составляла: 1951 г. – 3,7%, 1952–7,4, 1953–7,2, 1954–5,4, 1955–3,2%. Они находились на уровне других союзных стран [19. Д. 47. Л. 64–71].

31 декабря 53 г. — 3081,9 млн долл. [31. С. 175]), из которых Польшей было получено 8,4% (257, 8 млн долл.) вместо положенных 7,5%, а к отказу СССР по соглашению от 16 августа 1945 г. от германских активов на территории Польши в пользу Польши (8,9 млрд долл.). В связи с этим отказом, объясняемым невозможностью поляков выполнять поставки угля в полном объеме, и была предусмотрена поставка угля по льготной цене [19. Д. 47. Л. 25–40].

На основании своих подсчетов авторы записки пришли к однозначному выводу: «У польского правительства нет ни юридических, ни моральных оснований требовать от нас возмещения полной стоимости угля, поставленного Польшей по соглашению от 16 августа 1945 г. или 2,1 млрд руб.». Они отметили, что это «равняется задолженности Польши по всем займам и кредитам на 1 октября 1956 г. (2149 млн руб.)». В доступных документах МВТ до и во время переговоров такой вывод больше не фигурировал, но прагматичный подход («полная оплата угля равняется польской задолженности») стал основой для политического компромисса [19. Д. 47. Л. 26].

15 ноября делегация во главе с Вл. Гомулкой прибыла в Москву. Сразу состоялся обмен мнениями на высшем уровне. Лидер ПОРП заявил: «Необходимо установить общую точку зрения именно здесь и, прежде всего, [...] о польском угле». Хрущев отвел это предложение. Гомулка поставил вопрос о репарациях и пребывании Красной армии в Польше. Булганин проявил готовность обсудить. Циранкевич повторил «вопрос о советских войсках в Польше». Хрущев снова отвел вопрос, согласившись «выслушать [...] сейчас» Гомулку по «решающему для нас вопросу — это [текущая] добыча угля» и ситуации в добывающей промышленности²¹ и настоял на этом. Гомулка ответил: «Положение у нас хуже, чем мы сами до последнего времени думали», подробно описал состояние дел в отрасли (капвложения «весьма скудные», не хватает кадров). Хрущев предложил пригласить рабочих из Китая, привлечь к капиталовложениям «все заинтересованные страны», «посмотреть на Донбасс», обещал помочь и настоял на предложении «все перенести в подкомиссию», которая соберется вечером во главе с А.И. Микояном и Ю. Циранкевичем [19. Д. 47. Л. 130–138].

Из советской записки заседания подкомиссии следует, что по польской инициативе обсуждался лишь вопрос пребывания советских войск в Польше. Циранкевич предложил, поскольку это «не предусмотрено ни в Потсдаме, ни Варшавским договором», выработать «формулу как политическую, так и юридическую», обосновывающую его необходимость, «обсудить сроки, количество и статус» советских войск, и подписать декларацию или специальный договор «на этот счет». Микоян, со своей стороны, признал, что статус нужен, чтобы исправить «существующие неправильности» и решить вопрос возмещения ущерба, причиненного советскими войсками польским частным гражданам, и напомнил: «Еще в июле мы предлагали, что мы возмещаем 75% ущерба». Циранкевич, пообещав на следующий день представить проект статуса, повторил: «Нам важно дать политическую оценку этому вопросу» [19. Д. 48. Л. 56–58].

16 ноября польская делегация вручила пять записок с изложением финансовых претензий по углю, репарациям, немецким активам, разрушениям времени войны [19. Д. 48. Л. 60–112]. Так, демонтаж оборудования с Западных земель польская сторона оценила в 1,5 млрд долл., рассчитывала посчитать по современным ценам и взыскать ущерб, нанесенный демонтажем заводов и вывозом оборудования в СССР и в итоге подписать совместное заявление,

²¹ Польша не выполняла обязательства по поставкам угля в СССР, ГДР и Чехословакию.

декларацию, протокол²² о пребывании советских войск, определить их статус и, по мере развития международной ситуации, их численность, дислокацию, условия пользования территорией и узлом связи в г. Легнице. И главное — «время от времени консультироваться по вопросам необходимости дислокации советских воинских частей на территории Польши и их состава», указывалось, что «обе стороны признают возможность, чтобы количество и численность этих частей подверглись в ближайшее время ограничениям» [19. Д. 48. Л. 136]. При принятии этих условий группа советских войск оказывалась в «подвешенном» во времени состоянии вывода раньше или позже.

В тот же день Гомулка позвонил заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину и просил конкретно указать в будущей декларации: «В Польше количество советских войск уменьшается на столько-то и в такой-то срок», предупредил, что польская сторона «завтра, 17 ноября, при встрече намерена поставить этот вопрос» [19. Д. 48. Л. 15]²³.

Во время беседы с советскими руководителями, состоявшейся 17 ноября, Гомулка предложил Хрущеву «сократить до известной степени количество ваших войск на польской территории» и отразить это в совместном заявлении. Последовал обмен репликами: Хрущев: «Не думаю, чтобы это было выгодно для Польши», кивая на НАТО. Гомулка настаивал. Хрущев предложил заменить советские войска в Германии польскими: «Ведь вы же находитесь по соседству с Германией, а не мы». Гомулка, имея в виду задачу снижения уровня антисоветских настроений в Польше, объяснил сокращение советских войск в Польше «политической потребностью»: оно «означало бы, что мы что-то делаем в этом отношении» и согласился еще подумать «над этим вопросом». Хрущев ответил: «Вам маршал Жуков доложил, что наши силы в Польше символические». Гомулка обещал еще подумать «над этим» и перешел к вопросу о репатриациях [19. Д. 47. Л. 153—155, 157].

Советская сторона заявила о готовности пойти навстречу в уточнении вопроса «о суверенитете Польши в структуре командования по Варшавскому пакту», согласилась на продолжение репатриации поляков из СССР, признала «справедливыми» претензии по использованию узла связи в г. Легнице, но отвергла предложение «относительно участия СССР в финансировании строительства коммуникационных путей, аэродромов и других стратегических сооружений на территории Польши», «сославшись на свои затраты» в «наше общее дело подготовки к обороне», которые «окажутся несравнимо большими, чем польские» [19. Д. 47. Л. 146].

Хрущев констатировал, что по углю и перевозкам по воинским тарифам имеются расхождения, но «в данных условиях, учитывая Ваши экономические трудности, мы согласны пойти польской стороне навстречу. Мы предлагаем считать погашенной задолженность Польши по состоянию на 1 ноября 1956 г. по использованному суммам кредитов, предоставленных Советским Союзом Польше, в оплату полной стоимости угля, поставленного из Польши в СССР в период 1946—1953 гг. Такое решение нам кажется целесообразным, поскольку остаток задолженности по кредитам и уголь равнозначны [...]. Я заявляю со всей ответственностью, что в общем эти расходы покрываются». После перерыва Гомулка признал, что

²² В архивных документах фигурируют все три названия, но в итоге были подписаны совместное заявление и протокол.

²³ Однако в датированных 18 ноября вариантах совместного заявления и протокола и в опубликованном протоколе по итогам переговоров подобных формулировок не было.

«советские предложения в своей основе отвечают интересам польской стороны, польская делегация принимает их с большим удовлетворением [...]». С политической точки зрения предложение советской делегации для нас весьма и весьма выгодно», и в третий раз заявил, что *«главным вопросом является уголь»*. В данном случае, можно предположить, имелись в виду особенно негативные настроения поляков. Из высказываний Гомулки ясно, что получение списания долгов и было первой задачей польской делегации в Москве. Советская сторона ее решила. В заключение беседы Хрущев предложил встретиться еще раз и 18 ноября 1956 г. подписать документы [19. Д. 47. Л. 147, 149, 152, 160]²⁴.

19 ноября 1956 г. «Правда» опубликовала совместное заявление (декларация), подписанное Хрущевым, Булганиным и Гомулкой, Циранкевичем и протокол за подписью Булганина и Циранкевича. В них были отражены договоренности и принятые решения по ряду вопросов, но, в первую очередь по двум: 1. Признавалось необходимым «заключить соглашение, определяющее статус советских войск, расположенных в Польше»; констатировалось, что «вопросы количественного состава войск являются исключительно внутренней компетенцией каждой из сторон». 2. «Исходя из взаимных интересов», стороны «согласились считать погашенной задолженность Польши по состоянию на 1 ноября 1956 г. [...] в оплату полной стоимости угля по соответствующим мировым ценам» [32; 19. Д. 69. Л. 165–171; 173–177; Д. 48. Л. 156–163, 164–168]. Упоминание «полной стоимости угля» было прямо адресовано рядовым полякам.

Позже Президиум ЦК КПСС разослал послам СССР в Будапеште, Бухаресте, Берлине, Праге, Тиране, Софии, Пекине, Пхеньяне, Улан-Баторе, Ханое информационное письмо по ряду внешнеполитических вопросов, включая состоявшиеся переговоры с польским руководством. Это был «аккуратный» текст о «братской помощи» двух стран друг другу в первые послевоенные годы, о поставленном вопросе «полной оплаты стоимости угля», чтобы пресечь разговоры «враждебных элементов внутри страны и за рубежом, [...] что якобы Польша за бесценок поставляла уголь в СССР», и учитывая это, советское руководство «решило пойти навстречу польскому правительству [...], согласившись считать погашенной задолженность Польши [...] в оплату полной стоимости угля за 1946–1953 гг.». Послы уведомлялись, что ЦК КПСС «приветствует приход к руководству в ПОРП тов. Гомулки и окажет ему необходимую поддержку» [19. Д. 49. Л. 11, 14]. Так руководство СССР подвело итоги весьма непростых переговоров по урегулированию наиболее политически чувствительных вопросов в отношениях двух стран — суверенной государственности и равноправия в сотрудничестве.

До сих пор «за кадром» звучит вопрос: был ли Хрущев «прижат к стене» требованиями и аргументами поляков по углю и советскому военному присутствию и поэтому уступил Гомулке? А.М. Орехов в 2005 г. ответил: «Скорее да». Затем его позиция смягчилась: «Ситуация в советско-польских отношениях существенно изменилась» и польское руководство «фактически добилось права достаточно самостоятельно принимать решения, касавшиеся внутренней, а в перспективе и внешней политики» [25. С. 270–271; 26. С. 206].

Из проанализированных в статье конкретных материалов советско-польских отношений следует: СССР по соглашениям, подписанным в 1945 и 1947 гг., не был должен Польше дополнительно платить за уголь, но принял на себя непредусмотренную оплату «полной стоимости угля», согласился

²⁴ Документами этой встречи не располагаю.

на сокращение военного присутствия, воспринимавшегося поляками не как способ охраны ее западных границ (для Хрущева — безоговорочный приоритет), а как прямое ограничение национального суверенитета. Согласие на полную оплату угля было дано ради того, чтобы Польша избежала банкротства и снизился уровень недовольства поляков, чтобы ПОРП сохранила устойчивость власти (это — главное для Гомулки), наглядно ограничив зримые проявления зависимости от СССР. Найденное политическое решение урегулирования экономических и военно-политических разногласий было тогда разумно с точки зрения геополитических интересов СССР как фактора высокой политики, лидера военно-политического блока и гаранта равновесия сил в Европе. Оно соответствовало интересам Польской Народной Республики и позволяло ей, поступившись частью суверенитета, сохранить свои геополитические позиции, избежать возможной в тех условиях угрозы потерять новые западные земли. Хрущев и Гомулка пошли на взаимные уступки и тем предотвратили в ту пору потрясения в Польше с прогнозируемыми последствиями. О том, какими они могли быть откровенно предупреждал поляков министр госбезопасности ГДР Эрнст Волльвебер. В сентябре-октябре 1956 г. он посещал Польшу, беседовал с польскими политиками, в том числе с главным редактором газеты «Trybuna Ludu» Ю. Бургиным, которого убеждал: «Вам должно быть ясно, что ГДР может существовать только при наличии на ее территории советских войск [...], без советских войск не будет ГДР, а без ГДР не будет и Польши в ее теперешнем виде [...]. Мы не ставим вопрос о границе по Одере — Нейсе, но вследствие обстановки, как она, очевидно, в Польше складывается, в Германии возникнут широкие ревизионистские настроения в отношении границы Одер — Нейсе» [19. Оп. 44. Д. 143. Л. 145, 147].

При таком развитии событий ПОРП потеряла бы власть, правда, власть — величина переменная, в отличие от потери территории, приобретенной усилиями СССР в 1945 г. Как и в 30-годы XX в. Польша могла вновь оказаться между СССР и Германией — ФРГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1978. Т. 2; М., 1984. Т. 4; М., 1980. Т. 6.
2. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.
3. *Rudnicki S.* Falanga. Ruch narodowo-radikalny. Warszawa, 2018.
4. *Kozłowski Cz.* Namiestnik Stalina. Warszawa, 1993.
5. *Modzelewski — Werblan.* Polska Ludowa. Warszawa, 2017.
6. *Polska Partia Robotnicza.* Dokumenty programowe. 1942—1948. Warszawa, 1984.
7. *Słabek H.* O społecznej historii Polski. 1945—1989. Warszawa, 2009.
8. *Kaliński J.* Gospodarka Polski w latach 1944—1989. Warszawa, 1995; *Landau Z.* Gospodarka Polski Ludowej. Warszawa, 1995.
9. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949—1953. Очерки истории. М., 2002, 2008.
10. PPR. I. 1947 — XII. 1948. Warszawa, 1973.
11. *Gomułka Wł.* Pamiętniki. Warszawa, 1994. Т. II. S.47; *Gryciuk F.* Kolektywizacja wsi polskiej // Represje wsi polskiej i ruchu ludowego (1944—1956). Warszawa, 2003. Т. I.
12. *Werblan A.* Stalinizm w Polsce. Warszawa, 2009; *Wnuk R.* Problem bandytyzmu wśród ruchu żołnierzy antykomunistycznego podziemia w Polsce (1945—1947) // Komunizm. Ideologia. System. Ludzie. Warszawa, 2001.

13. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М. 2008. Раздел III. Гл. I, III.
14. *Носкова А.Ф.* Римско-католическая церковь и кризис 1956 г. в Польше // Государство и Церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века. М., 2014. С. 160–188.
15. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М. 1974. Т. VIII.
16. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 1999. Т. 1. 1944–1948. Документы.
17. *Носкова А.Ф.* Московские советники в странах Восточной Европы // Вопросы истории. 1998. № 1.
18. *Орехов А.М.* Беседы под сводами Бельведера (Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г. // Славянский альманах. 2007. М., 2008.
19. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 66.
20. Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. М., 2001. С. 223, 367.
21. Советская политика в отношении Германии. 1944–1954. М., 2011.
22. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 223. Л. 159–163.
23. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). СССР и Польша. М., 1994.
24. *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения. 1945–1949. М., 1990.
25. *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели». Из истории советско-польских отношений. М., 2005.
26. *Орехов А.М.* Очерки истории экономических отношений СССР и ПНР. 1944–1957 М., 2017.
27. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы; М., 2003. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М. 2006.
28. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 120. Д. 1237. Л. 1–3.
29. *Селиванов И.Н.* Кремлевская дипломатия в действии: события 1956 г. в Польше и Венгрии глазами А.И. Микояна // Венгерский кризис 1956 в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений. М., 2018.
30. *Носкова А.Ф.* Рокоссовский в Польше. 1949–1956: неизвестные страницы биографии // Studia Polonica. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002.
31. Советская политика в отношении Германии. 1944–1954. Документы. М., 2011. С. 175.
32. Правда. 1956. 19 XI.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЧЛЕНЫ СЭВ И «ТРЕТИЙ МИР»: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ОЦЕНКАХ ЦРУ США 1965–1975 годы*

© 2020 г. Ар.А. Улунян

Д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

mirditahavlar21@google.com

В статье освещается анализ ЦРУ экономической помощи европейских стран-членов СЭВ «третьему миру» в 1965–1975 гг. Аналитики американской разведки выявили подходы советских восточноевропейских союзников, а также самого СССР к формам и методам оказания помощи менее развитым странам и постепенному переходу первых к «экономическому прагматизму» в своей политике.

The article highlights the CIA analysis on economic aid of the European countries—members of the CMEA to the Third World in 1965–1975. In their researches, American intelligence analysts revealed approaches of the Soviet allies in Eastern Europe as well as that of the USSR to the forms and methods of assistance for less developed countries and the CMEA's gradual transition to the policy of «economic pragmatism».

Ключевые слова: Восточный блок, СЭВ, «третий мир», ЦРУ, экономическая помощь.

Keywords: CIA, CMEA, Eastern Bloc, economic assistance, Third World.

DOI: 10.31857/S0869544X0009525-0

Межблоковое противостояние периода холодной войны проходило во всех, помимо военной, стратегически значимых для Запада и Востока областях, включая экономическую. Одним из важных элементов окончательно сложившейся после Второй мировой войны институционально-политической традиции США стало формирование в рамках государственных институтов, а также на межведомственном уровне, исследовательско-аналитических структур, занимавшихся, помимо других экономических тем, мониторингом и составлением аналитических документов по экономической деятельности СССР и его союзников по Восточному блоку в странах третьего мира для правительственных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 17-18-01728 «Мировая система социализма и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х гг.: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР», полученного ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

внешнеполитических, оборонных и разведывательных учреждений. К концу 1950-х годов значение экономической разведки как в целом, так и на конкретном «коммунистическом» направлении не вызывало сомнений, в связи с чем в секретном документе ЦРУ США, составленном осенью 1958 г. и посвященном кадровому вопросу в подобной деятельности, отмечалось, что «за пятилетний период высшие эшелоны разведывательного сообщества, а также правительственные круги, занимающиеся политикой в части, касающейся национальной безопасности, все больше осознают важность экономической разведки, особенно в том, что касается других аспектов разведки» [1. Р. 12].

Главными среди исследовательско-аналитических структур разведки, ориентированных на работу по экономическому направлению в отношении Восточного блока, были три. Первая, существовавшая еще с начала 1950-х годов в ЦРУ в рамках Директората разведки под названием Управление исследований и докладов. Вторая – это созданный 13 июня 1951 г. в виде координирующего органа Комитет по экономической разведке Совета по разведке США, составленный при ведущей роли ЦРУ из представителей Государственного департамента, Разведывательного управления Министерства обороны, разведуправлений армии, флота и авиации, Агентства национальной безопасности, казначейства, Агентства по международному развитию и ряда других ведомств. В составе Комитета действовала специальная, образованная в феврале 1956 г., рабочая группа по изучению коммунистической помощи и торговой деятельности в менее развитых регионах «свободного мира». В феврале 1966 г. она была преобразована в подкомитет Комитета по экономической разведке [2. Р. 1]. 12 мая 1969 г. Комитет по экономической разведке создал новый подкомитет по международной торговле и помощи, упразднив подкомитет по международной торговле и финансам, а также рабочую группу по оказанию помощи и торговой деятельности коммунистических стран в менее развитых районах «свободного мира», которые были включены в новый подкомитет [3. Р. i]. 1 октября 1974 г. он был упразднен, и практически вся его работа стала выполняться третьей структурой, существовавшей еще с 1 июля 1967 г. как Управление экономических исследований ЦРУ [4. Р. i]. Оно включало два основных подразделения: сектор по исследованию коммунистического мира, состоявшего из советско-восточно-европейского и китайского отделов и сектор международных исследований. В готовившихся ими на регулярной основе материалах, посвященных внешнеэкономической деятельности коммунистических стран в третьем мире, преимущественное внимание уделялось СССР и европейским членам возглавлявшегося им СЭВ. Основными «разведывательными продуктами», сочетавшими информацию и аналитические заключения, были специальный бюллетень «Помощь и торговая активность коммунистических стран в менее развитых регионах свободного мира», а также подготовленные по конкретной теме доклады. При этом сам термин, служивший для определения этих районов, использовался в 1965 г. применительно к достаточно широкому географическому пространству: «(1) все страны Африки, кроме Южноафриканской республики; (2) все страны Южной и Юго-Восточной Азии; (3) Исландия, Португалия и Испания; (4) все страны Латинской Америки, кроме Кубы; и (5) все страны Ближнего Востока, включая Кипр, Грецию, Сирию, Турцию и Объединенную Арабскую Республику» [5. Р. iii].

Период 1965–1975 гг. стал важным этапом в истории холодной войны, сочетавшим как острое противостояние между Западом и Востоком, так и поиск ими путей его ослабления, закончившийся кратковременным детантом. Проводимый Восточным блоком под руководством СССР внешнеэкономический

курс в отношении стран «третьего мира» рассматривался в начале 60-х годов XX в. американской стороной как представлявший угрозу, в связи с чем отмечалось, что предпринимаемые Советским Союзом в этой области действия направлены на реализацию так называемой идеи мирного сосуществования, за которой, по оценке правительственных ведомств США, скрывалась подлинная политика, заключающаяся в «создании условий для ликвидации, в конечном счете, других систем», чему и служило «экономическое наступление в наименее развитых странах» [6. Р. 1]. В данном контексте обращалось внимание на динамику внешнеэкономической деятельности Восточного блока в странах «третьего мира». Аналитиками ЦРУ отмечался рост товарооборота «с 860 млн долл.¹ в 1954 г. до примерно 2 млрд 700 млн долл. в 1960 г.» и его увеличение более чем на 210% [6. Р. 12], превращение Африки в конце 1950-х – начале 1960-х годов «в главную мишень экономической дипломатии [Восточного] блока», который прилагал «все усилия для разрушения, сокращения и, в конечном итоге, замены сильных экономических и политических связей, связывавших Африку со свободным миром» [6. Р. 16]. Уже позже, в открытой печати, ряд зарубежных специалистов по политической теории и сравнительным политическим исследованиям полагали, что, используя тезис «консолидации некапиталистических сил», СЭВ пытался оторвать страны третьего мира от мировой экономической системы, интегрировав их в свою, которая «хотя и отличается по форме, в равной степени является эксплуататорской» [7. Р. 1443].

Фактически, на протяжении периода 1953–1964 гг. советская политика оказания экономической помощи третьему миру, влиявшая и на внешнеэкономический курс европейских членов СЭВ, прошла два этапа. На первом, охватывавшем время 1953–1957 гг. она была «случайной и беспорядочной», сосредоточенной на странах Азии и Ближнего Востока, и преследовала цель оказания политического и экономического влияния. На втором этапе (1957–1964 гг.) СССР увеличил объемы помощи, но, в то же время, столкнулся с малой эффективностью отдачи от ее получателей [8. Р. 418].

Изменения в советском руководстве, произошедшие осенью 1964 г. после смещения со всех партийных и государственных постов Н.С. Хрущева и приход к власти Л.И. Брежнева, на начальном этапе воспринимались аналитиками ЦРУ как пока еще мало влиявшие на внешнеэкономическую политику СССР и его союзников из числа европейских стран-членов СЭВ в отношении третьего мира. Более того, они отмечали в секретном материале начала марта 1965 г. всплеск роста экономической помощи со стороны ГДР, когда «в рамках усилий по укреплению своих экономических и политических связей с менее развитыми странами» восточногерманская сторона «резко увеличила объем предложений и объем экономической помощи» с 1964 г., которая достигла 190 млн долл. [9. Р. 1] Во многом подобные действия рассматривались авторами доклада американской разведки как направленные на укрепление мировых позиций ГДР, а также на поиск рынка сбыта продукции своей тяжелой промышленности [9. Р. 1]. Обращаясь к теме внешнеэкономической деятельности европейских стран-участниц Восточного блока в Африке, аналитики Управления докладов и исследований ЦРУ в специальном материале, посвященном этому направлению, констатировали весной 1965 г. рост внешнеэкономических отношений этих государств со странами Африки [10. Р. 1]. Более того,

¹ Покупательная способность 100 долл. США в соответствующий год по отношению к 100 долл. в 2020 г. составляла: 1960 г. – 868 долл.; 1966 г. – 793 долл.; 1969 г. – 700 долл.; 1971 г. – 634 долл.; 1974 г. – 521 долл.

указывалось, что в связи с неспособностью ряда из них участвовать в финансировании проектов, реализовывавшихся странами СЭВ, последние выделили «значительные кредиты на закупку товаров блока для продажи на местных рынках, поступления от которых должны быть использованы для покрытия внутренних затрат на проекты, спонсируемые блоком» [10. Р. 2].

Экономический аспект взаимоотношений стран Восточного блока с третьим миром был тесно связан с политическим. Это особенно проявилось в конце 1964 г., когда в коммунистических странах, в частности, Болгарии и Румынии, прошла волна демонстраций студентов из новосозданных африканских государств, выступивших против действий США и Бельгии в Конго. Партийно-государственное руководство в Софии и Бухаресте рассматривало несанкционированные выступления как потенциальную угрозу внутривнутриполитическому положению в своих странах и действия, направленные на оказание влияния на их политику в отношении Запада. По информации ЦРУ, получившего эти данные, «румынский лидер Георге Георгиу-Деж заявил, что, хотя Румыния была готова внести свой вклад в помощь в обучении представителей других стран, она будет делать это на румынских условиях, и если тем, кто пользуется ее щедростью это не нравится, то они могут уехать» [11. Р. 3–4]. В соответствии с этими же данными, чехословацкие власти начали ужесточать критерии отбора студентов из стран третьего мира для своих вузов [11. Р. 3–4]. Тем не менее, такие эпизоды в целом не повлияли на внешнеэкономическую деятельность европейских стран-членов СЭВ в третьем мире. Аналитики Комитета по экономической разведке, в состав которого входили специалисты из ЦРУ, отметили сохранение высокого уровня экономической помощи в первой половине 1965 г. этих государств менее развитым странам. Особое внимание они обратили на расширение внешнеэкономической деятельности Восточной Германии, которая, по данным специалистов американской разведки, занимавшихся статистикой, «за 6-месячный период предоставила помощь в размере 191 млн долл. США против 123 млн долл. США, выделенных этой страной в течение предыдущих 11 лет» [12. Р. 3]. Не менее значимыми были объемы кредитов и экономической помощи, предоставленных Чехословакией, Польшей, Венгрией и Болгарией и составивших по информации ЦРУ 162 млн долл. [12. Р. 3] Экономическое проникновение европейских стран Восточного блока в Южную Америку, становившуюся еще одним, помимо Африки, из направлений их внешнеэкономической деятельности в третьем мире, было отмечено ЦРУ на конкретном примере Польши, заключившей с Бразилией договоры на поставку ей 150 тыс. тонн «рельсов и другого железнодорожного оборудования на сумму 20 мил долл.» взамен на приобретение польской стороной бразильских товаров. В свою очередь, по сведениям ЦРУ, ГДР находилась на финальной стадии заключения с Бразилией договора о поставке ей 75 единиц локомотивов [12. Р. 23]. Не менее активно, что было отмечено аналитиками разведки, развивались внешнеэкономические отношения европейских членов СЭВ с Грецией, Ираном и Сирией [12. Р. 25–26]. Достаточно серьезным фактором «разворота» во внешнеэкономических отношениях ряда членов Западного блока, активизировавших контакты с европейскими коммунистическими странами был внешнеполитический аспект. В ЦРУ обращали в данной связи внимание на политику Анкары, когда «разочарование по вопросу Кипра привело к тому, что Турция продолжила стремиться к расширению своих отношений с коммунистическими странами», среди которых, помимо СССР, большую роль на «турецком направлении» начинали играть Болгария, Румыния, Чехословакия и ГДР [12. Р. 26].

Во внешнеэкономической деятельности европейских коммунистических стран-участниц СЭВ в отношении стран третьего мира аналитики ЦРУ из Комитета по разведке, составившие итоговый доклад за 1965 г., подчеркнули ее характерную черту: использование «более либеральной политики помощи, которая стала очевидной в их (этих государств. — *Ар. У.*) новых начинаниях по оказанию помощи в 1964 году». Предпринимавшиеся странами Восточного блока шаги расценивались в этой связи как их решимость «использовать программу помощи в виде средства дальнейшего укрепления своих экономических и политических связей с менее развитыми странами» [13. Р. 2]. Однако, одновременно с этим, в 1965 г. выявились по оценкам специалистов из американской разведки, и новые трудности в проведении подобного курса. Это нашло отражение в снижении на 15% по сравнению с 1964 г. общего объема экономической помощи менее развитым странам, что объяснялось сложностями при погашении кредитов странами-реципиентами. Поэтому, как считали аналитики ЦРУ, в случае сохранения прежних объемов этой помощи ежегодные выплаты составили бы от 25% до 30%, что могло превратиться в серьезную проблему [13. Р. 3].

Данный прогноз, сделанный в марте 1966 г., подтвердился после изучения аналитиками американской разведки как полученной оперативной информации, так и официальных статистических данных из коммунистических стран, работа с которыми требовала осторожности в виду особенностей ее предоставления властями этих государств. В вышедшем в конце июля 1966 г. очередном номере секретного бюллетеня, посвященного внешнеэкономической деятельности Восточного блока в странах третьего мира, его авторы — сотрудники ЦРУ, отметили, что «предоставление экономической коммунистической помощи менее развитым странам в первой половине 1966 г. было значительно меньше уровня последних лет» [14. Р. 1]. При этом СССР, являясь основным донором, предоставил помощь на сумму 158 млн долл., в то время как европейские члены СЭВ — 83 млн долл., КНР 51 млн долл. Особое значение придавалось тому, что, во-первых, главным получателем восточноевропейской помощи стала Индия, и, во-вторых, что существенный вклад в это, в размере 52 млн долл., был сделан Венгрией [14. Р. 1].

Несмотря на снижение объемов внешнеэкономической помощи со стороны СССР и европейских стран-участниц СЭВ государствам третьего мира, сотрудниками ЦРУ и Госдепартамента США, подготовившими к марту 1967 г. совместный доклад на эту тему для Комитета по экономической разведке, подобная деятельность рассматривалась как инструмент «для снижения влияния Запада и укрепления своей собственной позиции в менее развитых странах», в то время как СССР и КНР преследовали еще при этом и цель ослабления взаимных позиций в них [15. Р. 1]. При сокращении внешнеэкономической помощи восточноевропейских союзников СССР государствам третьего мира, она, тем не менее, составила 14% от общего объема помощи Восточного блока [15. Р. 2], что свидетельствовало о серьезном сокращении советского вклада. Стратегическое значение представляла адресность восточноевропейской помощи, большая часть которой была направлена в Сирию и Индию, являвшихся также основными получателями и советской помощи. Аналитики ЦРУ и Госдепа особо отметили как рост на 22% по сравнению с 1965 г. товарооборота между европейскими членами СЭВ и странами третьего мира [15. Р. 5], так и ставший преобладающим импорт сырья в коммунистические государства [15. Р. 23].

Обращая внимание на тесную зависимость, существовавшую между экономическим развитием СССР и проводимую Восточным блоком внешнеэкономическую политику, аналитики ЦРУ достаточно внимательно отнеслись к советской внутриэкономической ситуации. В специальном докладе «Оценки национальной разведки», датированном 25 мая 1967 г., они, с одной стороны, отметили удачный для советской экономики 1966 г., а, с другой, пришли к выводу, что «советские лидеры, похоже, озабочены своими экономическими проблемами и в общем смысле стремятся избежать участия за границей, которое принесло бы новое экономическое бремя» [16. Р. 1–2].

К весне 1968 г. был составлен документ, ведущую роль в получении материалов для которого и в написании основных его частей сыграли сотрудники ЦРУ из Управления экономических исследований, Управления исследований и докладов, а также рабочей группы по оказанию помощи и торговой деятельности коммунистических стран в менее развитых районах свободного мира Комитета по экономической разведке. В нем была отмечена новая и хорошо прослеживавшаяся на протяжении 1967 г. тенденция во внешнеэкономических отношениях как СССР, так и его союзников из числа европейских членов СЭВ, с государствами третьего мира.

На фоне продолжавшегося, по оценке авторов доклада, расширения присутствия стран Восточного блока в менее развитых странах, основной упор делался ими в новых условиях на предоставлении военной помощи, резко возросшей с 1966 г. [17. Р. 1]. В то же время товары и услуги поставлялись «на основе соглашений о помощи, заключенных в предыдущие годы» [17. Р. 1]. В целом, как отмечено аналитиками, «сокращение новых объемов экономической помощи последовало за тремя годами рекордно высоких обязательств в 1964–1966 гг., и частично отразило отсутствие возможностей для нового расширения помощи и большую задолженность по неизрасходованным кредитам» [17. Р. 1]. Объем помощи в 1967 г. коммунистическими странами государствам третьего мира, по данным ЦРУ, составил 215 млн долл., что было наименьшим по количеству новых обязательств перед этими государствами в «любом году, начиная с 1955 г.», в целом, достигнув с 1954 г. 9 млрд 300 млн долл. [17. Р. 1]. Сокращение обязательств по предоставлению экономической помощи странам третьего мира в новых, как становилось ясно, условиях, превращалось в общую тенденцию внешнеэкономической деятельности Восточного блока, когда вслед за сокращением советской стороной оказываемой помощи последовали и ее восточноевропейские союзники. По тексту представленного доклада, но без выдвижения подобного тезиса, становилось понятно, что действия блока носят скоординированный характер, так как основная помощь СССР и государств-членов СЭВ оказывалась Чили и ОАР. Примечательным в данном контексте было то, что из 75 млн долл. помощи в виде займов и кредитов, предоставленных восточноевропейскими государствами, значительная часть пришлась на Болгарию и Румынию [17. Р. 2]. Одновременно, как отмечено в докладе, восточноевропейские страны, в отличие от СССР, взяли на себя новые обязательства оказания помощи не в военной, а гражданской области в регионах Ближнего Востока и Южной Азии при расширении подобной деятельности и в Латинской Америке [17. Р. 6–7].

Политический кризис августа 1968 г. в Чехословакии, закончившийся подавлением Пражской весны, как оказалось, был не настолько сильным, чтобы подорвать общую внешнеэкономическую политику Восточного блока в отношении стран третьего мира. Результатом исследований аналитиками ЦРУ ее

динамики на протяжении 1968 г. выявило ряд черт, часть которых являлась продолжением уже упоминавшихся ранее тенденций. Во-первых, они пришли к выводу о стабилизации объемов помощи коммунистическими государствами Восточной Европы менее развитым странам на протяжении 1964–1965 гг. и даже о его снижении [18. Р. 1]. Во-вторых, отмечены достаточно скромные темпы роста торговли между восточноевропейскими членами СЭВ и государствами третьего мира и сохранении прежнего уровня 1965 г. в оказании им технической помощи, подготовки и обучении специалистов из этих государств [18. Р. 1]. В-третьих, экономическая помощь им со стороны Восточного блока составила в 1968 г. 743 млн долл. в отличие от 1967 г., когда ее объем не превышал 521 млн долл. Примечательным становилась адресность оказанной помощи и ее форма — основную часть, около 60%, получил Иран, а новые договоры, подписанные СССР, Чехословакией, Венгрией и Румынией предусматривали выделение ему кредитов в размере 453 млн долл., погашение которых предусматривалось за счет поставок нефти и газа [18. Р. 2]. Активность Венгрии на внешнеэкономической арене во многом была обусловлена проводившейся ее партийно-государственным руководством политикой внедрения так называемого нового экономического механизма, что также способствовало усилению открытости в отношении Запада [19. Р. 402].

В соответствии с имевшимися у ЦРУ данными, Чехословакия, несмотря на события августа 1968 г., была лидером среди стран Восточной Европы в торговле оружием, обеспечив его поставки на сумму 40 млн долл. [18. Р. 4]. По данным аналитиков американского разведывательного сообщества восточноевропейские члены СЭВ с разной степенью активности, но в целом, в значительном объеме, предоставили в 1968 г. экономическую помощь в форме кредитов и займов менее развитым странам третьего мира. При этом лидером оказалась Чехословакия (206 млн долл.), за которой следовали Румыния (82 млн долл.), Венгрия (40 млн долл.), Болгария (30 млн 200 тыс. долл.), ГДР (7 млн 500 тыс. долл.) и Польша (5 млн долл.) [18. Р. 10] Таким образом, даже при отмечавшемся снижении темпов роста помощи странам «третьего мира», ее объем был значимым, как с точки зрения собственно экономик европейских участников СЭВ, так и стран-получателей.

В 1969 г., как отметили аналитики ЦРУ по его итогам в 1970 г., несмотря «на то, что уровень предоставления (Восточным блоком. — *Ар. У.*) новой помощи из года в год колеблется в широких пределах, оказание экономической и военной помощи выровнялось, составив почти 900 млн долл. в год в течение последних четырех лет». Однако, в целом, как они заключали, «быстрое расширение, которое характеризовало наступление коммунистов в странах третьего мира до 1964 г., в последние годы сменилось сдержанными программами» [20. Р. xi]. Из общего объема помощи коммунистических стран государствам третьего мира, достигшей в 1969 г. 10 млрд 800 млн долл., СССР принадлежало 50%, странам восточноевропейским членам СЭВ 48% и лишь оставшиеся 2% были предоставлены КНР [20. Р. xi]. Важным с точки зрения определения места восточноевропейских стран в регионах третьего мира было заключение аналитиков ЦРУ на основе имевшихся у них статистических исследований и сформулированное в виде вывода о том, что единственной областью экономического взаимодействия Восточной Европы с менее развитыми странами была торговля, превысившая объемы торговли с ними СССР [20. Р. 3]. Общая картина внешнеэкономической политики Восточного блока в отношении стран третьего мира давал основания авторам посвященного этой теме доклада, составленного при ведущей роли ЦРУ, предположить, что «отсутствие

активных инициатив со стороны Советского Союза в деле оказания помощи в последние годы может отражать осознание им того, что помощь как политическое оружие имеет серьезные ограничения, что она не дает гарантии сохранения влияния, как показал советский опыт в Индонезии, Гане и Гвинее, и что это иногда приводит к нежелательному участию в разногласиях между двумя государствами-клиентами, как, например, в спорах между Ираном и Ираком, а также Индией и Пакистаном» [20. Р. 3]. Тем не менее, несмотря на предполагаемую американскими аналитиками скоординированность внешнеэкономической политики участников возглавлявшегося СССР Восточного блока, представленные ЦРУ данные свидетельствовали и о собственных интересах. Так, в частности Чехословакия предоставила Ирану кредит в размере 200 млн долл., составивших около половины от всего объема обещанной восточноевропейскими странами экономической помощи. Активная политика ГДР по предоставлению кредита на 156 млн долл. пяти менее развитым странам, что в десять раз превысило сумму кредитов в предыдущие годы, объяснялась авторами доклада стремлением восточногерманской стороны усилить международные позиции [20. Р. 4, 6]. В данном контексте аналитики ЦРУ обратили внимание на то, что 2/3 увеличившегося объема экспорта из восточноевропейских стран-участниц СЭВ приходилось на Грецию, Иран, Пакистан и Сирию [20. Р. 17]. В то же время, общая тенденция по сокращению объемов экономической помощи странам третьего мира со стороны Восточного блока сохранялась и в 1970 г., что и было отмечено в ЦРУ [21. Р. 1]. Весной 1970 г. аналитики ЦРУ уже начали использовать для характеристики складывавшейся ситуации определение «консервативной политики помощи», получившей развитие в «постхрущевские годы» [22. Р. 1]. Однако столь однозначный вывод касался, прежде всего, стран Восточного блока во главе с СССР. Из 1 млрд 100 млн долл. экономической помощи коммунистических стран, оказанной третьему миру в 1970 г., 708 млн 100 тыс. долл. были предоставлены КНР, 200 млн долл. со стороны СССР и 185 млн долл. восточноевропейскими членами СЭВ [22. Р. 2, 8]. По сведениям ЦРУ на первом месте среди них оказались Венгрия (85 млн долл.) и Болгария (52 млн долл.), за которыми следовали Чехословакия (15 млн долл.), ГДР (14 млн 100 тыс. долл.), Польша (10 млн долл.) и Румыния (9 млн 500 тыс. долл.) [22. Р. 8]. Так называемая стабилизация в предоставлении экономической помощи восточноевропейскими странами третьему миру в виде упоминавшейся выше «консервативной политики» отмечена аналитиками ЦРУ при сравнении соотношения показателей двух последних лет, когда объем помощи европейских членов СЭВ составил 185 млн долл., что было ниже уровня 1969 г. с его 455 млн долл., «но на 10% выше среднего уровня их обязательств в 1967 г. и 1968 г.» [22. Р. 9].

Спустя чуть больше полмесяца после появления доклада с этими данными и выводами в еженедельной информационно-аналитической сводке от 17 апреля 1970 г., посвященной советской внешнеэкономической политике, аналитики ЦРУ сделали однозначный вывод: «Иностранная помощь не стоит на первом месте в нынешнем списке советских приоритетов. Давление, вызванное неэффективной экономикой, а также внимание, которое требуют события на границе с Китаем, Вьетнам, ОСВ (переговоры об ограничении стратегических вооружений. —*Ар.У.*) и Ближний Восток, отвлекают от программ иностранной помощи» [23. Р. 1]. По мнению авторов материала из ЦРУ советское руководство рассматривало оказание военной помощи, имевшей быструю отдачу, как «более эффективный инструмент внешней политики, чем экономическая помощь» [23. Р. 1].

В появившемся спустя три дня секретном документе «Оценки национальной разведки» в данной связи отмечено, что на политику Москвы в странах третьего мира влияет «стремление претендовать на более широкую роль в мире для себя и необходимость защищать свои революционные полномочия, особенно от китайского вызова» [24. Р. 472], однако, из-за неудач в прошлом, как полагали в ЦРУ, СССР начал более трезво рассматривать свои перспективы, что так же повлияло на его политику по отношению стран третьего мира» [24. Р. 473].

Несмотря на замеченную аналитиками ЦРУ наметившуюся тенденцию более реалистичного подхода СССР и восточноевропейских стран к оказанию экономической помощи менее развитым государствам, тем не менее, они обратили внимание на ее достаточно большой объем. Намного позже и на основе ставивших доступными документов ряд исследователей пришли к выводу о том, что, в конечном счете, новое советское партийно-государственное руководство отказалось от превращения СЭВ в единый центр планирования и прекратило делать прогнозы о «времени возможной близкой победы в конкуренции двух систем» [25. S. 155]. В определенной степени в конце 60-х — начале 70-х годов происходило по сути изменение мировой советской стратегии [26. Р. 73], частью которой была и внешнеэкономическая политика.

Сама помощь европейских членов СЭВ рассматривалась в ЦРУ как инструмент реализации ими своих политических и коммерческих интересов в странах третьего мира [27. Р. 1]. В 1972 г. по оценкам аналитиков американской разведки они выделили менее развитым государствам рекордную, как подчеркивалось авторами очередного доклада ЦРУ, сумму в размере 1 млрд 800 млн долл., из которой советская часть составила 580 млн долл., вклад восточноевропейских членов СЭВ — 655 млн долл. (при ведущей роли Чехословакии, Польши и Румынии) и КНР — 500 млн долл. [27. Р. 2]. На следующий 1973 г. более половины предоставленной Восточным блоком и КНР помощи странам третьего мира составляла экономическая, но при этом основным донором выступал СССР, в то время как страны Восточной Европы и Китай ориентировались на преимущественное предоставление военной помощи [28. Р. 2]. В американской разведке обратили внимание на подчеркивание советской стороной и ее восточноевропейскими союзниками именно экономической выгоды, получаемой от предоставления помощи, и их заинтересованности в экономической отдаче [29. Р. 8]. Что же касалось военно-технической помощи, то она, как заключали аналитики ЦРУ, была более «мотивирована надеждами на политическую выгоду» [29. Р. 2].

Особое внимание в исследованиях ЦРУ, посвященных внешнеэкономической активности стран Восточного блока, начиная с октября 1973 г., обращалось на характер взаимоотношений с государствами третьего мира в вопросах получения доступа к углеводородным ресурсам. Это объяснялось тем, что в результате введенного арабскими странами нефтяного эмбарго в отношении ряда ведущих государств Запада (Великобритания, Канада, Нидерланды, США, Япония) за их поддержку Израиля в войне Судного дня (6–24 октября 1973 г.), и снятого ими только в марте 1974 г., западные экономики, и, в частности, США столкнулись с серьезной и стратегически значимой для них проблемой дефицита энергоносителей. Последние могли, как полагали в ЦРУ, превратиться в серьезный инструмент давления со стороны СССР и возглавляемого им блока на Запад и усилить конфронтацию между Западом и Востоком на так называемой мировой периферии, т.е. в третьем мире, часть государств которого обладала большими запасами углеводородного сырья. В составленном по

итогам 1974 г. аналитическом документе, в работе над которым приняли участие сотрудники Управления экономических исследований ЦРУ, а также Бюро разведки и исследований Государственного департамента, Разведывательно-управления Министерства обороны и Агентства по международному развитию, отмечалось несколько важных фактов в этой связи. Во-первых, обращалось внимание на продолжавшиеся в течение первого квартала 1974 г. усилия СССР и европейских членов СЭВ добиться увеличения поставок нефти из ближневосточных арабских стран. В данном контексте аналитики особо отметили возможность сокращения закупок у этих поставщиков из-за повышения цен и усиливавшихся требований оплаты твердой валютой без каких-либо бартерных сделок [30. Р. 1]. Во-вторых, по линии американских разведывательных организаций, включая ЦРУ, становилось известно о расширявшейся деятельности стран Восточного блока в государствах третьего мира, с целью оказания помощи в развитии местных национальных нефтяным компаниям [30. Р. 1]. При этом, как отмечено, основной упор делался на использовании уже предоставленных кредитов для разработки нефти в 27 государствах третьего мира. В-третьих, фиксировалось сокращение закупок нефти советской стороной из этих стран на 50% по сравнению с 1973 г., а импорт нефти из менее развитых государств в европейские страны-члены Восточного блока сохранился в прежних объемах [30. Р. 2].

Исследования внешнеэкономической политики Восточного блока в третьем мире, проводившиеся ЦРУ США, к концу 1974 г. – началу 1975 г. имели, помимо их очевидной значимости для реализации американской текущей внешнеполитической деятельности и оборонной политики, еще один важный аспект с учетом проходившей подготовки к Совещанию по безопасности в Хельсинки. Для американской стороны было важно определить состояние и перспективы внешнеэкономической политики СССР и стран Восточного блока в странах третьего мира. Это напрямую относилось к объявляемой политике разрядки, когда в условиях холодной войны региональное соперничество приобретало нередко характер вооруженной конфронтации между силами, поддерживавшимися Западом и Востоком. Одним из первых подобных системных материалов стал очередной выпуск секретного бюллетеня, посвященного экономической помощи и экономической активности коммунистических государств в третьем мире, подготовленный 1 марта 1975 г. 130-страничный статистический доклад, содержащий достаточно подробные данные по широкому кругу вопросов экономических взаимоотношений Восточного блока с менее развитыми государствами. Приводившаяся статистика, полученная как по официальным, так и оперативным каналам американской разведки, систематизированная специалистами Отдела экономических исследований ЦРУ, свидетельствовала о нарастании активности СССР и восточноевропейских членов СЭВ в странах третьего мира и увеличении объема как экономической помощи, так и внешней торговли между Восточным блоком и менее развитыми странами [31].

Более того, в июне 1975 г. в очередном докладе об отношениях коммунистических стран с государствами третьего мира, составленном с активным участием и главенствующей роли ЦРУ, уточнялись действия Восточного блока на этом направлении внешнеэкономической деятельности на протяжении 1974 г. и отмечалось активное использование СССР и восточноевропейскими странами экономической помощи в целях защиты своих экономических интересов в менее развитых странах, в связи с чем они создавали совместные промышленные и коммерческие предприятия там, а в ряде случаев были учреждены

координирующие органы и структуры, занимающиеся вопросами оказания помощи уже существовавшим совместным предприятиям [32. Р. iii]. В то же время ситуации, сложившаяся к первой половине 1975 г. в отношениях между странами-членами СЭВ и третьего мира», свидетельствовала о серьезных проблемах. Аналитики ЦРУ обращали особое внимание на то, что официальные лица-представители менее развитых стран в частных беседах резко критиковали СЭВ в связи с тем, что созданный этой организацией в 1970 г. и начавший действовать с 1 января 1971 г. Международный инвестиционный банк «не предоставил ни одного кредита, с тех пор как начал свою работу в январе 1974 г.» [33. Р. 1]². Причины отказа предоставить кредит ряду стран третьего мира, подавших заявки, заключались, как стало известно по оперативным каналам ЦРУ от этих представителей, из-за отсутствия значимости проекта для финансирования со стороны СЭВ или слишком высокой доли в твердой валюте, необходимой для его реализации [33. Р. 1].

Информация, полученная в середине лета 1975 г. американской стороной накануне совещания в Хельсинки, свидетельствовала об активизации Восточного блока в странах третьего мира на стратегически важных для мировой политики, а также для внешнеполитических и оборонных интересов Запада направлениях.

В очередном номере секретного бюллетеня о коммунистической помощи и торговле менее развитым странам отмечалось в этой связи усиление в июне 1975 г. контактов стран-членов ОПЕК с коммунистическими государствами и о заключении СССР, ГДР и Польшей экономических соглашений с Кувейтом. Москва, по данным ЦРУ, предоставила Кувейту крупный кредит, Иран, в свою очередь, перечислил 580 млн долл. Болгарии и Румынии в виде платежей в счет будущих поставок продуктов сельского хозяйства. Одновременно Бразилия получила от Румынии финансовую помощь в размере 150 млн долл. для развития сталелитейной промышленности [34. Р. i]. Авторы доклада сделали в этой связи вполне закономерный вывод о том, что «средства от более богатых производителей нефти начали поступать в коммунистическую экономику в первой половине года» [34. Р. 1]. Одновременно они вполне закономерно предположили, что восточноевропейские союзники СССР, имевшие проблемы с нехваткой конвертируемой валюты, будут «полагаться на Ближний Восток», государства которого, как вероятно полагали специалисты из ЦРУ, могли обеспечить соответствующие займы и кредиты. Аналитики из американской разведки, обращаясь к теме поставок энергоносителей в европейские страны-члены СЭВ, также предположили, что в случае сокращения им поставок нефти с Ближнего Востока из-за ее дороговизны (11 долл. за баррель против 7 долл. за баррель советской нефти), СССР будет вынужден «компенсировать дефицит за счет своей прибыльной торговли нефтью в твердой валюте с Западом» [34. Р. 8].

Несмотря на во многом закрытый характер статистической информации стран Восточного блока и сложность верификации официальной статистики, специалисты из ЦРУ, на основании проведенного анализа имевшейся информации, полученной по различным каналам, пришли в июле 1975 г. к выводу о том, что объем предоставленной коммунистическими странами, прежде всего членами Восточного блока, помощи менее развитым странам на протяжении первого полугодия 1975 г. составил 955 млн долл., из которых 575 млн долл. экономической помощи и 380 млн долл. в виде военно-технической помощи [34. Р. 1]. Одновременно выявились новые тенденции, когда, как отмечали аналитики ЦРУ,

² В тексте ошибочно вместо 1971 г. указан 1974 г.

обязательства европейских стран-членов СЭВ оказывать экономическую помощь превзошли аналогичные советские обязательства, что, во многом, было результатом активной внешнеэкономической деятельности Бухареста, который, как подчеркивалось специалистами разведки, пытался найти, во-первых, новые рынки сбыта производимых в Румынии машин и оборудования, и, во-вторых, новые источники поставок сырья. В результате чего румынская доля в предоставляемой Восточным блоком в первой половине экономической помощи составила 85% от ее общего объема [34. Р. 3].

Подписанный в Хельсинки 30 июля – 1 августа 1975 г. 35 главами государств Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, рассматривавшийся как пролог к наступлению разрядки в международных отношениях между Западом и Востоком, тем не менее, не ослабил внимания ЦРУ к действиям СССР и его союзников по Восточному блоку в странах третьего мира. Результаты исследований, проводившихся аналитиками ЦРУ на протяжении второй половины 1975 г. и в начале 1976 г., вопреки ранее отмечавшемуся росту помощи, предоставлявшейся европейскими странами-членами СЭВ странам третьего мира, давали основания специалистам американской разведки для вывода о том, что в 1975 г. в целом восточноевропейские страны-доноры сократили свои обязательства. Сам объем оказываемой ими помощи составил лишь половину от объема 1974 г. и во многом за счет ее сокращения в отношении стран Латинской Америки и Ближнего Востока.

Десятилетний период 1965–1975 гг., характеризующийся в истории холодной войны как время подготовки разрядки, оказался для работы аналитиков экономической разведки ЦРУ, занимавшихся оценками политики экономической помощи Восточного блока странам третьего мира, исключительно сложным с точки зрения необходимости учета увеличивавшегося количества факторов, составлявших две условные группы. В первую входили относящиеся к внутриблоковой ситуации: нарастание кризиса в отношениях СССР с рядом его союзников, внутриполитические кризисы и осложнение внутриэкономической ситуации в государствах-членах блока. При этом уже в начале 1960 г. зарубежные аналитики обратили внимание на то, что в «советской экономике идет что-то не так» [35. Р. 124].

Вторая группа факторов включал обостренное межблоковое противостояние на «мировой периферии», прежде всего, в странах третьего мира и региональные конфликты. Отмеченный аналитиками ЦРУ, использовавших статистические данные, полученные по разным каналам, а также в результате проводимых ими расчетов, в «хрущевский» период рост экономической помощи Восточного блока странам третьего мира, во многом мотивированный политическими соображениями, начал сокращаться во второй половине 1960-х годов, а затем, как отметили специалисты ЦРУ, колебался. Заметную роль на этом направлении внешнеэкономической деятельности европейских членов СЭВ сыграла их увеличивавшаяся активность, обусловленная собственными интересами. В представлявшиеся аналитиками американской разведки правительству страны материалы увеличивалось внимание к роли и месту восточноевропейских союзников СССР в странах третьего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Survey of Professional Personnel Engaged in Economic Intelligence and Related Economic Research on Sino-Soviet Bloc and Non-Bloc Areas. September 1, 1958. Document Number: CIA-RDP92B01090R000600010001-0.pdf [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP92B01090R000600010001-0.pdf> (дата обращения: 30.01.2020)

2. Working Group on Aid and Trade Activities of Communist Countries in Less De-veloped Areas of the Free World, March 12, 1966. Document number: CIA-RDP82-00283R000100010019-6 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00283R000100010019-6.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
3. Abolishment of EIC Subcommittee on International Trade and Finance and EIC Working Group on Aid and Trade Activities of Communist Countries in Less De-veloped Areas of the Free World, May 21, 1969. Document Number: CIA-RDP82-00283R000200200001-3 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00283R000200200001-3.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
4. Intelligence Report. Communist Aid and Trade Activities in Less Developed Countries of Free World, 1974, June 1975. Document Number: DOC_0000969686.pdf [Электронный ресурс] https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000969686.pdf (дата обращения: 30.01.2020)
5. Aid and Trade Activities of Communist Countries in Less Developed Areas of the Free World, 1 January – 30 June 1965, August 1, 1965. Document Number: CIA-RDP92B01090R000400010020-1 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP92B01090R000400010020-1.pdf> (дата обращения: 30.01.2020)
6. The Threat of Soviet Economic Policy. United States. Department of State. Office of Public Services. Washington, 1961.
7. *Samuel J. Noumoff* COMECON and the Third World // Economic and Political Weekly. Vol. 15. № 34 (Aug. 23, 1980).
8. *Klages, Walter J.* Soviet Economic Thought and Economic Development: The Case of Foreign Aid // Canadian Slavonic Papers – Revue Canadienne des Slavistes. 1970. Vol. 12. № 4.
9. Recent Upsurge in East German Economic Assistance to Less Developed, March 1, 1965. Document Number: CIA-RDP79T01003A002200170001-8 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79T01003A002200170001-8.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
10. Special Report. Communist World's Economic Relations with Africa, April 16, 1965. Document number: CIA-RDP79-00927A004800100005-6 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A004800100005-6.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
11. Recent Developments in Communist Policy towards Students from Less Developed Countries. April 1, 1965. Document Number CIA-RDP79T01003A002200240001-0. [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79T01003A002200240001-0.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
12. Aid and Trade Activities of Communist Countries in Less Developed Areas of the Free World, 1 January – 30 June 1965, August 1, 1965. Document Number: CIA-RDP92B01090R000400010020-1 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP92B01090R000400010020-1.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
13. Aid and Trade Activities of Communist Countries in Less Developed Areas of the Free World – 1965, March 1, 1966. Document Number: CIA-RDP92B01090R000400010021-0 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP92B01090R000400010021-0.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
14. Aid and Trade Activities of Communist Countries in Less Developed Areas of the Free World 1 January – 30 June 1966 Midyear Supplement to EIC R14-S20, July 25, 1966. Document Number: CIA-RDP92B01090R000400010025-6 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP92B01090R000400010025-6.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
15. Aid and Trade Activities of Communist Countries in Less Developed Areas of the Free World –1966, March 1, 1967. Document Number: CIA-RDP92B01090R000400010022-9.pdf [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP92B01090R000400010022-9.pdf> (дата обращения: 30.03.2020).
16. NIE11-5-67, Soviet Economic Problems and Prospects, 25 May 1967. Document Number: DOC_0000272916. [Электронный ресурс] https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000272916.pdf (дата обращения: 30.01.2020).
17. Aid and Trade Activities of Communist Countries in Less Developed Areas of the Free World 1967, March 1, 1968. Document Number: CIA-RDP92B01090R000400010026-5 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP92B01090R000400010026-5.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
18. Aid and Trade Activities of Communist Countries in Less Developed Areas of the Free World, 1968, February 1, 1969. Document Number: CIA-RDP92B01090R000400010027-4. [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP92B01090R000400010027-4.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).

19. Germuska Pál Balancing between the COMECON and the EEC: Hungarian elite debates on European integration during the long 1970s // *Cold War History*. 2019. Vol 19. Issue 3.
20. Aid and Trade Activities of Communist Countries in Less Developed Areas of the Free World, 1969, February 1, 1970. Document Number: CIA-RDP92B01090R000400010028-3 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP92B01090R000400010028-3.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
21. Midyear Supplement, 1 January – 30 June 1970 and Monthly Report, July 1970 // Aid and Trade Activities of Communist Countries in Less Developed Areas of the Free World, 1969, February 1, 1970. Document Number: CIA-RDP92B01090R000400010028-3. [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP92B01090R000400010028-3.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
22. Aid and Trade Activities of Communist Countries in Less Developed Areas of the Free World, 1970, April 1, 1971. Document Number: CIA-RDP90–00596R000600020006-8 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP90–00596R000600020006-8.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
23. Weekly Summary Special Report. Soviet Foreign Aid Loses Momentum, April 17, 1970. Document Number: CIA-RDP85T00875R001500020021-7. [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001500020021-7.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
24. National Intelligence Estimate Washington, April 20, 1972. NIE11–72. Soviet Foreign Policies and the Outlook for Soviet-American Relations // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976*. Vol. XIV, Soviet Union, October 1971–May 1972. Bureau Public Affairs, Office of the Historian. Washington, 2007.
25. *Kaplan K. Rada vzájemné hospodářské pomoci a Československo 1957–1967*. Praha, 2002.
26. *Gu Guan-Fu. Soviet Aid to the Third World an Analysis of Its Strategy // Soviet Studies*. 1983. Vol. 35. № 1.
27. Weekly Summary Special Report. Communist Aid to the Third World, March 16, 1973. Document Number: CIA-RDP85T00875R001500050013-3 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001500050013-3.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
28. Weekly Summary. Special Report. Communist Aid to the Third World, April 5, 1974. Document Number: CIA-RDP79–00927A010800020003-0 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79–00927A010800020003-0.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
29. Weekly Summary. Special Report. Communist Aid to the Third World, April 5, 1974. Document Number: CIA-RDP79–00927A010800020003-0 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A010800020003-0.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
30. Summaries of Monthly Reports on Communist Aid and Trade Activities in Less Developed Countries, 1974, August 1, 1975. Document Number: CIA-RDP86T00608R000500230021-0 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP86T00608R000500230021-0.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
31. Communist Aid and Trade Activities in Less Developed Countries of Free World, 1974, March 1, 1975/ Document Number: CIA-RDP79S01091A000400030001-4. [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79S01091A000400030001-4.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
32. Intelligence Report. Communist Aid and Trade Activities in Less Developed Countries of Free World, 1974, June 1975. Document Number: DOC_0000969686.pdf [Электронный ресурс] https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000969686.pdf (Дата обращения: 30.01.2020).
33. Communist Aid and Trade Activities in Less Developed Countries of Free World, March 1975, April 1, 1975. Document Number: CIA-RDP79T01098A000500040002-6 [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79T01098A000500040002-6.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
34. Communist Aid and Trade Activities in Less Developed Countries of Free World, June 1975, July 1975. P. i. Document Number: CIA-RDP86T00608R000500230020-[Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP86T00608R000500230020-1.pdf> (дата обращения: 30.01.2020).
35. *Hatzivassiliou Evanthis NATO and Western Perceptions of the Soviet Bloc: Alliance Analysis and Reporting, 1951–69*. London, 2014.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША (1989–1991 годы)

© 2020 г. О.Ю. Михалев

Канд. ист. наук, доцент Воронежского государственного университета

mikhalev2003@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению процесса разрушения Польской объединенной рабочей партии, которая не смогла удержать власть в результате произошедших в 1989 г. социально-политических изменений, и возникновения на ее основе Социал-демократии Республики Польша. Изучены факторы, позволившие новой партии утвердиться в системе парламентской демократии и сделать шаги к первым электоральным успехам в 1990–1991 гг.

The article considers the process of destruction of the Polish United Workers' Party, which failed to hold power in the process of social and political transformation in 1989, and the emergence of the Social Democracy of the Republic of Poland on its basis. The factors are analysed which let the new party to take its place in the system of parliamentary democracy and make steps towards the first electoral success in 1990–1991.

Ключевые слова: политические партии, Польская объединенная рабочая партия, Социал-демократия Республики Польша, социально-политическая трансформация, А. Квасьневский, Л. Миллер.

Keywords: political parties, Polish United Workers' Party, Social Democracy of the Republic of Poland, social and political transformation, Aleksander Kwaśniewski, Leszek Miller.

DOI: 10.31857/S0869544X0009516-0

Интерес к польским левым, их опыту расставания с наследием социалистического прошлого и адаптации к условиям демократической политической системы на протяжении трех десятилетий, прошедших со времени начала трансформационного периода, традиционно высок в отечественной науке. Исследователи создали ряд работ, охватывающих все этапы развития польской социал-демократии – от начала 1990-х годов до настоящего времени (см. [1–5]). Однако детального описания самого первого периода, когда на месте распадающейся Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) появилась и стала утверждаться на политической сцене Социал-демократия Республики Польша (СДРП, Socjaldemokracja Rzeczypospolitej Polskiej) не появилось.

Можно назвать только статью В.В. Мирошникова [6], опубликованную, что называется, по горячим следам событий, в 1991 г., где тщательнейшим образом рассмотрен процесс подготовки и проведения XI, последнего, съезда ПОРП, ставшего одновременно I конгрессом СДРП. Однако автор по понятным причинам не мог знать, как дальше будет складываться судьба вновь образованной партии, а, кроме того, за истекшее время появились новые материалы, включая воспоминания участников событий, а также работы польских исследователей, которые дают много дополнительной информации о начальном этапе деятельности СДРП. Поэтому представляется небезынтересным в год 30-летия образования польской социал-демократии проследить важнейшие вехи становления партии, которая и по настоящее время является заметным элементом польской политической системы.

Основой для создания СДРП стало реформаторское крыло ПОРП, которое всегда занимало весомое место во внутрипартийном раскладе сил, а в конце 1980-х годов и вовсе вышло на определяющие позиции. Достаточно вспомнить, что первый секретарь ПОРП Войцех Ярузельский выступал сторонником реформ, и именно он и его ближайшие сподвижники продавили идею достижения соглашения с «Солидарностью», несмотря на упорное сопротивление партийных консерваторов, в польской политической терминологии именуемых «бетоном». Чувствительное поражение, понесенное правительственным блоком на выборах 4 июня 1989 г., когда его кандидаты не смогли занять ни одного места в Сейме, замещааемых посредством свободного волеизъявления¹, еще более усилило позиции сторонников радикальных изменений в партии.

Дело в том, что, если до выборов еще могла существовать какая-то надежда на обратимость перемен, то убедительная победа «Солидарности», выход из коалиции союзнических партий, неудача генерал Ч. Кищака в формировании правительства, усиление критики ПОРП внушали большинству коммунистов разочарование в партии и стремление покинуть ее ряды. Во второй половине 1989 г. бегство членов ПОРП приняло такие масштабы, что многие партийные организации самоликвидировались, а те, которые продолжали существование, испытывали трудности с избранием делегатов на партийный съезд. Стремительно сокращался даже партийный аппарат, причем до такой степени, что некоторые здания партийных комитетов опустели полностью. В октябре 1989 г. ряд таких пустующих строений были заняты сторонниками Конфедерации независимой Польши (КНП), требующих изъятия у ПОРП имущества и создания равных условий для всех политических сил [7. S. 81–82]. В такой обстановке консерваторы в ПОРП не могли выработать какого-либо определенного плана действий, и единственно возможной реакцией на кризис стали предложения реформаторов о коренном обновлении партии.

Уже через месяц после выборов в качестве внутрипартийной платформы появилось «Движение 8 июля», названное так по дню, когда в Варшавском университете состоялось собрание вузовской партийной организации, на которое были приглашены представители других учебных и научных центров, а также руководящих органов партии и правительства. Среди последних были члены

¹ По соглашениям «круглого стола» выборы в Сейм были частично свободными: 65% мест в нем заранее резервировалось за так называемой правительственной коалицией, куда помимо ПОРП входили союзнические партии (Объединенная крестьянская партия и Демократическая партия), лояльные католические организации и профсоюзы. Оставшиеся 35% мандатов должны были обрести своих владельцев во время свободных выборов, на участие в которых оппозиция соглашалась взамен на регистрацию «Солидарности».

ЦК ПОРП А. Квасьневский, С. Вятр, Я. Рейковский. Собравшиеся говорили о том, что ПОРП не сможет вписаться в условия нарождающейся парламентской демократии, поэтому на ее месте необходимо создать партию демократического социализма, которая должна отказаться от монополии на власть, выдвинуть новые идеи и новых людей. Решено было создать группу, в задачу которой входили выработка программы и устава новой партии, а также подключение к инициативе других партийных организаций [8. S. 18–19].

Члены «Движения 8 июля» рассчитывали, что их намерения поддержит высшее партийное руководство, но ему ключевая мысль о том, что не надо искусственным образом сдерживать распад ПОРП и создавать вместо нее социал-демократическую партию, которая порвет с марксистской идеологией, показалась излишне радикальной, хотя необходимость перемен оно не могло отрицать. На XII пленуме ЦК ПОРП, состоявшемся 27–28 июля 1989 г., вместо В. Ярузельского, незадолго до того занявшего пост президента страны, первым секретарем был избран Мечислав Раковский, хотя и занимавший реформаторские позиции, но нацеленный на сохранение единства партии. Выйдя к журналистам, он дал такую оценку состоянию дел в ПОРП: «После проигранных нами июньских выборов партия перестала быть политической силой. Она погрузилась в смакование поражения и пессимизм» (цит. по [9. S. 38]).

Несмотря на столь суровый диагноз, требовавший принятия немедленных и решительных мер, Раковский в течение нескольких месяцев пытался пробудить активность в распадающемся партийном аппарате, настраивая его на работу в условиях парламентской демократии. Эти усилия оказывались напрасными — застывший механизм реформироваться не желал. Тем временем количество клубов, платформ, групп, ищущих выход из партийного кризиса, стремительно увеличивалось, к октябрю их число достигло 200. Большая часть была убеждена, что ПОРП исчерпала себя и должна уступить место новой партии, не отягощенной балластом прошлого. Проведенный в сентябре опрос членов партии показал, что 72% требуют радикальных изменений [10. S. 15]. Роспуск партии поддержали и депутаты Сейма, представляющие ПОРП. Они выступили с открытым письмом, в котором писали: «ПОРП исчерпала свое время. Она находится на пороге политического надлома [...]. Необходимостью стало создание новой партии, соответствующей действительным потребностям и надеждам людей труда. Именно этого мы ожидаем от делегатов XI съезда ПОРП, который должен стать I конгрессом новой партии» [11. S. 14].

К этому времени руководство партии смирилось с неизбежностью ее распада, и сценарий роспуска ПОРП, который еще в середине сентября Раковский обозначал в дневнике как «один из возможных» [12. S. 517]², к ноябрю стал основным. 9 ноября XVI пленум ЦК ПОРП принял решение о сроках проведения XI съезда, а также утвердил основные положения документов, на базе которых предстояло создать новую партию. Время, оставшееся до съезда, назначенного на 27 января 1990 г., прошло под знаком не только идейной борьбы между различными группами и платформами³, но и персональных разногласий между руководителями ПОРП, надеявшимися занять лучшие позиции в аппарате будущей партии. Особое значение имел нарастающий конфликт руководства ПОРП с парламентским клубом партии (в частности с его главой

² Любопытно, что тогда Раковский отзывался об этом сценарии неодобрительно, считая, что ликвидация партии не может быть спонтанным процессом, а должна протекать планомерно и постепенно.

³ Подробное описание этой борьбы можно найти в упомянутой статье В.В. Мирошникова. (см. [6. С. 154–163]).

Марианом Ожеховским, выступавшим за полное обновление партийной верхушки), а также главами ее региональных отделений. Однако если депутаты Сейма требовали более решительных преобразований, то с мест раздавалась критика слишком радикальных шагов. В силу наличия острых противоречий ожидать, что съезд пройдет гладко, не приходилось.

XI съезд ПОРП открылся 27 января 1990 г. в нервной обстановке. Под окнами варшавского дворца культуры и науки, где он проходил, собралась радикально настроенная молодежь из КНП и других антикоммунистических организаций, которую сдерживали милицейские кордоны. В присутствии более 1500 делегатов Раковский выступил с докладом, в котором подвел итоги десятилетия правления ПОРП и предложил признать ее «политическим формированием, не имеющим будущего». Необходимо создать новую левую партию, которая, как подчеркивал Раковский, будет обращена лицом к будущему и не станет продолжательницей ПОРП, отбросив «ментальность сталинской эпохи». В конце выступления он заявил, что не намерен занимать руководящие посты в новой партии и призывает к этому других людей его поколения, с тем чтобы «передать руль следующему поколению» (цит. по [9. S. 44]). Фактически на этом съезде завершился, знамя ПОРП из зала заседаний вынесли. После часового перерыва начал работу конгресс уже новой партии — Социал-демократии Республики Польша.

Однако борьба за власть в ней и столкновение взглядов на ее политический характер с самого начала привели к расколу. Как и рекомендовал Раковский, на руководящие посты были избраны молодые политики. Председателем Высшего совета партии стал Александр Квасьневский. Ему исполнилось только 35 лет, но он уже обладал большим политическим опытом. В 1985–1987 гг. Квасьневский был министром по делам молодежи, затем — председателем Общественно-политического комитета при Совете министров и одновременно председателем Польского олимпийского комитета. В 1989 г. участвовал в заседаниях «круглого стола» на правительственной стороне, занимаясь вопросами профсоюзного движения. Он имел хорошие отношения не только с Раковским, но и многими деятелями «Солидарности», в том числе с А. Михником. Проведенные с последним публичные дебаты, состоявшиеся незадолго до январского съезда, немало способствовали росту популярности Квасьневского. Одолев конкурентов без особого труда (1049 голосов из 1196), он добился избрания в Высший совет партии 60 предложенных им кандидатур (из 150 участников совета), что должно было стать не только гарантией «интеллектуальной и организационной силы партии», но и его лидерских позиций⁴.

На пост генерального секретаря СДРП был избран 43-летний Лешек Миллер. Несколько лет он руководил одним из воеводских комитетов ПОРП, в конце 1988 г. вошел в состав ЦК ПОРП, летом 1989 г. стал членом политбюро партии. Миллер также принимал участие в работе «круглого стола», и, как и Квасьневский, входил в круг ближайших сотрудников Раковского. Именно Миллеру и Квасьневскому принадлежит основная заслуга в том, что СДРП смогла преодолеть наиболее сложный начальный период существования и утвердиться на польской политической сцене. В то же время ряд принятых ими решений не позволил партии избавиться от клейма наследницы ПОРП, несмотря на все предпринимаемые усилия.

⁴ Политическая биография А. Квасьневского подробно описана на русском языке (см. [2]).

Однако избрание на руководящие посты молодых выдвиженцев Раковского не устроило часть депутатов, группировавшихся вокруг Тадеуша Фишбаха, который в предсъездовский период не скрывал лидерских амбиций. В 1970-е годы Фишбах возглавлял воеводский комитет партии в Гданьске, однако из-за несогласия с введением военного положения был понижен в должности. В июне 1989 г. получил депутатский мандат от ПОРП, а вскоре стал вице-маршалом Сейма. Как отметил в дневнике Раковский, Фишбах при поддержке Ожеховского «лихорадочно создавал благоприятный имидж», разъезжая по регионам и выступая перед телекамерами. В Гданьске он встречался с Валенсой, и тот назвал в прессе Фишбаха главой новой партии [12. S. 611–612]. Впоследствии на этом основании появилась версия, что раскол в СДРП был сознательно инспирирован Валенсой для ослабления политического противника [13. S. 291–292].

28 января, на второй день работы конгресса, около 140 сторонников Фишбаха не пришли в зал заседаний, а в соседнем помещении объявили о создании альтернативной партии – Социал-демократического союза. Его принципиальным отличием от СДРП стало намерение однозначно отмежеваться от ПОРП, отказавшись от претензий на ее имущество и осудив социалистический период истории страны. Так как усилия по примирению оказались безрезультатными, сторонники Фишбаха начали работу по созыву учредительного конгресса союза, пытаясь упрочить его влияние в регионах. Впрочем, попытки формирования местных структур не принесли большого успеха, зато к Фишбаху примкнули более трех десятков депутатов Сейма, создавших самостоятельную фракцию. 7 апреля состоялся конгресс, который дал партии новое название – Польский социал-демократический союз (ПСДС) – и принял ряд программных документов. В них ПСДС определялся как левоцентристская партия, отвергающая марксистско-ленинскую теорию классовый борьбы, осуждающая все формы тоталитаризма и монополии на власть, выступающая за демократию, права человека, социальную солидарность и равноправие всех форм собственности [11. S. 118–120]. Однако партии не удалось закрепиться на политической сцене. Не сумев создать прочных низовых организаций, она пала жертвой внутренней борьбы. На президентских выборах в конце 1990 г. Фишбах от имени ПСДС объявил о поддержке кандидатуры Валенсы. В знак протеста три вице-председателя и большая часть членов совета партии ушли в отставку. После это партия уже существовала только формально, а в июле 1991 г. совет ПСДС принял решение о роспуске всех партийных организаций [14. S. 87–88].

Ситуация в СДРП складывалась значительно лучше. На I конгрессе оставшиеся после раскола делегаты почти без обсуждения приняли программную декларацию. В ней партия выступила за многопартийную систему и парламентскую демократию, связала свои идеалы «с польской социалистической традицией, современными поисками польской левицы и достижениями Социалистического интернационала». Она заявила о себе как о выразительнице интересов всех людей труда вне зависимости от их мировоззрения и предлагала сотрудничество прочим левым силам – партиям, профсоюзам, ассоциациям. СДРП заявила о поддержке рыночной экономики, но при выраженном участии государства, которое должно обеспечивать социальную справедливость. В области внешней политики партия выступила за защиту государственного суверенитета, развитие отношений с союзниками (т.е. с СССР и другими странами Организации Варшавского договора), и поддержку идеи общеевропейского дома [11. S. 96–98].

Но если в программной декларации отчетливо просвечивало стремление дистанцироваться от ПОРП, где ни ее опыт, ни социалистический период не упоминались вовсе, то в имущественном вопросе материальные интересы возобладали. Конгресс принял решение о передаче собственности ПОРП новой партии и создании специальной комиссии, которая должна была урегулировать эту проблему с государственными органами. Этот шаг имел далеко идущие последствия, перечеркивая все разговоры о том, что СДРП не является переродившейся ПОРП. В глазах политических противников социал-демократы автоматически стали наследниками коммунистов, а значит, должны были отвечать за совершенные ими ранее преступления. Через несколько дней после конгресса СДРП Л. Валенса заявил на пресс-конференции: «Я думал, что Квасъневский и другие отстранятся от ПОРП и не будут перекрашиваться. Не полагается им никакое имущество, вместе с ним они берут на себя ответственность за убийства» [15. S. 318].

Между тем вопрос о собственности ПОРП приобретал все большую остроту. К акциям КНП по оккупации зданий партии стали присоединяться другие радикальные организации. Были захвачены помещения в Варшаве, Кракове, Гданьске, Познани, Лодзи и других городах. Для их освобождения приходилось прибегать к помощи сил правопорядка. 19 января 1990 г. Ян Лопушаньский из Христианского национального объединения, заручившись поддержкой более 130 депутатов Сейма, внес законопроект о национализации имущества ПОРП. Эту точку зрения поддержало правое крыло «Солидарности» во главе с Валенсой, который считал, что собственность ПОРП «принадлежит всему обществу».

Однако премьер министр Тадеуш Мазовецкий и министр по связям с партиями и политическими организациями Александр Халль выступили резко против неправового решения вопроса. По их настоянию была сформирована правительственная комиссия, в задачу которой входили инвентаризация имущества ПОРП и связанных с ней организаций и возвращение государству той его части, которая создавалась за счет бюджетных средств. Результатом работы комиссии стала передача значительной части недвижимости ПОРП государству, в том числе здания ЦК партии. Однако остальную часть недвижимой собственности, а в еще большей степени движимое имущество и средства на счетах СДРП удалось сохранить. Окончательно вопрос об имуществе ПОРП удалось закрыть 9 ноября 1990 г., когда был принят закон о национализации ее собственности. Правда, к этому времени, по данным Б. Геремека, на счетах ПОРП из 11,5 млн долл. осталось только 4 тыс. [13. S. 291; 16. S. 144–145].

Такое решение вопроса вызвало крайнее неудовольствие на правом фланге и привело к многочисленным обвинениям в сговоре правительства с бывшими коммунистами. Впоследствии возникла и получила большое распространение, как ее называет известный польский историк А. Дудек, «черная легенда» «круглого стола»: еще весной 1989 г. во время переговоров якобы было заключено тайное соглашение между ПОРП и частью оппозиции, на основе которого коммунисты отдали власть в обмен на гарантии их благополучного существования в новой реальности (включая отказ от преследований и возможность получения контроля над денационализируемой собственностью) [17. S. 95]. Прямых доказательств этогоговора так никогда и не было обнародовано, однако косвенные признаки позволяли думать о том, что бывшие функционеры ПОРП на удивление быстро и хорошо приспособились к условиям трансформации. Как вспоминал Валенса, у него «было ощущение исторической несправедливости. Оказалось, что в тех трудных условиях первых лет свободы меньше

всего пострадали партийные товарищи, которые совсем неплохо устроились в новой — трудной для общества — реальности [...] Они основывали банки, предприятия и не собирались возвращать захваченных денег» [15. S. 323]. Действительно, в конце 1990-х годов 71% крупнейших предпринимателей страны занимали в ПОРП руководящие должности [18. С. 114]. Вопрос о полной и решительной декоммунизации, так и не проведенной правительством Мазовецкого, стал одним из факторов, расколовших лагерь «Солидарности» и до сих пор является источником политических споров. Правые силы во главе с Я. Качиньским считают неустранение бывших коммунистов из общественной и экономической жизни непростительной, просто фатальной ошибкой, благодаря которой возник симбиоз «уклада ПНР с демократией и вольным рынком» [19. S. 23]. Незавершенность слома социалистической системы, с их точки зрения, привела к тому, что ее недостатки пустили корни и в жизнь нового общества, предопределяя многие его беды и пороки.

Уже на основании вопроса о собственности ПОРП можно судить о том, в насколько сложной обстановке социал-демократии предстояло утверждаться на политической сцене. В условиях начала 1990-х годов важнейшим фактором было происхождение партии, поэтому все политические силы разделились на два неравных лагеря, между которыми пролегла пропасть: выходцы из «Солидарности» и наследники коммунистов. Поэтому СДРП оказалась в изоляции. Никакие партии, даже близкие идейно левые из лагеря «Солидарности», не хотели с ней сотрудничать, в адрес ее членов сыпались угрозы и обвинения. Проводилась целенаправленная политика на очищение государственного аппарата и силовых структур от остатков влияния коммунистов. Символическим завершением этого процесса стала замена министров, связанных с ПОРП, на представителей «Солидарности». 6 июля 1990 г. по предложению Мазовецкого Сейм отправил в отставку Ч. Кищака и Ф. Сивицкого, назначив министром обороны вице-адмирала П. Колодзейчика, а министром внутренних дел сенатора К. Козловского [7. S. 78–79]. СДРП пришлось отмываться от обвинений в связях с Москвой. Действительно, в январе 1990 г. власти ПОРП одолжили у СССР 1,2 млн долл. Оппоненты немедленно заявили, что деньги предназначены на создание новой партии. Осенью СДРП большую часть денег вернула, но обвинения в валютных махинациях преследовали ее еще долго, хотя судом никаких нарушений так и не было доказано [10. S. 17].

Непросто протекало и партийное строительство. Из 2 млн членов ПОРП в 1989 г. в новую партию перешли очень немногие. По состоянию на июнь 1990 г. в СДРП насчитывалось всего 36,5 тыс. членов [9. S. 49] (впрочем, по меркам начала 1990-х годов это было немало, большинство других партий о таких цифрах не могли и мечтать). Кадры, правда, остались самые надежные и активные, сознательно связанные с партией и не представлявшие себя вне политики. Их усилиями в короткий срок партийные организации были созданы во всех воеводствах. СДРП быстро превратилась в самую серьезную силу левого фланга. По разным причинам достойная альтернатива ей так и не возникла. Выше уже говорилось о неудачной попытке формирования ПСДС Т. Фишбахом, немногим лучше складывались дела с созданием левой партии, не связанной с ПОРП, а наследующей либо довоенным социалистам, либо левым из «Солидарности». Такие организации появились, но популярности у избирателей не смогли добиться. В целом не слишком успешными оказались усилия группы ортодоксальных коммунистов сформировать партию левее СДРП. В конце марта 1990 г. в Катовицах было провозглашено создание Союза польских коммунистов «Пролетариат», который позиционировал себя

как партия «польского рабочего класса и других людей труда», выступал против «реставрации в Польше капитализма и прихода к власти буржуазии» [20]. Хотя отделения «Пролетариата» вскоре появились в ряде других городов южной Польши, он так и остался маргинальной группировкой, не имеющей серьезного влияния.

Пожалуй, самой важной организационной проблемой для СДРП стало налаживание отношений с депутатской фракцией бывшей ПОРП, которая после роспуска партии находилась в подвешенном состоянии — партии уже не было, а фракция продолжала существовать. Большая часть депутатов воздержалась от вступления в СДРП, поэтому возможности оказания на них влияния, а значит и на участие в законотворческой деятельности, у партии были сильно ограничены. 31 января фракция ПОРП была переименована в Парламентский клуб демократических левых сил, его председателем вновь выбрали М. Ожеховского, но единство клуба сохранялось недолго. 22 марта, депутаты, поддерживавшие Фишбаха и ПСДС, заявили о создании собственной фракции. В нее вошли 37 человек, включая Ожеховского. Чтобы сохранить контроль над оставшейся частью клуба, где преобладали беспартийные, руководство СДРП не стало настаивать на избрании новым председателем человека, представляющего партию, а предложило кандидатуру неявляющегося членом СДРП Владзимежа Цимошевича. Тому было 39 лет, до середины 1980-х годов он участвовал в партийной деятельности, но потом уехал в деревню, где занялся хозяйством, и вернулся в политику только в 1989 г., став депутатом Сейма от ПОРП. Основную задачу Цимошевич видел в сохранении единства парламентской фракции, и ему это удалось сделать. Более того, поскольку в демократических условиях роль фракции несоизмеримо возросла в сравнении с прежними временами, Цимошевич приобрел самостоятельное влияние и смог отражать попытки руководства СДРП установить над депутатами больший контроль. Кроме того, он с недоверием относился к бывшим аппаратчикам, а те отвечали ему взаимностью. На этой почве начался конфликт Цимошевича и Миллера, сыгравший в дальнейшей судьбе партии немаловажную роль [21. С. 65–66].

В том, что СДРП смогла успешно закрепиться на политической сцене, Цимошевичу принадлежит роль, может быть, и не столь важная, как Квасьневскому и Миллеру, но довольно заметная. Именно с ним был связан первый electoralный успех партии. После неудачного выступления на майских 1990 г. выборах в органы местного самоуправления, когда кандидаты СДРП получили лишь 2,7% голосов и 0,6% мандатов [22. С. 31], могло показаться, что от поражений партии уже не оправиться. Однако вскоре она дала понять, что левые силы хоронить преждевременно. В сентябре президент Ярузельский согласился на сокращение срока пребывания в должности, и досрочные президентские выборы были назначены на 25 ноября. Перед СДРП открылась возможность привлечь внимание к себе, популяризировать свои взгляды и своих лидеров.

Выбор кандидатов вызвал в партии споры, причем речь шла не только о персоналиях, но и путях дальнейшего развития организации. Миллер, склонный опираться на партийный аппарат и считавший необходимым закреплять позиции СДРП на левом фланге, настаивал на том, что кандидат должен быть членом партии и тем самым содействовать росту ее влияния. Поэтому он предложил баллотироваться Квасьневскому. Но тот, во-первых, рассудил, что в случае вполне предсказуемого поражения должен будет покинуть пост председателя партии, а во-вторых, посчитал необходимым расширять electoralную базу и выдвинул кандидатуру Цимошевича [21. С. 67–68]. Молодой,

образованный, не связанный с аппаратом ПОРП, получивший известность в качестве руководителя Парламентского клуба демократических левых сил, тот представлялся идеальным кандидатом, способным принести СДРП нужный результат. Квасьневский не просчитался. Цимошевича поддержал ряд общественных организаций левой ориентации и профсоюзов, он уверенно выглядел в ходе кампании и по ее итогам занял четвертое место с 9,21% голосов. Цимошевич уступил только несомненным фаворитам — Л. Валенсе и Т. Мазовецкому, а также неожиданно для всех занявшему второе место популисту С. Тыминьскому. Это была несомненная победа, позволившая СДРП думать о том, что самый трудный период ее становления остался позади и ни о какой маргинализации партии говорить не приходится.

Успех Цимошевича дал основания социал-демократам с оптимизмом готовиться к парламентским выборам, принципиальное решение о досрочном проведении которых было принято осенью 1990 г., но из-за затянувшейся разработки Положения о выборах состоявшихся только в конце октября 1991 г. К началу избирательной кампании СДРП подготовила развернутую социально-экономическую программу под названием «Польша прогресса, права и демократии». Приоритетное внимание социально-экономической проблематике было закономерным. Начавшиеся в январе 1990 г. реформы Л. Бальцеровича, вошедшие в историю под названием «шоковая терапия», привели к резкому падению доходов населения и ухудшению условий жизни. По приведенным в программе СДРП данным, за год национальный доход сократился на 13%, промышленное производство — на 25%, объем жилищного строительства упал до показателей 1950-х годов. В условиях семикратного роста цен реальная зарплата снизилась на 28%, а количество безработных превысило 1,1 млн человек. Партия надеялась привлечь избирателей, разочарованных результатами реформ, требованиями существенной корректировки взятого курса. Социал-демократы высказывались за так называемый третий путь, одинаково отвергая как централизованную экономику командно-административного типа, так и рыночный капитализм в пользу «социально-ориентированной рыночной экономики». СДРП обещала ориентировать социально-экономическую политику на потребности и нужды человека, смягчить тяготы реформ за счет увеличения помощи безработным и пенсионерам, отмены искусственного сдерживания роста заработной платы, введения фиксированных цен на товары для самых бедных слоев населения, проведения реформ в налоговой системе и т.д. [23. S. 20–22].

Если выработка программных требований разногласий не вызвала, то вокруг тактики предстоящей избирательной кампании разгорелись споры, ставшие продолжением дискуссий в ходе президентских выборов. Камнем преткновения стал вопрос о том, стоит ли идти на выборы самостоятельно или же лучше создать коалицию с другими левыми группировками. Ссылаясь на успех Цимошевича, Квасьневский отстаивал второй вариант, тогда как Миллер считал необходимым выступать под собственным флагом, даже если это и даст худший результат. Логика в такой точке зрения была, но логика чисто аппаратная. При заключении соглашения с партнерами им надо было отдать часть мест в партийных списках, а значит — и часть потенциальных депутатских мандатов. Перекроют ли эти потери дополнительно привлеченные голоса — вопрос сомнительный, поэтому лучше получить худший результат, но зато все доставшиеся депутатские места занять своими людьми. Дискуссии длились полгода и в конечном итоге завершились победой линии Квасьневского. 16 июля 1991 г. СДРП, Всепольское объединение профсоюзов, Союз людей труда, Демократический союз женщин, Союз польских коммунистов

«Пролетариат» и еще десяток различных организаций и ассоциаций заключили соглашение о формировании коалиции, которая получила название Союз демократических левых сил (СДЛС) [22. S. 52–53]⁵. Это название прижилось и в конце 1990-х годов дало имя новой партии, созданной на базе СДРП.

Тактические разногласия отражали не только разное видение путей развития партии, но и борьбу за лидерство в ней, которую подпитывало существование двух центров власти: Высшего совета под председательством Квасьневского и Центрального исполнительного комитета под руководством Миллера. Но в отличие от «Солидарности», которую соперничество за власть развалило на несколько группировок, ведущих непримиримую борьбу между собой, СДРП, по наблюдению польского исследователя Л. Скибы, оно сделало только сильнее [21. S. 74–76]. Ни один из политиков не получил такого преимущества над остальными, которое позволило бы ему превратить Союз в «партию одного лидера», что на правом фланге политической сцены стало общим правилом. СДРП смогла укрепить партийные институты, создать внутривнутрипартийный баланс сил и механизмы преодоления персональных трений. Это дало ей немаловажные преимущества в дальнейшей политической борьбе.

Суровая критика реформ Бальцеровича, проводимая под лозунгом «Так дальше быть не может!», поддержка части электората, испытывавшего тоску по старым временам, протесты против очернения социалистического периода и стремления свести счеты с прошлым, наличие солидного бюджета на проведение кампании (одного из наибольших среди всех партий) стали составными частями избирательного успеха. На выборах в Сейм 27 октября 1991 г. СДЛС занял второе место с почти 12% голосов. Это принесло коалиции 60 депутатских мандатов – всего на два меньше, чем у победителя – Демократического союза [10. S. 21; 22. S. 58]. Такой результат не оставлял сомнений в том, что социал-демократы смогли приспособиться к работе в условиях парламентской демократии, они нашли свое место на политической сцене и готовы к продолжению борьбы с оппонентами. В последующие полтора десятилетия левые силы во многом играли определяющую роль в политической жизни Польши, на что после краха в июне 1989 г. вряд ли могли рассчитывать даже самые завзятые оптимисты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Задорожник Э.Г.* Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000.
2. *Лыкошина Л.С.* Александр Квасьневский. Политический портрет. М., 2001.
3. *Лыкошина Л.С.* «Левый выбор» Польши и перспективы социал-демократии. М., 2003.
4. *Михалев О.Ю.* Польский Союз демократических левых сил в начале XXI века // Славяноведение. 2014. № 5.
5. *Савенков Р.В.* Левые партии сегодня. Потенциал оппозиции в современной Польше // Свободная мысль. 2019. № 4.
6. *Мирошников В.В.* Закат польского коммунизма (По поводу XI съезда ПОРП – I конгресса Социал-демократии Польской Республики) // Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989–1990 гг.) / отв. ред. Ю.С. Новопашин. Москва, 1991. Доступно на сайте Института славяноведения РАН (https://inslav.ru/images/stories/pdf/1991_Vostochnaja_Evropa_na_istoricheskom_perelome.pdf) (дата посещения: 5.02.2020).

⁵ Любопытно, что вокруг названия возник жаркий спор между Цимошевичем и Миллером. Первый не хотел, чтобы в названии звучало слово «левые» и предлагал «Союз для людей». Однако Миллеру удалось настоять на своей точке зрения.

7. *Dudek A.* Historia polityczna Polski. 1989–2005. Kraków, 2007.
8. *Siemiątkowski Z.* Geneza Socjaldemokracji Rzeczypospolitej Polskiej // *Myśl socjaldemokratyczna*. 2010. № 1.
9. *Materska-Sosnowska A.* Socjaldemokracja Rzeczypospolitej Polskiej – dostosowanie syndykatu władzy do zasad demokracji parlamentarnej. Warszawa, 2006.
10. *Siekłucki D.* Partie lewicy i centrolewicy w polskim systemie partyjnym. Aktywność SLD, PSL i UP na polskiej scenie politycznej. Kraków, 2006.
11. Programy partii i ugrupowań parlamentarnych. 1989–1991 / zebrała i opracowała I. Słodkowska. Warszawa, 1995. T. I.
12. *Rakowski M.* Dzienniki polityczne. 1987–1990. Warszawa, 2005.
13. *Gędek M.* Przełom: Polska 1976–1991. Lublin, 2002.
14. Partie i koalicje polityczne III Rzeczypospolitej / Pod red. K.A. Paszkiewicz. Wrocław, 2004. III wyd.
15. *Wałęsa L.* Droga do prawdy. Autobiografia. Warszawa, 2008.
16. *Hall A.* Osobista historia III Rzeczypospolitej. Warszawa, 2011.
17. *Dudek A.* Kwadratura «okrągłego stołu» // *Wprost*. 2009. № 6 (8.02).
18. *Волобуев В.В.* Круглый стол 1989 года: ожидания и действительность // *Выбор пути развития: польский и российский исторический опыт конца XX столетия* / Сост., отв. ред. Л.Е. Горизонтов. М., 2016.
19. O dwóch takich... Alfabet braci Kaczyńskich. Rozmawiali M. Karnowski, P. Zaremba. Kraków, 2006.
20. Na lewo od SdRP. Czerwona róża w konturach Polski // *Trybuna*. 1990. 10.03.
21. *Skiba L.* SLD/SdRP w latach 1990–1991 // *Sojusz Lewicy Demokratycznej* / Pod red. M. Mi-galskiego. Toruń, 2011.
22. *Piasecki A.* Wybory w Polsce. 1989–2011. Kraków, 2012.
23. Programy partii i ugrupowań parlamentarnych. 1989–1991 / zebrała i opracowała I. Słodkowska. Warszawa, 1995. T. II.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РЕЧИ УКРАИНЦЕВ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

© 2020 г. Г.П. Пилипенко

Канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

glebpilipenko@mail.ru

В статье впервые рассматриваются дискурсивные практики украинцев, проживающих в Боснии и Герцеговине (в Республике Сербской): метаязыковое комментирование, дублирование, обращение за помощью к собеседникам, переключение кода, цитирование, языковые анекдоты. Рассмотренные практики часто выступают в комбинации друг с другом. В речи украинцев наблюдается взаимодействие родного для них переселенческого говора и окружающего языка южнославянских соседей, что обуславливает уникальность и структуру дискурсивных практик. Материал для анализа был собран в полевых условиях во время экспедиций 2014 и 2016–2018 гг.

The paper discusses for the first time the discursive practices of Ukrainians living in Bosnia and Herzegovina (Republika Srpska): metalinguistic comments, reiteration, seeking help from interlocutors, code switching, quoting, language jokes. The practices under consideration often are implemented in combination with each other. In the speech of Ukrainians there is an interaction between their native dialect and the surrounding language of South Slavic neighbors, which causes the uniqueness and the structure of their discursive practices. The material for the analysis was collected during the field researches in 2014 and in 2016–2018.

Ключевые слова: билингвизм, переключение кодов, метаязыковые комментарии, цитирование, украинский язык, сербский язык, Босния и Герцеговина, нарратив, идентичность.

Keywords: bilingualism, code switching, metalinguistic comments, quoting, Ukrainian language, Serbian language, Bosnia and Herzegovina, narrative, identity.

DOI: 10.31857/S0869544X0009517-1

В Боснии и Герцеговине уже более ста лет проживают украинцы, переселенцы из Галиции. Заселение северной части Боснии колонистами из разных земель австрийской империи начало проводиться после массового исхода мусульманского населения, последовавшего за аннексией этой области Австро-Венгрией в 1878 г. В районы около Баня-Луки, Приедора, Прнявора, Дервенты, Градишки, Биелины прибывают переселенцы славяне (украинцы,

поляки, чехи, словаки) и неславяне (итальянцы, немцы, венгры) (подробнее см., например [1. С. 17–22; 2. С. 90–91; 3]). При этом изначальный многонациональный и многоконфессиональный характер данной территории сохраняется: здесь проживают сербы, хорваты и бошняки (православного, католического и мусульманского вероисповедания соответственно). И хотя на протяжении XX в. этнический состав этих мест постоянно менялся, еще и сегодня в некоторых общинах значителен удельный вес представителей национальных меньшинств. Так, по разным оценкам украинцев насчитывается около 3000¹ и они являются признанным национальным меньшинством. Речь идет в основном о выходцах из Галиции, которых австрийское правительство поощряло переселяться на новые земли. Южные славяне называют их *Galicijani*.

Язык потомков этих переселенцев очень своеобразен: это поднестрировский диалект юго-западной группы наречий украинского языка (по свидетельству Т.Я. Токар среди переселенцев были также носители южноволынского диалекта [4. С. 731]), функционирующий более ста лет в инославянском окружении. В конфессиональном отношении большинство украинцев – греко-католики, есть небольшая группа православных. В результате сложившейся языковой ситуации бытующий в Боснии и Герцеговине украинский говор потомков переселенцев подвергается сильному интерферентному воздействию соседних южнославянских идиомов, что представляет особый интерес для контактной лингвистики и диалектологических исследований. Некоторые аспекты современной языковой и этнокультурной ситуации у украинцев в Боснии были рассмотрены в работах [5–7]. Исследованием языка данной миноритарной группы занимались также Т.Я. Токар, Д. Василювич [8; 9]. Однако контактные особенности в речевой деятельности информантов до сих пор не были рассмотрены. Полевое обследование изучаемой территории началось с 2016 г., с тех пор экспедиции проводились ежегодно (в 2017 и в 2018 г.). Были записаны нарративы от информантов, проживающих в Бая-Луке, Яблане, Прняворе, Трнополе, Хрвачанах, Поточанах, Просьеке, Деветине, Лишне: всего более 50 часов аудио и видеозаписей². В нашем распоряжении имеется также материал экспедиции 2014 г., проводившейся сотрудниками Института балканистики Сербской академии наук и искусств, из Лишни и Прнявора³. Среди записей преобладают беседы с украинцами старшего и среднего поколения, являющимися наиболее компетентными на сегодняшний день носителями украинского языка.

В настоящей статье будут рассмотрены наиболее распространенные дискурсивные практики, зафиксированные в речи информантов. Эти особенности обусловлены сложившейся языковой ситуацией: все украинцы двуязычны – владеют родным украинским говором и литературным сербским/хорватским языком. Кроме того, представители интеллигенции, священники владеют и литературным украинским языком. Зачастую информанты испытывают трудности при выборе языка и в процессе порождения высказываний, когда разговор заходит на определенные темы, не связанные с привычным для собеседников объемом функционирования украинского языка. Многим незнакомы аналогии из украинского литературного языка, поскольку не все имели возможность

¹ Данные с сайта Союза национальных меньшинств Республики Сербской <http://www.snm.rs.ba/208/snm/Ukrajinci/u/Bosni/i/Hercegovini,%2028.%2011.%202016>. (10.07.2019).

² Экспедиции 2016 и 2017 гг. проводились по проекту «Изучение и защита нематериального культурного наследия Республики Сербской» (рук. д-р Е. Пандуревич, университет г. Бая-Лука).

³ За предоставленные материалы автор выражает благодарность д-ру Биляне Сикимич, Институт балканистики Сербской академии наук и искусств, г. Белград.

посещать школы, где этот язык преподавался (еще и сегодня в некоторых школах проводятся занятия для детей (см. [10])). Языку украинцев в Боснии и Герцеговине посвящено не так много исследований, однако контактологической проблематике до сих пор не уделялось должного внимания. По нашему мнению, функционирование украинского языка в этой стране является уникальной ситуацией развития островного восточнославянского идиома в южнославянской среде⁴, а сама община находится в процессе смены языкового кода, особенно представители молодого поколения.

Исследование дискурсивных практик с особым вниманием на метаязыковых комментариях в многоязычных общинах актуализируется в последнее время. Здесь стоит упомянуть работы о сербах в Венгрии [12], сербах в Словении [13], албанцах в Черногории [14], русских в Эстонии [15; 16], русских староверов в Польше [17; 18], немцев в Сибири [19], венгров в Закарпатье [20], венгров в Банате [21] и т. д. Анализируются дискурсивные практики и метаязыковые высказывания и в наших работах на примере общины старообрядцев в Латвии [22; 23], венгров в Воеводине [24], а также в среде славянских мигрантов в странах Южной Америки [25]. На явление метапрагматической осведомленности, что идентично металингвистическому измерению языка, обращает внимание Дж. Фершуерен: «использование языка, как и другие формы социального поведения, интерпретируются актерами-участниками» [26. С. 99]. Он указывает, что металингвистические феномены делятся на эксплицитные и имплицитные [26. С. 90], и говорит об «индикаторах метапрагматической осведомленности» [26. С. 95]. Проблема выбора языка, перехода с одного языка на другой, конкуренция языковых вариантов, обусловленная интерференционными процессами, вербальные и невербальные сигналы, свидетельствующие о затруднении при порождении высказывания (хезитации, оговорки, фальстарты) и/либо сообщающие информацию об идентичности говорящего и всего изучаемого сообщества, — все это находится в центре внимания при анализе устной речи информантов и является проявлением метапрагматической особенности говорящих. По нашим наблюдениям, очень редко можно встретить собеседника, проживающего в многоязычной среде, и в речи которого перечисленные элементы не присутствуют либо присутствуют в незначительном объеме. В применении к монолингвальной ситуации считается, что в обычной коммуникации модусные смыслы не выражаются и их реализация является реакцией на коммуникативное напряжение, в этом случае, например, метаязыковые комментарии могут снять это напряжение [27. С. 65]. Как правило, у украинцев Боснии и Герцеговины ввиду постоянного контакта близкородственных славянских языков наблюдается языковое смешение кодов. Из собранного нами корпуса устных текстов были отобраны наиболее репрезентативные примеры дискурсивных практик, в которых реализуется метапрагматическое сознание говорящих⁵.

1. Отмечается обращение за помощью к исследователю или к другим представителям общины, которые, по мнению говорящего, лучше владеют языком и обладают языковым авторитетом.

⁴ Второй такой случай — функционирование русского говора старообрядцев в болгарских селах Тарарица и Казашко (см., например, [10; 11]).

⁵ Украинские примеры приводятся в фонетической транскрипции, элементы из сербского/хорватского записаны в стандартной орфографии. Если приводится диалог, то указывается принадлежность высказывания.

<p>1.1) D. Onda znaly zbyraty woseny ti p'itry^en'ky šo je, sušyly, to varyly, taku, <i>jag bym to kazaw</i>, te jak to kažuť serby supa, <i>jak s'i u nas kaže tovo?</i></p> <p>O. Juška? Abo zupa.</p> <p>D. Juška! s p'itpen'k'iw, čy ɣry^eby^e (Прнявор)⁶</p>	<p>1.1) Д. И собирали осенью опята, сушили, варили, такой, <i>как бы сказать?</i> как говорят сербы supa (суп), как у нас говорят это слово?</p> <p>О. Суп (juška)? Или суп (zupa).</p> <p>Д. Суп (juška)! Из опят, или грибов.</p>
<p>1.2) Idut ɣolupc'i v'id m'jasa i ryžu, c'i, masn'i, ne p'isn'i, masn'i ɣolupc'i, abo, u-u, rapryku takož, e, m'jaso i ryž zrobyt s'a i to je, taka, e, <i>jak to kaže jelo?</i> (Баня-Лука)</p>	<p>1.2) Идут голубцы из мяса и риса, эти, жирные, не постные, жирные голубцы, или, в, перец также, мясо и рис сделают, и это такое, <i>как говорят jelo</i> (блюдо)?</p>
<p>1.3) I na druɣyj den' takož je služba i ta tretyj den', ale ide na ti- pa-a filijale, <i>jak to kaže?</i> <i>kutri pripadajut do-o toji cerkvy</i> (Лишня).</p>	<p>1.3) И на второй день также служба, и на третий день, но он [священник] едет в filijale (филиалы), <i>как это сказать?</i> <i>которые относятся к этой церкви.</i></p>
<p>1.4) Daš't' rakunočok i se, i se, a z druɣoɣo boku tam krampusa vyžene čy, čy u tyjvo, e, <i>jak kažuť?</i> e, u nas tut kazaly, e, em, <i>prošťir de, pered k'imnatoju</i> (Хрвачани).</p>	<p>1.4) Он даст пакетик, и это, а с другой стороны, там крампуса выгонит или, или у этого, <i>как говорят?</i> у нас тут говорили, э, <i>помещение где, перед комнатой.</i></p>

Во всех приведенных примерах информанты обращаются за помощью при подборе слова к исследователю либо к другим собеседникам, когда интервью проходит с участием многих лиц. Проблемное слово/выражение маркируется чаще всего вопросом: *как это сказать?* Ср. похожую стратегию в других языковых ситуациях: akkor nehezen lehetett megaláltni, megkapni aa. (.) a arogbare hogy mondják (тогда трудно можно было найти, получить, а-а, arogbare⁷ как говорят?) [21. P. 686]; kako kažete s vonatom, kako kažete (как вы говорите s vonatom⁸, как говорите?) [12. P. 188]; Hat mert örökké ez plavno područje | hogy mondjam is? (ну, потому что это всегда plavno područje⁹, как сказать?) [24. C. 250]; Tam nja znali, xto to zaráz, sx... *sxovajut*, to kak skazač', nja znaete, kak *sxovat'*? [18]; SEC. Mmm (.) Le Le droit de (to RES) el dret (э-э-э, le le droi de¹⁰ (к RES) el dret¹¹. RES. The right¹² [28. P. 502]; A: Мы пойдём в этот... в veekeskus¹³ (эст.)? B: В водный центр (подчеркивает интонационно русское наименование). A: Ну / в водный центр¹⁴) [16. C. 101].

В (1.1) информанту приходит на помощь присутствующий в тот момент на записи другой собеседник: он предлагает варианты слов, которые вызвали

⁶Здесь и далее после каждого высказывания приводится место записи. Реакции информантов – в квадратных скобках. В примерах из разделов 1–3 метаязыковые комментарии выделены курсивом, жирным шрифтом обозначены слова, к которым эти комментарии относятся.

⁷Рум. разрешение.

⁸Венг. поезд.

⁹Серб. затопляемая территория.

¹⁰Фр. право.

¹¹Катал. право.

¹²Англ. право.

¹³Эст. водный центр.

¹⁴Здесь говорящий не задает прямой вопрос, но ожидает подсказки со стороны слушающего.

затруднения в процессе построения нарратива. При этом обращает на себя внимание, что сербское слово было использовано первым, информант мог бы продолжить повествование без остановки и подбора украинского аналога (как это и делается в большинстве других случаев). Однако именно данная лексема была воспринята как несвойственная украинскому языку, информант считал необходимым прервать ход рассказа и уделить внимание подбору адекватного слова. Сербское заимствование оказывается, таким образом, маркированным, нежелательным, требующим замены. Информант ощущает его неуместность в украинском высказывании. В (1.2) и (1.3) наблюдается похожая стратегия: в обоих случаях употреблено сербское слово, однако оно ощущается чужеродным и несвойственным, именно его собеседники выделяют для маркирования при помощи вопросов, обращенных к другим лицам, а также при помощи комментариев и объяснения значения. Заметим, что подобные вопросы со стороны информанта могут остаться без ответа, поскольку другим участникам коммуникации может быть также не знаком соответствующий аналог, исследователь же руководствуется правилом не прерывать нарратив¹⁵. В (1.4), так же, как и в (1.3), происходит объяснение проблемной лексемы, однако здесь она остается не названной даже по-сербски (речь идет об украинском слове *cini* (рус. сени)). Комментарий здесь предваряется стандартным в такой ситуации вопросом, маркирующим затруднения в порождении высказывания – *jak to kažu?* Во всех предыдущих случаях слово названо, при этом лишь одно из них имеет общеславянское происхождение (серб. *jelo*), тогда как остальные являются заимствованиями и функционируют также в украинском языке в несколько другой форме (ср. укр. *суп* (диал. *зуна*), *філія*). В двух рассмотренных случаях (1.1) и (1.4) перед сербским словом/толкованием слова употребляется отсылка к его этнической/локальной принадлежности (*to kažu serby, u nas tut kazaly*). Видно, что вопрос может как предшествовать слову, которое вызвало затруднение (1.2), так и следовать уже после него (1.1), (1.3). Подобные фразы подчеркивают лингвистическую идентичность говорящего и всего изучаемого сообщества, для которого будет характерен именно данный набор контактных языков и их взаимодействие. Эти маркеры получают название «маркеры апелляции к слушающему» [27. С. 72–73].

2. Распространенной стратегией двуязычных информантов является констатация того, что они не знают/не могут вспомнить проблемное слово/выражение. При этом слово названо на сербском языке, а украинский аналог информанты не могут вспомнить, вероятно потому, что определенные темы чаще всего обсуждаются именно по-сербски (хотя лексемы из круга бытовых тем также вызывают проблемы). Приведем примеры из интервью, записанных от украинцев Боснии и Герцеговины:

2.1) A ja doky bula molotša, šče-m i, troxa, xm, gluma , glumila , a de, <i>ja ne znaju ukrajins'ky skazaty</i> [смех] ¹⁶ (Прнявор)	2.1) Я пока была моложе, я еще немного gluma (актерская игра), glumila (играла), а я не знаю, как по-украински сказать.
--	---

¹⁵ Однако подобное поведение исследователя не всегда возможно, поскольку информанты ожидают, что именно он придет на помощь и разрешит сложившуюся ситуацию коммуникативной неудачи. Оставить без реакции просьбу собеседников в этом случае будет невозможно по этическим соображениям, иногда вмешательство исследователя необходимо для поддержания интеракции (интервью для информанта – это прежде всего диалог, требующий ответной реакции, а не монолог). Тем не менее в большинстве случаев исследователь должен свести свое участие к минимуму.

¹⁶ В примерах из разделов 2 и 3 метаязыковые комментарии выделены курсивом, жирным шрифтом обозначены слова, к которым эти комментарии относятся.

2.2) A u nas to toj dr'ibnej ser v'it takogo kwasnogo moloka i šo ne l'ajut to sirište , bo <i>ja ne znaju jag by na ukrajinsk'ij skazaty tu, ja ne znaju čy to w ukrajin'i ko-rystujut</i> (Лишня).	2.2) А у нас такой мелкий творог из такого кислого молока, куда не добавляют sirište (закваску), <i>потому что я не знаю, как бы это сказать по-украински, я не знаю, используют ли это на Украине.</i>
---	--

В данном случае метаязыковой комментарий можно считать своеобразным оправданием перед исследователем и перед другими участниками разговора за ограниченную компетенцию в украинском языке. Похожее поведение описывает также А. Вершик на примере русского языка в Эстонии в сфере интернет-коммуникации: «достоверно “**lavastada**”¹⁷ (абсолютно вылетело из головы, как это сказать по-русски) ограбление, кстати, очень и очень сложно)» [15. Р. 13–14]. Информант и здесь мог бы не акцентировать внимание на данных словах (что, впрочем, и происходит в другие моменты интервью с заимствованиями из сербского языка), а продолжить повествование. Тем не менее именно лексемы *gluma, glumila, sirište* выбраны в качестве точки нарратива, в которой информант считает нужным сообщить о затруднении в коммуникации (и вовсе не случайно, поскольку именно они заимствованы из языков южнославянского окружения, а их чужеродный характер отчетливо осознается говорящими). Само объяснение при этом имеет четкую структуру: используется глагол «знать» в отрицательной форме, либо другой глагол со значением «использовать», «употреблять» в отрицательной форме. Упоминается и этническая принадлежность высказывания: *говорят по-украински* (2.1), *используют на Украине* (2.2). В (2.1) также заметно, что констатация незнания может сопровождаться и невербальными знаками: смехом, который, на наш взгляд, в подобной коммуникативной ситуации призван еще больше смягчить отрицательный эффект от прерванного нарратива. В (2.2) констатация незнания происходит дважды, а метаязыковой комментарий собеседника более пространный, чем в (2.1).

3. Очень часто заимствованное слово, которое информант считает нужным прокомментировать, сопровождается указанием на его этническую/локальную принадлежность. Разновидность подобного языкового поведения была представлена в (1.1), где она, однако, является частью обращения за помощью к собеседникам. В этом разделе будет показано, что это вполне самостоятельная стратегия, которая может реализовываться независимо. Приведем примеры:

3.1) A, išly, i, i na, katexys, is te, taj, vjeronauk šo kažut, da, i serby, i katonaj, hrvate (Яблан).	3.1) И ходили на катехизис, по этой, это, vjeronauk (религиозное обучение) <i>как говорят, и сербы и хорваты.</i>
3.2) Ko si po-, poklyčet, i sušidy, znaju tut zvučaj, jak, tu xyľaku jak postavyt, <i>il šu kažut ovi, barjak</i> [смех], tu pustavyt i zastavu, ovaj (Яблан).	3.2) Позовут и соседей, знаю, тут обычай, как эту ветку поставят, <i>или как говорят эти, barjak</i> (знамя) [смех], тут поставят и флаг и, это.
3.3) Ja ne kazala, wže sto soro- sto čotyru roky, <i>to šo vony nazývajúť vašar, to šo my idemo, de je wšoyo, to wže sto čotyru roky, jak, v'idbuvaže s'a u Prn'a-voři</i> (Прнявор).	3.3) Я не говорила, уже сто сорок лет, что, <i>что они называют vašar</i> (яр-марка), то, что мы идем, где есть все, это уже сто сорок лет, как проходит в Прняворе.

¹⁷Эст. инсценировать.

Ощущая несвойственный для украинского языка характер определенной лексемы, собеседники могут ее маркировать при помощи отсылки к языку иноэтничных соседей, в данном случае — отсылка к языку этнического большинства. Следует отметить, что само украинское слово не названо: обозначив неукраинский характер конкретной лексемы, информант как будто снимает с себя ответственность за использованное заимствование и вместе с тем освобождается от поиска украинского аналога. В примере (3.2) собеседник реагирует на собственные затруднения также при помощи смеха, что является довольно распространенной стратегией в подобных случаях. Показательно и то, каким образом в данных метаязыковых комментариях названы представители этнического большинства окружения. В (3.1) указывается этническая принадлежность высказывания через упоминание этнонимов. Информант при этом счел необходимым пояснить, что слово *vjeronauk* используют как сербы (которые составляют большинство в Республике Сербской), так и хорваты. Однако перед тем как упомянуть хорватов, он допускает оговорку: собеседник хотел указать не на этническую принадлежность, а на конфессиональную (католики) (при этом представители мусульманского вероисповедания, бошняки, не упоминаются). Однако в таком виде это бы противоречило равновесию в высказывании: если первым использован этноним, то и вторым тоже должен быть использован этноним. Упоминание хорватов наряду с сербами свидетельствует о смешанном этническом составе обследованной местности северной Боснии. В высказывании (3.2) этническая принадлежность говорящих, на которых ссылается информант не названа, однако понятно, что речь также идет о сербах (хорватах и бошняках). Собеседник в украинском предложении использует дейктическую форму сербского указательного местоимения *ovaj — ovi* (как говорят эти) для обозначения принадлежности высказывания. В (3.3) примере использовано уже личное местоимение третьего лица множественного числа *vonu* (то, что они называют) для этой функции. Сербы (хорваты), эти, они — таким образом информанты маркируют принадлежность проблемных слов в собственном дискурсе и могут четко обозначить неукраинский характер конкретной лексемы. Как и в других случаях, речь идет не только о безэквивалентной лексике, все слова имеют соответствия в украинском языке информантов. Подобные практики характерны и для других языковых ситуаций, в том числе и случаев письменной коммуникации в интернете: ну где уж нам, да и люди мы... как это эстонцы говорят ... *mugavad*¹⁸ [15. P. 13]; *az valamikor állami ünneper volt | szerbül bírom megmondani | dan republike* (когда-то это был государственный праздник, я могу сказать по-сербски, день республики) [24. С. 251]; ... *ja sam juče imao dva ... [pauza] dva, dva, dva študenta iz Maribora, to oni zovu skauti* (у меня вчера было два ... [пауза] два, два, два студента из Марибора, это они (словенцы) называют скауты) [13. S. 146].

4. Наиболее распространенной стратегией является дублирование лексем, что можно назвать также стратегией перевода (ср. [29. S. 169]), поскольку приводимое слово на первом языке дублируется переводом на второй язык. Приведем примеры подобных высказываний:

4.1) Na zelen'i s'v'ata, na duhove, koly s'i, v'jažut, to, uny s'i tudy spaľut, koly xтага, i take (Лишня) ¹⁹ .	4.1) На Троицу, на duhove, связывают, это, их тогда сжигают, когда туча и такое.
---	--

¹⁸ Эст. удобный, подходящий (мн.ч.).

¹⁹ Слова, которые дублируются, выделены жирным шрифтом.

4.2) Prynese sok, prynese tu rakiju, tu yor'iwku , l'itru, prynese kavy, tak može d'it'am cukerky, to, podarunky (Прнявор).	4.2) Принесет сок, принесет эту raki-ju, горилку, литр, принесет кофе, может детям конфеты, это подарки.
4.3) Pryjšla do mene peret praznykom takvo, bo ved'il'i, fs'e, jakyj w nas, i to, toj vašar šo kaže, toj bazar i to ws'o, a my počaly budувaty хату (Прнявор).	4.3) Пришла ко мне перед праздни-ком так, потому что видели, какой нас этот, vašar (ярмарка), как говорят, этот базар, и это все, а мы начали строить дом.

Основное, на что обращает исследователь внимание при анализе подобных элементов нарративов двуязычных собеседников – порядок следования частей высказывания и язык, на котором приводятся слова. Первым может быть использовано украинское слово, а затем следует перевод на сербский язык, как в (4.1). Однако встречаются и случаи, когда часть нарратива на сербском языке предшествует украинскому аналогу, например, в (4.2) и (4.3). Первое использование неукраинского элемента высказывания можно объяснить тем, что информант сначала вспомнил сербское слово, и только затем в целях автокоррекции дает его перевод на украинский. При этом он не прибегает к помощи присутствующих, а сам контролирует порождение высказывания. Употребление сербского слова после украинского можно рассматривать как уточнение для исследователя, для других участников диалога, либо как простое акцентирование внимания на данном слове с помощью стратегии удвоения. При этом само сербское слово может быть дополнительно выделено указанием на то, что именно так говорят в этом регионе представители другого народа (в конкретном случае (4.3) опущено упоминание этнической принадлежности лексемы), следовательно, возможно сочетание нескольких стратегий двуязычного индивида при построении нарратива. Дублирование – очень распространенный способ комментирования/акцентирования в многоязычных ситуациях. Об этом явлении пишет Дж. Гамперц [30. Р. 78]. Встречается оно повсеместно и в других языковых ситуациях, повторяться могут как отдельные лексемы, так и целые предложения: fakt... se zove... ljubomora, envidia! od strane ljudi (факт... называется... зависть, envidia²⁰ со стороны людей) [25. С. 77–78]; Yuu! Mwali nka bangahe (.) Vous étiez combine à peu près (сколько вас примерно?) [28. Р. 13]; Vi zajedno radite? Delate skupaj? (Вы вместе работаете?) [13. С. 147]. Говоря о лексических заимствованиях из сербскохорватского языка, о дублировании среди боснийских украинцев упоминает и Т.Я. Токар [31. С. 145].

5. В нарративах регулярно фиксируется передача слов третьих лиц, не принимающих участие в разговоре, либо собственных слов информанта, сказанных в иной коммуникативной ситуации. Цитирование является неотъемлемой стратегией устной речи, оно может сопровождаться вербальными и невербальными знаками: изменением тембра голоса, интонации (вопросительная, восклицательная), имитацией коммуникативных особенностей цитируемых лиц, жестами, смехом и т.д. В многоязычных сообществах к этим знакам добавляется еще переключение кода – фраза, произнесенная в исходной ситуации на конкретном языке, воспроизводится собеседниками на том же языке. Дальнейшее языковое поведение зависит от данной ситуации, участников разговора, престижа языков: может следовать комментарий и/или перевод на тот язык,

²⁰ Исп. зависть.

на котором велось до этого момента общение (см. также примеры в [22; 32; 33; 13. S. 152–158]). Ниже приведем некоторые ситуации цитирования:

<p>5.1) Ja maw korčmu bly^es'ko, – ajmo! kaže, serby^e, tivo iz L'ešn'i, ti mislimany, wony l'ubl'at to, – ajmo! ajmo, da popijemo! ajde! kaže, reko: – ma ne pijem! – ma kakav si ti majstor kad ne piješ?! kazaly, n'ikoly n'isam, može ras šo p'išow, z nym, tak šo si'w šo vu^epy^ew (Лишняя)²¹.</p>	<p>5.1) У меня был трактир близко, давай! говорит, сербы, эти из Лишни, эти мусульмане, они любят это, давай! давай выпьем! давай! говорит, я сказал: но я не пью! но какой ты мастер, когда не пьёшь?! они сказали, а я никогда не, может один раз пошел с ним, чтобы сесть и выпить.</p>
<p>5.2) Pa my šos' tak m'iš soboju jak ģovogyumo, onda šoby svekruxa ne čula, ne zrozum'ila, a jak skažemo, ona kaže: – šo s(t)e vy- – šta ste vi pričali? – ništa ništa, mi među sobom! neke te stvari, koje nisu potrebne [смех] (Хрвачани).</p>	<p>5.2) А мы так между собой так говорим, тогда, чтобы свекровь не слышала, не поняла, а как мы скажем, она говорит: о чем вы (укр.) о чем вы говорили? ничего, ничего, мы между собой! некоторые вещи, которые неважны (серб.).</p>
<p>5.3) Mi dole, ovdje imali ovdje, i kad je četvrtak pazarni dan, kaže mama: – stavajte d'ity, mazury wže jidut du Grad'išky! a mi spavali [смех], mi Ukrajinci mi smo malo lijeni od Poljaka [смех] (Челиновац).</p>	<p>5.3) Мы ниже, у нас было здесь, и когда по четвергам была ярмарка, говорит мама: вставайте, дети, мазуры уже едут в Градишку! а мы спали, мы украинцы немного ленивее, чем поляки.</p>

В первых двух случаях сербские высказывания включены в нарратив на украинском языке, в последнем примере – сербские высказывания обрамляют цитирование на украинском языке. Наиболее часто встречаются сербские цитаты в речи на украинском языке, поскольку информанты двуязычны и легко переходят с одного языка на другой. С другой стороны, фраза, сказанная изначально по-сербски, как правило, и адресована говорящим на сербском, а вставки на украинском языке в ней меньше всего ожидаются, так как сербы не говорят по-украински (за исключением тех, кто проживает с украинцами по соседству, или случаев смешанных браков, когда один из супругов выучивает, пусть и пассивно, украинский). Такие фразы могут быть произнесены среди самих украинцев, которые в разговоре между собой зачастую используют сербский язык. В таком случае цитации на украинском языке вполне понятны и ожидаемы (что и происходит в (5.3)).

Цитирование чужой/собственной речи обычно сопровождается определенными маркерами – глаголами говорения (ср. [13. S. 158]), употребленными в соответствующем роде и числе, в зависимости от того, кому принадлежит высказывание: ((5.1) *kaže, kazaly, reko* (ja); (5.2) *ona kaže*; (5.3) *kaže mama*. При этом глаголы могут как открывать цитируемый фрагмент, так и следовать после уже произнесенной цитаты (в (5.1) – *ajmo! ajmo, da popijemo! ajde! kaže*). Нередки случаи введения прямой речи и вовсе без маркеров. Принадлежность этих слов может быть передана при помощи личного местоимения либо через название конкретного человека. Кроме того, сами глаголы говорения могут принадлежать как одному языку, так и другому. Однако в близкородственных языках, например таких, как украинский и сербский, определенные формы

²¹ В 5 и 7 разделах прямая речь выделена жирным шрифтом.

этих глаголов могут совпадать, так что становится непонятно, к какому языку они относятся. Например, совпадают второе и третье лицо, ед. ч., первое и второе лицо мн. ч. настоящего времени от глагола серб. *kazati*, и укр. *kazati*, если они употреблены самостоятельно (ср. *kažeš, кажеш, kaže, каже, kažemo, кажемо, kažete, кажете*). В приводимых примерах только один глагол-маркер цитирования *reko* (стяженная форма от *rekaō*) (5.1) безоговорочно можно отнести к заимствованиям из сербского языка. Лицо данного глагола эксплицитно не выражено, как и род, поскольку он употреблен в прошедшем времени, но без вспомогательного глагола *biti*. Таким образом маркируется начало прямой речи самого информанта в цитируемом им диалоге, высказывания же других лиц вводятся при помощи форм *kaže, kazaly*²².

Воспроизводиться может как отдельное независимое высказывание, так и целые диалоги между собеседниками и другими лицами (в том числе между лицами, которые не участвуют в данный момент в интервью). Примеры передачи диалогичной речи можем наблюдать в (5.1), (5.2), а одиночное цитирование представлено в (5.3). В (5.2) и (5.3) цитирование сопровождается смехом, что, на наш взгляд, нельзя отнести только к маркированию передачи чужой/своей речи, говорить здесь нужно скорее об отношении говорящего ко всей воспроизводимой им ситуации. Так, в (5.2) смех следует уже после комментария собеседника, а не сразу после процитированного фрагмента: представляется комичной ситуация использования украинского языка в качестве тайного в присутствии свекрови-сербки, которая им не владеет (*šoby svekruxa ne čula, ne zrozum'ila*). В (5.3) собеседник делает ироничное заключение, что поляки менее ленивы (*mi smo malo lijeni od Poljaka*), чем украинцы, и его реакция также скорее относится к воспроизводимой ситуации, чем маркирует введение цитаты.

Нередко встречаются случаи, когда заметны колебания говорящих при переходе с одного языка на другой в процессе цитирования. В (5.2) отчетливо можно увидеть, как информант начинает высказывание (передаются слова свекрови-сербки) по-украински и при этом начало фразы повторяет строение сербского предложения (*šo s(t)e vu – šta ste vi*): здесь следует отметить использование вспомогательного глагола в перфектной форме²³. Однако на этом украинская фраза обрывается, и информант повторяет ее по-сербски, т.е. на том языке, на котором изначально она и была произнесена, мы видим автокоррекцию. Во второй фразе диалога коррекции уже не наблюдается, она произнесена полностью по-сербски. Более того, далее в комментариях к приведенному диалогу и в продолжении нарратива следует полный переход говорящего на сербский язык, не происходит возврата к украинскому языку, и таким образом нарушается рамочная конструкция высказывания: цитирование конкретного фрагмента приводит к переключению языкового кода. Следовательно, информанты не всегда следят за соотношением языков в своем высказывании: если в начале цитирования в (5.2) все-таки произошла коррекция, то чуть позже само повествование на другом языке не способствовало обратному переходу. И здесь возникает теоретический вопрос, где искать границу этой перемены языков, — в начале цитирования, когда этот переход четко обозначен,

²² Если о принадлежности формы *kaže* можно предполагать как украинское, так и сербское происхождение (о чем было сказано выше), то *kazaly* однозначно является украинской формой.

²³ В говорах юго-западного наречия вспомогательный глагол в формах прошедшего времени используется часто [34. С. 154], встречается он и в говоре украинцев Боснии и Герцеговины наряду с употреблением глаголов и без него. Частое использование таких форм может быть обусловлено поддерживающим влиянием со стороны доминантного сербского языка [7. С. 208].

либо в момент его окончания, когда видимых границ нет, но по смыслу и логике повествования этот переход предполагается? Вероятно, в таких случаях нужно говорить о явных и скрытых (ожидаемых) границах переключения кодов, которые с точки зрения самого говорящего не всегда могут быть очевидны, однако заметны наблюдателям со стороны²⁴.

6. Во время интервью собеседники сами обращают внимание на переключение кода и комментируют данную ситуацию, обозначая таким образом переход и смену языка. Выше были рассмотрены случаи, когда предметом акцентирования внимания собеседника становилось слово или словосочетание. Материал, собранный от украинцев в Боснии, показывает, что металингвистическому осмыслению подвергаются и более пространственные части нарратива при переключении кода. Приведем пример:

<p>6.1) To p'idošva, to prepadala, tomu, e, družbove, to bulo velečne šo si dobio đon od korovajá, da i onda kad se išlo darivati uvijek su djeveruše i još neki pomagačice pjevale, pjesme koje se zvale vyvoda, prvo su išli, <i>ja sam opet prešla na srpski</i>, prvo su išli roditelji, od mladoženje pa onda od mlade (Прнявор)²⁵.</p>	<p>6.1) Эта подошла отходила этому, дружбе, это было почетно, если ты получил подошву от каравая, и тогда, когда шли одаривать, всегда подруги невесты или какие-то девушки, которые помогали, пели песни, которые назывались <i>vyvoda</i>, сначала шли, а я снова перешла на <i>сербский</i>, сначала шли родители молодого, потом родители молодой.</p>
---	--

Нарратив начинается по-украински, рассказ идет о свадебном обряде, о той его части, когда резали каравай и когда одаривали молодых, при этом исполняли особые песни – выводы (подробнее см. [6; 35]). Интерес представляет момент перехода с украинского языка на сербский. Происходит это постепенно: сначала в украинское высказывание вклинивается сербская фраза (*s dobio đon od*²⁶, и только потом, после небольшой паузы, наступает переключение кодов – повествование уже ведется на сербском. Украинская лексема *vyvoda* возникает в сербском высказывании чуть позже в качестве примера названия для песен, исполняющихся во время свадьбы. Продолжая повествование, собеседница вдруг спохватывается и говорит, что снова перешла на сербский язык (*ja sam opet prešla na srpski*) (в других ее нарративах было несколько таких переходов). Интересно, что за констатацией факта переключения кода не следует возврата к украинскому языку, рассказ продолжен по-сербски. Тем не менее переход оказывается маркированным, тогда как сама практика, по нашим наблюдениям, подобного немотивированного перехода с одного языка на другой весьма распространена в речи украинцев Боснии и Герцеговины, особенно если коммуникация происходит только между представителями общины. Момент для подобного метаязыкового комментария выбран информантом уже спустя некоторое время после переключения кода. Вероятно, напоминанием о смене языка послужило использование украинского слова *vyvoda* в ходе повествования, и собеседник посчитал необходимым прокомментировать переход с украинского языка на сербский. На основе анализа записей от украинцев в Боснии

²⁴ О границах подобных переходов в рамках цитирования в ситуации двуязычия см. [33. Р. 236–237].

²⁵ Украинские фразы в данном примере выделены жирным шрифтом, метаязыковой комментарий – курсивом.

²⁶ При этом данную вставку нельзя объяснить только тем, что слово *đon* не является частотным в языке и информант мог его забыть, за несколько секунд до этого информант использует украинский аналог *p'idošva*.

и Герцеговине можно прийти к выводу, что у собеседников комментариев относительно собственных практик переключения кода встречается не так много, в отличие от пояснений к отдельным лексемам и выражениям. По-видимому, и здесь этот комментарий может также относиться и к лексеме *uvvoda*. Отдельные короткие иносистемные элементы могут быть более заметны для двуязычного индивида (особенно если они связаны с ситуацией вспоминания слова/выражения), чем просто переход с одного языка на другой.

7. Последней разновидностью дискурсивных практик, которым следует уделить внимание, является особый жанр металингвистических историй: развернутые нарративы о ситуациях коммуникативных неудач, которые обусловлены близостью контактных языков, и/или недостаточной компетенцией в одном из языков. Как правило, эти истории юмористические. Обычно такие рассказы приводятся информантами как доказательство недостаточного владения одним из языков на определенном жизненном этапе (в случае украинцев Боснии и Герцеговины – речь идет либо о первых переселенцах, либо о детях). В любом случае строятся они вокруг языка, ситуации билингвизма. Возникают они в ходе интервью спонтанно, для каждого из информантов это история либо его личная, либо семейная, передающаяся из поколения в поколение и ставшая уже анекдотом. Ниже приведем пример подобной метаязыковой истории, записанной в селе Лишня около Пнявора:

7.1) A ja u petim razred'i d'istaw pogrešnu vakcinu, i krenuw do školy^e, dy^ety^ena dy^ety^ena! i, to s'i m'i-i, e, zapuxlo, i, ja-a zak'inčyw u bolnici, pšow u bolnicu ležaty, tak same, po-, ne znaw n'i polowy^enu serps'kojo, bo s'i w xat'i woçory^elo ukrajinski, d'ity nab'ikola fs'uda, ukrajin'ski, my^e s'i bavy^ely^e, znači nema kontakta, t'iko jak tamka xtoz' dal'se prejde toto, i, uradno-o vizyta i doxtor mene pytaje-e-e: – **kako je mali? šta je-e, šta tebe boli?** ja kazuw: – **mene**, e! eto, prewođenje, sličnost, e, žyw'it, – **boli me život!** a n'e žyw'it! e! bo ne znaw [смех], e, v'in skazaw: – **o-o! bože moj!** [смех] **kad tebe ovako malog, boli život, šta će bit kad ostariš?** [смех] e! sm'išno al s'i m'i ly^ešelo i v'in to skazaw potomu mama pryšla u posjetu, batky^e jixaly^e u Ban'a luku tudy^e k'in'my^e! na jarmarok, vezly^e, i pryšly do mene u posjetu i doxtor woçory^e mam'i, šo ja skazuw, ale to s'i ly^ešy^elo, eto! to wže p'idys'at rok'iw, v'ittody jak to bulo, tačno p'idys'at rok'iw bo ja, ja, p'idys'at s'im, e, p'idys'at nazat, ne znaw skazaty šo **boli me stomak, nego** [смех] **boli me život!** žyw'it (Лишня).

7.1) А в пятом классе у меня была плохая реакция на вакцину, и я пошел в школу, ребенок есть ребенок! и у меня распухла, я попал в больницу, лежал в больнице, и я не знал и половины сербского, потому что дома говорили по-украински, дети везде вокруг, по-украински, мы играли, значит, нет контакта, только если кто-то дальше поедет, и официальный обход, и доктор меня спрашивает: **как ты, парень? что, что у тебя болит?** Я сказал: **у меня**, вот, вот перевод, как похоже, э, живот: **у меня болит жизнь!** а не живот! потому что я не знал, а он сказал: **о, боже мой!** **когда у тебя, такого маленького, болит жизнь, что будет, когда составишься?** смешно, но это у меня осталось, и это он сказал, потом мама приехала навестить, родители ехали в Баня-Луку туда на лошадях! на ярмарку, везли, и приехали меня навестить, доктор говорит маме, что я сказал, но это осталось, вот! это уже пятьдесят лет, как было, точно пятьдесят лет, потому что я, пятьдесят семь лет, пятьдесят лет назад, я не мог сказать, что **у меня болит живот, а у меня болит жизнь!** живот.

В данном нарративе (7.1) заметно, что сербские вкрапления по ходу повествования никак не комментируются рассказчиком, они остаются без внимания (например *u petim razred'i* (серб. *razred* – класс) *d'istaw pogrešnu* (серб. *pogrešan* – ошибочный, неправильный) *vakcinu, i krenuw* (серб. *krenuti* – пошлуту) *do školy^e*), что демонстрирует необязательность использования рассмотренных выше дискурсивных стратегий. По сути, каждое второе слово в приводимой фразе – сербское, из-за количества лексических заимствований этот тип языка можно было бы назвать гибридным. Кроме того, не только лексические вкрапления не комментируются, не происходит этого и по отношению к случаям переключения кода небольшого формата (например *znači nema kontakta*). Здесь также мы можем наблюдать воспроизведение диалога собеседника с врачом, передан их разговор на сербском языке с необходимыми маркерами принадлежности высказывания и введения его в нарратив (*doxtor mene pytaje-e-e, ja kazuw, v'in skazaw*). Не происходит и смены языка после цитирования фрагментов высказывания на сербском. Цитирование происходит дважды: первый раз в середине рассказа с передачей слов двух участников диалога, и второй раз в конце истории, когда переданы только слова самого информанта (по сути, повторяются слова, сказанные выше). Этот случай рассказан собеседником, чтобы проиллюстрировать его неполную языковую компетенцию в сербском языке, когда он был ребенком (о языковой ситуации в его родном селе сказано дополнительно: в семье все говорили по-украински, а на улице играли только с соседскими украинскими детьми). Когда же он оказался в Бая-Луке, в больнице необходимо было изъясняться по-сербски. Главным моментом рассказа, создающим комический эффект, является несоответствие значения похожих по звучанию, но разных по значению украинского *žyvi't* (живот) (серб. *stomak*) и сербского слова *život* (жизнь) (укр. лит. *жумтя*), из-за чего доктор делает остроумное заключение, которое и вызывает смех. Комический эффект усиливается еще самой ситуацией, которая развивается вокруг больницы и болезни ребенка, дополнительным интенсификатором служит смех информанта и участников интервью. Собеседник отмечает, что эта история осталась и спустя пятьдесят лет в его памяти и как свидетельство о недостаточной языковой компетенции, и как пример того, к чему может привести смешение семантики слов в близкородственных языках. Подобные истории очень ярко характеризуют языковую ситуацию и конкретные затруднения в языковой компетенции, имеют определенный сюжет и практически всегда вызывают смех у слушателей. Однако их очень трудно записать в полевых условиях, информанта следует подводить к таким рассказам наводящими вопросами и, как показывает практика, не все способны обратить внимание на эти случаи. Те же, кто рассказывает метаязыковые анекдоты, отмечают, что они уже стали частью семейных историй и передаются от старшего поколения младшему.

Таким образом, в речевой практике украинцев Боснии и Герцеговины наблюдаются явления, обусловленные распространенным среди них билингвизмом (украинский язык – сербский язык), а у некоторых представителей – и диглоссией (литературный украинский язык – местный украинский диалект), и проявляющиеся наиболее рельефно в ситуации интервью с исследователем. Речь идет о таких случаях, как обращение за помощью в подборе слова/выражения к исследователю/участникам интервью, утверждения, что информант не знает конкретное слово/выражение на Я1, метаязыковой комментарий, содержащий указание на принадлежность «проблемного» слова/выражения, дублирование лексем, цитирование своих/чужих слов на Я1/Я2, развернутые металингвистические истории. В любой двуязычной языковой ситуации билингвы

будут использовать эти дискурсивные практики как отдельно, так и в сочетании друг с другом. Уникальным будет набор контактных языков (и их диалектных разновидностей), структура метаязыковых комментариев, а также их частотность. В настоящей статье впервые рассмотрены дискурсивные практики на материале украинского языка (полевые записи), распространенного в Боснии и Герцеговине. У украинцев Боснии и Герцеговины наблюдается сильное влияние окружающего доминантного языка на всех языковых уровнях, во многих случаях (у среднего и младшего поколения) возникают гибридные лексические и синтаксические образования (ср., например, похожие ситуации у русских в Польше [36]), многие находятся в процессе языковой ассимиляции, поскольку число оставшихся активных говорящих сокращается как в связи с естественной убылью населения, так и в связи с возросшей миграцией за границу (а также из-за последствий военных действий 1990-х годов). В этих условиях информанты не всегда бывают уверены в «чистоте» и «правильности» собственного украинского языка и вынуждены активно использовать разнообразные дискурсивные практики, подчеркивающие их неуверенность и сомнения в выборе адекватного языкового варианта. Ценность приводимых примеров состоит в том, что все они спонтанны и не инициированы со стороны исследователя, а только, возможно, вызваны его присутствием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Прерадовић Љ., Окљич М., Малиновић М., Прерадовић Г.* Вјерски објекти националних мањина у Републици Српској. Бања Лука, 2017.
2. *Дрљача Д.* Колонизација и живот Пољака у Југословенским земљама. Београд, 1985.
3. *Мишлицики Т.* Трнопоље – насеље са украјинским становништвом код Приједора // Демографија. 2008. Књ. V.
4. *Токар Т.Я.* Украјинска мова в Србији, Боснији і Герцеговині, Хорватіји // Украјинска мова. Енциклопедија. Київ, 2004.
5. *Пилипенко Г.П.* Украинский остров в Боснии и Герцеговине: полевое исследование языка и культуры // Лицеум. 2016. Т. XXII № 17.
6. *Пилипенко Г.П.* Свадебные обряды у украинцев Боснии и Герцеговины // Живая старина. 2017. № 4.
7. *Пилипенко Г.П.* Фонетическая характеристика украинского говора Боснии и Герцеговины // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52.
8. *Токар Т.Я.* Украјинські поселення в Югославіји і вивчення їх говірок // Питання украјинської діалектології і міжмовних (міждіалектних) контактів. Дніпропетровськ, 1972.
9. *Vasiljević D.* The current state and prospects of Ukrainian as a heritage language in elementary schools of Republika Srpska // Minority languages in education and language learning: challenges and new perspectives. Belgrade, 2017.
10. *Узенева Е.С.* О фольклорной традиции староверов Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2017.
11. *Седакова И.А.* Русская речь в балканском окружении // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008.
12. *Плић М.* Discourse and Ethnic Identity: The Case of the Serbs from Hungary, Berlin; Munich, 2014.
13. *Petrović T.* Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd, 2009.
14. *Морозова М.С.* Парадокс исследователя на Балканах: переключение кодов у билингвальных информантов при интервьюировании // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Балканские чтения 14. Тезисы и материалы. Москва, 18–20 апреля 2017 года. М., 2017.
15. *Verschik A.* Metalinguistic comments and multilingual awareness: Estonian-Russian language contacts in blogs // Applied Linguistics Review. 2017. December. DOI: 10.1515/applirev-2017-0049.
16. *Костанду Е.И.* Дискурсивные практики русской диаспоры Эстонии: языковые контакты // Слово.ру балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 3. Doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-7
17. *Głuszkowski M.* Uwagi teoretyczne na temat zmiany kodu w monologach starowierców mieszkających w Polsce // Acta Baltico-Slavica. 2015. Vol. 39.

18. *Makartsev M.* Old Believers of Poland: Codeswitching in the scope of conversational repair and the identity of a multilingual group // *Zeitschrift für Slavistik*. 2019 (в печати).
19. *Александров О.А.* Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев // *Вестник науки Сибири. Серия Филология. Педагогика*. 2015. № 15.
20. *Márku A.* Érvényes történetek. Nyelvválasztási és kódváltási kommunikációs stratégiák a kárpátaljai magyar fiatalok körében. Ungvár; Beregszász 2008.
21. *Laihonen P.* Language ideologies in interviews: A conversation analysis approach // *Journal of Sociolinguistics*. 2008. № 12/5.
22. *Пилипенко Г.П.* Метаязыковые высказывания старообрядцев Латгалии // *Славянский альманах*. 2017. № 3–4.
23. *Пилипенко Г.П.* Переключение кода в русском языке старообрядцев Латгалии // *Jezikoslovní zapiski*. 2017. № 1(23).
24. *Пилипенко Г.П.* Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне». М., 2017.
25. *Пилипенко Г.П.* Маркирование интерференционных явлений в славянской речи Южной Америки // *Славяноведение*. 2018. № 3. DOI: 10.7868/S0132136618030068
26. *Фершюерен Дж.* Заметки о метапрагматической осведомленности в использовании языка // *Критик и семиотика*. 2001. № 3/4.
27. *Цесарская А.Е., Шестопалова В.И.* Метапоказатели автокоррекции в разговорной речи // *Вестник Новосибирского Государственного университета. Серия: История, филология*. 2017. Т. 16. № 9. DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-9-65-75
28. *Gafaranga J.* Language alternation and conversational repair in bilingual conversation // *International Journal of Bilingualism*. 2012. Vol. 16. № 4. Doi. 10.1177/1367006911429520
29. *Wasserscheidt Ph.* Bilinguales Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie (Dr. phil.). Berlin, 2015.
30. *Gumperz J.J.* *Discourse Strategies*. Cambridge, 1982.
31. *Токар Т.Я.* До питання розвитку лексики українських острівних говірок Боснії // *Дослідження з української діалектології*. Київ, 1991.
32. *Kolehmainen L., Lantto H.* Basque-Spanish Bilinguals and Reported Speech. Translation and Code-switching in the Basque Context of Language Revitalisation // *Trans-kom*. 2017. № 10(2).
33. *Dorian N.C.* Telling the Monolinguals from the Bilinguals: Unrealistic Code Choices in Direct Quotations within Scottish Gaelic Narratives // *International Journal of Bilingualism*. 1997. № 7.
34. *Горбач О.* Північно-наддністрянська говірка й діалектний словник с. Романів Львівської області // *Відбитка з «Наукових Записок» Українського Технічно- Господарського Інституту в Мюнхені*. Мюнхен, 1965. Т. VIII (X).
35. *Boychuk V.* *Vivady – wedding songs of Ukrainians from Bosnia*. Edmonton, 1997.
36. *Гжибовский С.* Гибридизация русского старообрядческого говора в Польше // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2010. № 35.

«В ДУХЕ ЛОЯЛЬНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ»:
МЕМОРАНДУМ В.Я. СТЕПАНКОВСКОГО

© 2020 г. Д.С. Парфирьев

Аспирант МГУ

parfiryeff@yandex.ru

Публикация включает меморандум украинского политика В.Я. Степанковского русскому посланнику в Берне В.Р. Бахерахту с характеристикой деятельности антироссийской украинской эмиграции на Западе и предложением создать за рубежом пророссийскую украинскую организацию. Меморандум был передан на ознакомление министру иностранных дел С.Д. Сазонову, но остался без ответа.

The publication includes the memorandum of the Ukrainian politician Volodymyr Stepankivs'kyj to the Russian minister in Bern V.R. Bacheracht with the characteristic of the activities of anti-Russian Ukrainian emigration in the West and proposal to create a pro-Russian Ukrainian organization abroad. The memorandum was submitted to the Minister of Foreign Affairs Sergei D. Sazonov, but remained unanswered.

Ключевые слова: Первая мировая война, украинское движение, В.Я. Степанковский.

Keywords: World War One, Ukrainian national movement, Volodymyr Stepankivs'kyj.

DOI: 10.31857/S0869544X0009518-2

Накануне Первой мировой войны одним из самых активных украинских деятелей из числа эмигрантов был Владимир Яковлевич Степанковский (1885–1957). В прошлом член Революционной украинской партии (РУП) и Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП), он в 1907 году покинул Россию и занимался журналистской деятельностью. В годы войны Степанковский параллельно поддерживал связь с дипломатическими представительствами и спецслужбами Германии, Австро-Венгрии, Великобритании и России [1–2].

В преддверии войны Степанковский ориентировался на Австро-Венгрию. В марте 1914 г. он издал в Лондоне памфлет «Российская интрига с целью захвата Галиции», в котором разоблачал намерение России «нанести жестокий удар» по «национальному возрождению» украинцев [3. Р. 1]. С расчетом на последующее сотрудничество, Степанковский представил это сочинение в Форин Оффис, но британские дипломаты не пожелали иметь с ним дело из-за «чрезвычайно острой антироссийской критики» [4. С. 518]. Начало войны застало Степанковского в Вене. Уже в августе 1914 г. он составил записку

с рекомендациями, как должны действовать австро-венгерские власти на Украине. По его мнению, Габсбургам следовало заявить о своем историческом праве на все исторические территории Галицко-Волынского княжества и разоблачить перед населением завоеванных областей «неправомерность тиранского господства Романовых», которые «обосновались там бесправно и путем насилия и обмана» [5. Ф. Р-7050. Оп. 1. Д. 1269. Л. 137–137об.].

В первых числах августа 1914 г. в Австро-Венгрии возник «Союз освобождения Украины» (СОУ) — организация украинских политэмигрантов антиросийской ориентации, финансируемая Центральными державами. В эту организацию Степанковского не приняли по личным мотивам. Осенью 1914 г. он пытался организовать альтернативную СОУ «новую группу» из находившихся в Швейцарии украинцев [6. Арк. 13–14]. Вскоре после этого им заинтересовались влиятельные украинские политики Австро-Венгрии К. Левицкий и Н. Василько, вступившие в конфликт с руководством СОУ. Степанковского и еще некоторых украинских эмигрантов они рассчитывали использовать для оспаривания монополии СОУ на представительство Приднепровской Украины за рубежом. За это Степанковский ежемесячно получал 600 крон [5. Ф. Р-7050. Оп. 1. Д. 1270; Ф. Р-7063. Оп. 1. Д. 30а Л. 17; 8. Л. 3]. Но весной 1915 г. Левицкий и Василько пришли к компромиссу с СОУ и совместно с ним стали работать над созданием новой общеукраинской организации. Степанковский понял, что рискует потерять финансирование, тем более что Василько прямо давал ему понять, что «дальнейшие отправления» будут зависеть «от того, совпадет ли ваша будущая деятельность [...] с моими намерениями или нет» [5. Ф. Р-7050. Оп. 1. Д. 1270. Л. 12].

В конце апреля 1915 г. украинские политики в Австро-Венгрии приняли решение о создании «Всеобщего украинского совета» (ВУС) — «верховного и единственного» представительства всего украинского народа на время войны вплоть до «нормализации ситуации» на украинских землях. Приднепровскую Украину в нем должен был представлять СОУ. Еще не перестав получать средства от Василько, в первых числах мая Степанковский покинул Вену и уехал в нейтральную Швейцарию [7. С. 389]. Сразу же по приезде он передал русскому посланнику в Берне В.Р. Бахерахту меморандум, датированный 7 мая. 10 мая Бахерахт направил документ министру иностранных дел С.Д. Сазонову. «Я, конечно, объявил г-ну Степанковскому, что никаких отношений с ним иметь не могу и лишен возможности обсуждать интересующие его вопросы, — заверял он министра в конфиденциальном послании. — Считаю, однако, долгом представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства эту записку г-на Степанковского, т.к. она содержит ценные данные о развитии с помощью Германского и Австро-Венгерского правительства враждебной нам украинофильской пропаганды» [8. Д. 22. Л. 2–2об.]. Больше Степанковский и Бахерахт не контактировали — во всяком случае, в депеше от 21 июня того же года посланник сообщал Сазонову, что с тех пор «с г. Степанковским никаких сношений не имел» [8. Д. 22. Л. 10–10об.]. С меморандумом глава внешнеполитического ведомства явно ознакомился, но его ответных писем Бахерахту в этой связи пока не обнаружено.

В меморандуме Степанковский кратко характеризовал деятельность украинских эмигрантов из России на Западе. Он отметил, что все зарубежные украинские организации, включая СОУ, во-первых, не пользуются значительным влиянием у соплеменников, а во-вторых, относятся к России строго отрицательно. В противовес им он предложил создать в Швейцарии украинскую

организацию, которая «опиралась бы в своих политических расчетах на Россию» и финансировалась Петроградом. В нее должны были войти несколько «очень влиятельных украинцев из России» во главе с ним самим.

Потерпев неудачу с Петроградом, Степанковский обратил взор в сторону Берлина. В июне 1915 г. он учредил в Лозанне «Украинское пресс-бюро» и франкоязычную газету «L'Ukraine» («Украина»), а также стал издавать информационные бюллетени для прессы. В том же месяце Степанковский предложил свои услуги германскому послу в Берне барону фон Ромбергу, а уже в августе стал германским агентом с ежемесячной субсидией [1. Р. 596]. Впрочем, на этом его попытки заинтересовать власти России не окончились: в 1916 г. Степанковский сблизился с русским агентом в Берне Всеволодом Сватковским. Этот опытный специалист по Австро-Венгрии полностью доверял своему confidentу и комплиментарно отзывался о нем в донесениях в Петроград, заверяя своих руководителей в «явном отсутствии немца на шее Степанковского» [8. Д. 27. Л. 52, 55]. Пока Сватковский пребывал в иллюзиях, многие соплеменники главы «Украинского пресс-бюро» понимали, что Степанковский пытается получить средства сразу от обеих сторон конфликта, и расценивали его как «ловкого политического жулика», который «играет двойную роль, будучи в близких отношениях и с Германией, и с Антантой, обманывая и тех, и других» [9. С. 348].

Текст меморандума Степанковского удалось обнаружить в двух разных архивохранилищах. Черновой рукописный вариант сохранился в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде «Украинского пресс-бюро» в Лозанне (ф. Р-7050). В 1948 г. материалы будущего фонда вместе с библиотекой Н.А. Рубакина поступили из Женевы в Российскую государственную библиотеку им. В.И. Ленина, а в августе 1949 года их передали в Центральный государственный архив Октябрьской революции, нынешний ГА РФ. Примечателен сам факт того, что черновик меморандума сохранился в бумагах Степанковского, и тот не уничтожил свидетельство, которое могло бы скомпрометировать его в глазах единомышленников и спонсоров. Черновой вариант позволяет понять, какие акценты пытался расставить Степанковский, а что решил убрать из окончательного текста меморандума (например, слишком нарочитую критику СОУ). В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в фонде Особого политического отдела (ф. 151), отложилась машинописная версия окончательного варианта. Видимо, при перепечатке в текст вносились некоторые мелкие стилистические изменения (сам Степанковский вряд ли написал бы вместо «Украина» «Украйна», как делали многие в России).

Текст меморандума печатается по окончательной версии и в соответствии с правилами современной орфографии. Сохранены некоторые авторские слова («оторвание») и правописание. В комментариях к тексту приведены некоторые отрывки из чернового варианта, вырезанные или замененные в итоговой версии. В комментарии не включены расхождения между черновым и окончательным вариантами текста, не меняющие смысла текста (например, «неспособно» вместо «не в состоянии» или «воюющих» вместо «вовлеченных в войну»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Hoffmann J.H.V.* Stepankovsky, Ukrainian Nationalist and German Agent // *The Slavonic and East European Review*, Vol. 50, No. 121 (Oct., 1972), p. 594–602.

2. *Симоненко Р.Г.* Про авантюристичну діяльність українського буржуазного націоналізму на міжнародній арені в 1917–1918 рр. // *Історія та історіографія України. Збірник наукових праць.* Київ, 1985; *Греков Б.И.* Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // *Первая мировая война. Пролог XX века.* М., 1998.
3. *Sierankowsky V.* The Russian Plot to Seize Galicia (Austrian Ruthenia). London, 1914.
4. *Сирота Р.* Роберт Вільям Сітон-Вотсон і зародження українофільського руху у Великобританії на початку ХХ століття // *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність.* Львів, 2001. Вип. 9.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
6. Центральний державний історичний архів України, м. Львів. Ф. 387. Оп. 1. Спр. 12а.
7. Протокол допроса журналиста В.Я. Степанковского. 29 сентября 1917 г. // *Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г.* М., 2012. Кн. 2. Ч. 1.
8. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Оп. 474.
9. *Чикаленко С.* Щоденник (1907–1917). Київ, 2011.

Меморандум В. Степанковского российскому посланнику в Берне В. Бахерахту. 7 мая 1915 г.

Записка.

В течение последних нескольких лет стремление Украинского народа¹ добиться себе национального признания приобрело широкую интернациональную известность, причем широкие круги интеллигентного общества за границей, равно как и Правительства различных стран начали проявлять с каждым днем все больший и больший интерес к тому, что стало всеобщее называться Украинским вопросом. Статьи, посвященные украинским национальным стремлениям, появились во всех больших европейских газетах. Некоторые из меньших газет (н[а]пр[имер] Англ[ийская] «New Age») ведут планомерную кампанию в защиту украинских интересов. Чуть ли не в каждой из европейских столиц имели место рефераты и дискуссии пред аудиториями, состоявшими из избранных лиц, играющих видную роль в политике, в каковых рефератах излагались украинцами, живущими за границей или сочувствующими им иностранцами, главные постулаты украинских патриотов. Необходимо отметить, что почти без исключения везде украинская пропаганда пользовалась большим успехом и успела приобрести для себя влиятельных и видных сторонников.

Со времени начала настоящей войны заграничная деятельность Украинцев усилилась по крайней мере в десять раз по сравнению с тем, что делалось в этом направлении перед войной. Специальные эмиссары украинских организаций находятся в каждом из европейских центров (и в Америке), ведя везде направляемую из украинского центра работу.

Какой же характер носила и носит эта работа в смысле отношения к Российскому Государству?

На этот вопрос можно ответить одним словом, а именно, что характер ее был и есть в этом отношении чисто отрицательный.

Украинские организации, направлявшие деятельность своих эмиссаров стояли и до сих пор стоят на точке зрения, что Россия является непримиримым врагом наизыбличайших культурных потребностей украинской нации, Государством, которое неспособно искренно пойти навстречу вековым

¹ В черновике – «Украинской нации».

стремлениям украинцев к автономной национальной жизни – Государством, одним словом, которое должно быть ослаблено и, наконец, разбито для блага не одних Украинцев и всех живущих в его границах народов, но и для блага всей Европы, для которой дальнейший рост России являлся бы страшной угрозой уже в течение ближайших лет.

Едва ли нужно пояснять, что подобная постановка вопроса находит для себя отклик и симпатию не только в государствах, воюющих с Россией, но также и среди нейтральных, а равно и в государствах, связанных в настоящую минуту с Россией узами временного союза. В доказательство позволю себе привести один лишь пример, ставший известным путем печати: болгарский Президент Министров, Радославов[,] ² высказался открыто пред украинской делегацией, состоявшей из австрийского парламентарного посла Л. Цегельского ³ и Секретаря Национальной Рады ⁴ Д-ра Барана ⁵, в духе симпатии к созданию самостоятельного Украинского Государства, которое освободило бы Черное Море от влияния России, а болгарский Митрополит благословил ту же делегацию на борьбу за восстановление Государства Св. Владимира, Великого Князя Киевского. (Делегация была в Софии, если не ошибаюсь, в Декабре 1914 года. См. отчет о ней в Венской прессе.)

Среди организаций, направляющих теперешнюю заграничную деятельность Украинцев, заслуживает особенного внимания т[ак] наз[ываемая] «Украинска Национална Рада», основанная в Августе 1914 г. во Львове, а по эвакуации Львова австрийской армией, перенесенная в Вену. Эта организация состоит из уполномоченных представителей всех партий восточной (украинской) Галиции и Буковины. Председателем ее является Д-р Константин Левицкий ⁶ – глава парламентарного клуба галицийских послов, Вице-Председателем – Николай Василько ⁷, глава Буковинского парламентарного клуба, а Секретарем – Д-р Степан Баран.

Одновременно существуют Главные Управления отдельных украинских партий Галиции и Буковины и, наконец, две группки ⁸, слагающиеся из политических эмигрантов украинской национальности из России. Последние две группы, т[ак] наз[ываемый] «Союз визволеня Украйни» (Союз освобождения Украйны) и «Партия украинских социалистов-революционеро́в», пользуются,

² Радославов Васил (1854–1929) – премьер-министр Болгарии в 1913–1918 гг., сторонник сближения с Центральными державами.

³ Цегельский Лонгин (1875–1950) – галицийско-украинский политик и журналист, деятель Украинской национально-демократической партии (УНДП), депутат рейхсрата (1911–1918), член Главного украинского совета (ГУС) (с мая 1915 года – Всеобщего украинского совета (ВУС)).

⁴ Имеется в виду ГУС – политическое представительство галицийских украинцев на время войны, созданное в августе 1914 г. во Львове.

⁵ Степан Баран (1879–1953) – секретарь Народного комитета УНДП и ГУС.

⁶ Константин (Кость) Левицкий (1859–1941) – самый влиятельный галицийско-украинский политик в годы Первой мировой войны. Глава УНДП, председатель ГУС и затем ВУС, до конца 1916 г. – лидер украинского парламентского клуба в Рейхсрате.

⁷ Николай Василько (1868–1924) – самый влиятельный украинский политик Буковины в годы Первой мировой войны. Глава парламентского клуба украинцев Буковины в рейхсрате, заместитель председателя ВУС. Имел обширные знакомства в венских правительственных кругах, был близок к министру-президенту Цислейтании К. фон Штюркку и министру иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернину.

⁸ В черновике зачеркнуто: «(пользующиеся впрочем малым влиянием)».

впрочем, небольшим влиянием — главным образом ввиду малокачественности их личного состава⁹.

И Австро-Венгрия, и Германия относятся с большой симпатией к деятельности упомянутых украинских организаций, считая возможным оторwanie всей, или части Украины от России. Оба Государства поддерживают их всеми находящимися в их распоряжении средствами, в том числе деньгами¹⁰. До сих пор с начала войны украинские организации в Вене получили около пяти миллионов крон субсидии на свою деятельность.

Украина является краем, который в 1654 году добровольно соединился с Великой Россией, учинившись в подданстве Царей Российских, и принесла Им присягу на верность. До сих пор ядро украинского народа рассматривает этот акт обязывающим для себя в такой же степени, в какой он был обязывающим для их предков¹¹.

Политика последних лет, клонившаяся к запрещению всех наиболее невинных проявлений украинской народной¹² жизни, вызвала брожение недовольства среди русских подданных украинской национальности, которые одновременно были свидетелями признания всех прав национального¹³ развития их соотечественников в соседней Австрии¹⁴.

На этой почве создалась и выросла та деятельность, о которой я говорил выше и которая, пользуясь тайными симпатиями многих украинцев в России, уже создала и создаст еще в будущем много препятствий российской политике, как до окончания этой войны, так и по ее окончании, на Конгрессе мира и после него.

Ввиду этого я беру на себя смелость выразить желательность наискорейшей отмены тех чисто технических ограничений, которые ниспали на украинцев в России с началом войны. Такая отмена вызвала бы наиживейший отклик в украинском сознании и вырвала бы один из сильных аргументов из рук антироссийской пропаганды. Упоминание об украинцах наряду с другими нациями России в одном из Высочайших волеизъявлений¹⁵ произвело бы активное руссофильское¹⁶ брожение среди наиболее передовых людей нации.

⁹ В черновике зачеркнуто: «Как явствует из прокламаций этих группок, в них входят Гг. не окончивший курса агроном Марьян Меленевский, крестьянин-самоучка Андрей Жук, мюнхенский художник и бывший ученик винницкого реального училища А. Скоропись-Иолтуховский, чиновник при венской полиции Н. Троцкий, студ. Моск. Ун-та Вл. Дорошенко, и харьковский житель Любарский-Письменной. А в Партию Соц.-рев.— бывший Киевский студент Ник. Железняк и другие».

¹⁰ В черновике: «И Австро-Венгрия, и Германия относятся с такой симпатией к украинской деятельности, которая ведется в дружественном для них духе и на театре войны, и за границей, что оба государства поддерживают ее всеми средствами, находящимися в распоряжении правительства, — в том числе деньгами».

¹¹ В черновике этому абзацу предшествует абзац: «Ввиду вышеизложенного имею честь предложить вниманию Вашего Превосходительства следующее:».

¹² В черновике — «национальной».

¹³ В черновике — «культурного».

¹⁴ В черновике далее следуют слова: «Со времени начала войны все даже наиболее лояльные органы украинской прессы в России были закрыты, и восстановлено было показавшееся многим мелочным запрещение употребления украинской орфографии. Наконец в различных Высочайших и правительственных энунциациях, обещающих толеранцию даже Полякам и даже Евреям, ни разу ни слова не было упомянуто об Украинцах, которые в этом склонны были усматривать неуклонно враждебное отношение к себе своего законного правительства».

¹⁵ В черновике — «в одной из Высочайших энунциаций».

¹⁶ В черновике — «про-Российское».

Одновременно с этим я считаю необходимым организацию работы за границей по образцу той, которая ведется из Вены и Берлина, но такой, которая опиралась бы в своих политических расчетах на Россию. Для этого, во-первых, мне представляется необходимым создание информационного центра за границей из людей влиятельных как по своему положению в украинском обществе, так и по своим заграничным связям. Такой центр должен был бы иметь свою резиденцию в Швейцарии, как наиболее нейтральной и наиболее центральной из европейских стран. Информационный центр должен был бы развить широкую издательскую деятельность на иностранных языках в виде газеты и непериодических изданий (брошюр и т.п.), работая в духе лояльности по отношению к России¹⁷. Не исключена надобность посылки эмиссаров, как это делается венскими и берлинскими организациями.

Настоящий момент представляется мне особенно благоприятным для начала такой деятельности, ибо, хотя много времени уже утеряно, присутствие в Швейцарии нескольких очень влиятельных украинцев из России позволяет надеяться на возможность скорой организации работы по вышеизложенному плану¹⁸.

Берн, 7-го Мая 1915 г.

*АВПРИ. Ф. 151. Оп. 474. Д. 22. Л. 3–5.
ГА РФ. Ф. Р-7050. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–4об.*

¹⁷ В черновике далее зачеркнуто: «и таким образом парализуя противоположное течение».

¹⁸ В черновике далее следует еще один абзац: «В заключение скажу, что я, твердо стоя на точке зрения, которая могла быть ясна из предл[ожения], намерен сам приступить к организации работы в соответственном духе, надеясь на сочувствие Вашего Превосходительства».

«МЕНЯ ОЧЕНЬ ТЯНЕТ В РОССИЮ...»: «РУССКИЙ СЮЖЕТ» В ПИСЬМАХ ЮЛИУСА ЗЕЙЕРА К АЛОИЗУ КАШПАРУ

© 2019 г. А.В. Грасько

Магистрант кафедры славянской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова

anna-grasko@yandex.ru

В статье вводятся в научный оборот письма чешского писателя конца XIX в. Ю. Зейера А. Кашпару, в которых проявляется рефлексия писателя по поводу русского быта, политики, отношений с русскими людьми. При этом корпус писем Зейера Кашпару рассматривается в качестве семиотически целостного текста, в котором отчетливо выделяется система повторяющихся мотивов (мотивы мечтаний о России; «крымский»; устойчивого интереса к русской литературе; судьбы семейства Поповых; вещей; рассуждений о ментальных качествах русского характера).

The publication introduces the letters of the nineteenth-century Czech writer Yulius Zeyer to Alois Kashpar. The main theme of the letters is Russia, emerging in the form of the writer's constant reflection on Russian life, politics, relations with Russian people. At the same time, the corpus of letters by Zeyer to Kashpar is considered as a semiotically integral text with a clear system of repeating motifs, such as dreams about Russia; the «Crimean» motif; the motif of a steady interest in Russian literature, the fate of the Popov family, or reasonings about mental qualities of the Russian character

Ключевые слова: чешская литература, Юлиус Зейер, эпистолярное наследие, образ России.

Keywords: Czech literature, Julius Zeyer, epistolary heritage, image of Russia.

DOI: 10.31857/S0869544X0009519–3

Многие чешские писатели последней трети XIX столетия бывали в России, однако для большинства из них эти путешествия стали лишь только «экзотическим» эпизодом их жизни. Чтобы зафиксировать его, чешские литераторы использовали чаще всего жанры эссе и путевых заметок, причем более всего заботились не об их художественной ценности, но о чисто бытописательской убедительности¹.

Совсем по-другому складывались отношения с Россией у писателя-неоромантика Юлиуса Зейера (1841–1901). Единственный биограф Зейера Ян Воборник так пишет об этом: «Зейер любил Русь особенной любовью. Если любовь к Франции может объяснить его кровь, любовь к Италии — художественная традиция, то

¹ В качестве примера можно привести очерк Йозефа Голечека «Zájezd na Rus» («Поездка в Россию») и заметки Вилема Мршттика «Cesta do Ruska (Listy z Nižního Novgorodu 1896)» («Путешествие в Россию (Письма из Нижнего Новгорода 1896)»).

любовь к Руси имела более сложную природу» [1. С. 49] (здесь и далее все цитаты из чешских биографических и литературоведческих источников приводятся в моем переводе. — А.Г.).

Для Юлиуса Зейера Россия стала точкой постоянного притяжения — как творческого, так и личностного. Чешский писатель побывал в России четыре раза: первый раз он прожил в ней с марта по октябрь 1873 г. и был учителем латыни и английского языка сына графа П.А. Валуева, русского министра внутренних дел. Второй раз Зейер приехал в Россию в октябре 1880 г. и прожил до июля 1882 г. в семье крымского помещика, генерала Попова, в качестве воспитателя двух его сыновей. Третий раз писатель побывал в России в 1893 г.: путешествовал с Алоизом Кашпаром по Крыму, Кавказу, Армении. Четвертый и последний раз Зейер приезжал в Россию в 1899 г. со своим чешским знакомым паном Червеным, посетил Москву, путешествовал по Волге, еще раз побывал в Крыму². Каждое путешествие открывало Зейеру и новую часть России в чисто географическом смысле, и новую сторону русской жизни, и, что характерно, новые грани собственной души. В отличие от большинства своих современников и соотечественников на Россию Зейер смотрел глазами художника и философа, и «русская тема» для него стала важной, неотъемлемой частью творчества³. Об этом свидетельствует целый ряд произведений писателя, созданных на русском материале, к которому Зейер обращался на протяжении всей жизни⁴.

Реальные русские впечатления Зейера (рефлексия по поводу русского быта, политики, отношений с русскими людьми) отобразились в его письмах многочисленным корреспондентам. Однако в переписке Зейера с родственниками и литературными знакомыми упоминания о России являются лишь небольшими вкраплениями в общий текст письма. Все эти корреспонденты не имели к России непосредственного отношения, никогда в ней не жили, ею не интересовались, поэтому и Зейер с ними на русские темы подробно не говорит⁵.

Иной характер имеет переписка Зейера с его другом, философом и преподавателем древних языков Алоизом Кашпаром, который большую часть своей жизни провел в России. Знакомство Зейера и Кашпара завязалось еще в Праге. Кашпар некоторое время жил в семье Яна Зейера — брата писателя. Именно тогда он познакомился с Юлиусом Зейером. Они вместе посещали лекции по философии и санскриту, вечерами читали латинских авторов и учили испанский язык⁶. В 1872 г. Кашпар уехал в Россию и поселился в Петербурге в качестве гимназического учителя древних языков. Через несколько лет он переехал в Крым, где провел более десяти лет. Именно Кашпар и стал главным наставником Зейера, его проводником в русскую жизнь.

Русская тема стала главным сюжетом в переписке этих двух людей. По-видимому, Кашпар прекрасно осознавал ценность их с Зейером переписки и опубликовал

² Биографические сведения взяты из комментария А. Кашпара к письмам Ю. Зейера (см. [2: 3]).

³ В этом смысле Зейера можно сравнить только с С.В. Геллером, который написал около 10 книг с русской тематикой в основе.

⁴ Русская тема и русский материал воплотились, в частности, в следующих произведениях Зейера: исторический роман «Ondřej Černyšev» («Андрей Чернышев», 1876), новелла «Darja» («Дарья», 1879), песнь «Zpěv o pomstě za Igora» («Песнь о мести за Игоря» 1881), повесть «Alexej, člověk boží» («Алексей, человек Божий», 1899), «Píseň o hoří dobrého juna Romana Vasiliče» («Песнь о горе доброго молодца Романа Васильевича», 1899), «Pohádka o dobrém careviči Eustafovi» («Сказка о добром царевиче Ефстафе», 1900).

⁵ Так, например, совсем мало упоминаний о России содержит письма Зейера к его родственнице К. Гейндриховой [1]; редактору журнала «Люмир» В. Сладеку [4].

⁶ Сведения о взаимоотношениях Зейера и Кашпара можно почерпнуть из комментария А. Кашпара к письмам Ю. Зейера (см. [2: 3]).

письма своего корреспондента и друга после его смерти в двух номерах журнала «Časopis Musea kral. Českého» за 1902 и 1904 г. под названием «Из корреспонденции Юлиуса Зейера» [2; 3]. О ценности этих материалов говорит и комментарий издателя ко второй части публикации: «В 1902 г. вышла в журнале “Музей королевства Чешского” первая часть писем Юлиуса Зейера, посланных при различных обстоятельствах его другу профессору Кашпару, жившему тогда на Руси — корреспонденция эта по праву вызвала немалый интерес, ведь в ней не только содержалось множество до сих пор неизвестных дат из жизни поэта, она представила целый период его жизненного пути в новом, очень интересном освещении» [3. S. 115].

Письма Зейера Кашпар разделил на части в соответствии с разными периодами жизни писателя, а именно — в соответствии с теми местами, в которых Зейер бывал и жил и откуда он писал своему корреспонденту⁷. Все эти части Кашпар связывает своим комментарием, который, в свою очередь, выстраивается в своеобразный мемуар. Самые большие периоды комментария касаются общих русских впечатлений Кашпара и Зейера. Так, например, перед частью «Зейер в семье генерала Попова» Кашпар подробно описывает русского помещика — генерала Попова, которого хорошо знал и у которого какое-то время служил. Другой развернутый комментарий касается совместного путешествия Зейера и Кашпара по Крыму, Кавказу, Армении во время третьей поездки Зейера в Россию.

Однако нам представляется более плодотворным рассматривать письма Зейера к Кашпару как некое единство, не придерживаясь хронологической последовательности событий жизни писателя. В этом случае их можно «читать» как семиотически целостный текст, в котором просматривается ряд повторяющихся мотивов: мотив стремления в Россию, мечтаний о ней; «крымский» мотив; мотив русской литературы; мотив судьбы семейства Поповых; мотив вещей; мотив рассуждений о русских и ментальных качествах русского характера. Остановимся более подробно на каждом из них.

Мотив мечтаний о России, стремления в Россию. Именно через письма Кашпара, переехавшего в 170-е годы из Праги в Петербург, Россия впервые стала проникать в мысли Зейера. Пример Кашпара вдохновил Зейера и возбудил в нем интерес к России, которая поначалу привлекала его как неведомая земля, сулившая открытия и приключения. Будучи романтиком по своей натуре, Зейер захотел сам увидеть русскую землю. Так, Кашпару он пишет: «Для меня речь идет о том, чтобы посмотреть Россию, а когда я вдоволь там поживу, узнаю ее жизнь изнутри, вернусь обратно в “Европу”. Едут ведь каждый год столькие искатели приключений из Германии в Россию и находят там наживу, почему бы и мне хотя бы на время не улыбнулась удача? По крайней мере, я узнаю немножко мир, который, мне кажется, выглядит по-другому, чем мне представляется из окна моего кабинета» (10 января 1873 г.) [2. S. 242]. Воображение Зейера рисует ему Петербург в романтических тонах: «Я слышал, что летние ночи в Петербурге бывают восхитительны, и я заранее завидую Вам, что Вы сможете гулять по морскому берегу» (26 марта 1872) [2. S. 234].

⁷ Назовем эти части: «Před první cestou Zeyerovou na Rus» («Перед первым путешествием Зейера в Россию»), «Listy z Tegernsee» («Письма с Тегеранского озера»), «Po návratě Zeyerově do Čech» («По возвращении Зейера из Чехии»), «Po válce rusko-turecké» («После русско-турецкой войны»), «Zeyer v rodině generála Popova» («Зейер в семье генерала Попова»), «Zeyer opět v Čechách. Cesta do Němce a návrat z ní» («Зейер снова в Чехии. Поездка в Германию и возвращение из нее»), «Zeyer ve Vodňanech» («Зейер в Воднянах»), «Zeyerovy listy z Paříže» («Письма Зейера из Парижа»), «Zeyer opět ve Vodňanech» (Зейер опять в Воднянах), «Třetí cesta Zeyerova na Rus» (Третья поездка Зейера в Россию), «Zeyer v Simferopoli, jeho cesty po Krymu i Kavkazu» («Зейер в Симферополе, его путешествия по Крыму и Кавказу»), «Návrat do Čech. Výlet do Štýrska a další Zeyerův pobyt ve Vodňanech» («Возвращение в Чехию. Поездка в Штирию и дальнейшее пребывание Зейера в Воднянах»), «Z posledních let života Zeyerova» («Из последних лет жизни Зейера»).

О своем желании попасть в Россию Зейер постоянно пишет своему другу, просит найти ему работу в Петербурге, спрашивает, какой суммы ему хватило бы на два месяца жизни в российской столице. 26 марта 1872 г. Зейер пишет: «Если бы я только достиг своей цели! Жду, жду и все напрасно. Я бы хотел приехать в Россию, но злая судьба все время преграждает мне путь, вы же знаете сами, как я был близок к цели, как был разочарован. Вы, наверное, помните, что я размещал объявление в “Московских ведомостях”, но из редакции мне пришел ответ, что никто не отозвался на мое предложение. Не знаю, что предпринять, меня очень тянет в Россию, сижу, как говорится, на пороге, жду, пока мне откроются врата славянской Мекки» [2. S. 234].

Потом, уже через несколько лет после своей первой поездки (1873 г.) Зейер пишет Кашпару, который оказывается на тот момент в Крыму учителем в доме генерала Попова, что Россия снова тянет его к себе. Мотив мечтаний о России вообще никогда не уходит из писем Зейера: он возобновляется всякий раз, как только Зейер оказывается в Европе. Так, например, в 1877 г., спустя четыре года после своего первого русского путешествия, Зейер пишет Кашпару, что с радостью принял бы его приглашение приехать в Крым, мечтает о том, как бы они вместе могли странствовать по Кавказу и Армении.

В 1888 г. Зейер отвечает на приглашение Кашпара: «Летом в Крым! О, сказать легко, но не так легко осуществить. Прежде всего, нет денег, а во-вторых я хочу закончить кое-какие произведения, которые пока даже не начинал. Однако я совсем не отказываюсь от планов приехать к тебе. Я бы оставил здесь жилье и переехал бы в Крым. Снял бы квартиру, если будет, в твоём доме, если нет — где-нибудь еще. Я бы основательно взялся учить русский язык, а если будет можно, и новогреческий, который я уже два раза начинал. Скажи, сколько денег мне бы потребовалось в месяц? Лучше посчитай с избытком, чтобы я знал, смогу ли осуществить этот план» [3. S. 118].

И даже совершив в 1893 г. большую поездку с Кашпаром по Крыму, Кавказу и Закавказью, уже менее чем через год, в 1894 г., Зейер пишет, что снова хотел бы приехать в Россию, хотел бы побывать в Москве, в Нижнем Новгороде, на Волге, на Кавказе, в Крыму, в Туркестане.

В 1898 г. Зейер рассказывает Кашпару о том, что директор киевской гимназии приглашает его в путешествие в Самарканд, Мерв, Ташкент. Только денежные затруднения остановили его принять это приглашение.

В 1897 г. тот же директор гимназии приглашает Зейера в путешествие на Урал через Киев, Воронеж, Тамбов, Пензу, Самару, Уфу, Златоуст, Екатеринбург, Пермь, а обратно — через Нижний Новгород, Москву и Смоленск. И все это должно было обойтись, по словам директора, только в 100 рублей. Естественно, такая поездка весьма привлекает Зейера, но какие-то обстоятельства не позволяют ему ее осуществить, и он с горечью восклицает: «А nemohu!» («И не могу!»).

Стоит отметить, что в письмах Зейер мечтал не только о своих собственных путешествиях в Россию, но и проецировал свои мечты на жизнь Кашпара. Так, в 1896 г. он советует Кашпару съездить на выставку в Новгород (ту самую, которую описал потом В. Мрштик⁸). Зейер призывает Кашпара вообще как можно больше посмотреть в России, так как, по его мнению, в Чехии его друга не ожидает ничего интересного, кроме приятного чувства, что он дома. Среди писем, адресованных

⁸ В своих публицистических записках, опубликованных в 1992 г. под заголовком «Cesta do Ruska (Listy z Nižního Novgorodu 1896) (Путешествие в Россию (Письма из Нижнего Новгорода 1896))», Мрштик подробно описывает свое путешествие на выставку, характер выставки, ее атмосферу [5].

Кашпару, таких — с советами что-то посетить и предостережениями не увидеть каких-то интересных мест немало. Видно, что корреспонденту и другу Зейер словно доверяет быть своим представителем в России — своими ушами, своими глазами.

Другой постоянный мотив, проходящий через всю переписку Зейера и Кашпара — это *мотив, который условно можно было бы назвать «крымским»*: речь идет о книге, которую Зейер задумал написать и которая должна была быть посвящена Крыму. Об этой книге он много думал, однако написана она так и не была. Размышления же об этой книге преследуют Зейера с того самого момента, как в Крыму обосновался Кашпар.

Когда Кашпар переезжает в Крым, Зейер призывает его написать статью о языке и литературе крымских татар и даже целую монографию о Крыме вообще. Он пишет: «Там, в этой мешанине народов, у тебя больше, чем где бы то ни было поводов к научным изысканиям» [2. S. 253]. После своего «восточного» путешествия с Кашпаром в 1893 г. Зейер сам загорается идеей написать о Крыме. В 1894 г. он пишет о книге «Универсальное описание Крыма», которую прочел, но где не нашел ничего, что бы могло ему послужить для его собственной работы об этом крае — какой-либо романтической истории, легенды, описания татарских традиций: «Все остальное — статистика и подобные вещи, которые с поэзией не имеют ничего общего, меня не интересуют. Я бы с удовольствием написал какой-нибудь роман, в котором описал бы Крым со стороны природы, поэзии, легенд, традиций и татарских обычаев» [3. S. 262]. Зейер мечтает создать красивую, почти художественную книгу и не боится долгих исследовательских трудов. Кашпара он просит прислать материалы, которые «необходимы ему как воздух» (в чеш. — «potřeboval bych je jako sůl») [3. S. 432].

Кроме того, Кашпар на протяжении всей жизни регулярно присылает Зейеру журнал «Известия Таврической Комиссии», в котором Зейер, очевидно, ищет материалы для своей работы: «Сердечно благодарю тебя за номера “Известий”, [...]. Потом я передам их в какую-нибудь библиотеку, скорее всего в музей. Однако сначала их изучу, ты же знаешь, я бы хотел написать что-нибудь о Крыме» [3. S. 432]. В 1898 г. Зейер благодарит Кашпара за присланную ему книгу «Путешествия по Крыму» («Cesty po Krymu»).

Еще один важный сквозной мотив переписки Зейера с Кашпаром — *устойчивый интерес к русской литературе*. В письмах Кашпару Зейер не анализирует конкретных текстов русских писателей, не дает им критических оценок, однако из них мы вполне достоверно узнаем, что именно из русской художественной литературы и в какой период своей жизни Зейер читает. Так, в 1888 г. Зейер много читает Толстого («Последнее время много читаю по-русски, особенно Толстого»). В 1894 г. с «большим восхищением» он читает Достоевского. Причем читает Зейер очень пристально, обращая внимание на непонятные для него русские слова. Те, которые Зейер не понимает и сетует на их отсутствие в словаре, — чаще всего малоупотребительные или разговорные: «дескать», «ясочка». То, что писатель останавливается на них, говорит о хорошем уровне его русского языка — значит, остальные слова ему понятны. В 1897 г. Зейер просит Кашпара найти для него собрание сочинений Гоголя и Салтыкова-Щедрина. В 1898 г., когда Зейер работает над русским эпосом, он просит Кашпара найти ему книгу И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей и цариц». В 1900 г. Зейера интересует «Власть тьмы» Л.Н. Толстого.

Еще один мотив в переписке, вполне конкретный, бытовой и житейский — это *судьба семейства Поповых*. И Кашпар, и Зейер какое-то время своей жизни провели в кругу этой семьи в качестве учителей двух сыновей генерала Попова — Юрия

и Павла. Контакты с ними оба чеха сохраняли в течение всей своей жизни. В своих письмах к Кашпару Зейер часто спрашивает о новостях в семействе Поповых, жалеет о смерти жены Попова. О скандале⁹, который был связан с этим семейством, он пишет: «Верь мне, если бы я был в России с кем-то из них (членов семейства Поповых — А. Г.), я бы их уберег от потери этих денег и от скандала» [3. S. 430]. С огромным сожалением и огорчением Зейер принимает и новость о смерти младшего брата Павла. Пишет о своих встречах с Юрием Поповым в Париже, куда тот был отправлен на лечение. Здесь Юрий Попов даже обещает ему подарить для изучения древние курганы в их поместье в Бахчисарае.

Отдельное место занимает в переписке *мотив вещей*. Это не случайно, так как вещи составляли, по-видимому, важную часть жизни Зейера. Он относился к ним как эстет и коллекционер. В этом смысле он был истинным сыном своего времени, ведь эстетизация жизни была широко распространена в Западной Европе конца XIX в. «Вещественность», мир вещей были важны для эстетики модернизма с ее установкой на декоративность. «Прекрасное — не божество, которому следует поклоняться, стоя на коленях в музее, напротив, оно должно быть спутником людей в их повседневной жизни» [6. С. 226], — считали представители эстетизма. Зейер тоже во всем — в своих произведениях и в жизни — стремился к красоте, которую противопоставлял утилитаризму и буржуазной пошлости.

Из России писатель всегда стремился вывезти кроме книг еще и какие-то экзотические вещи. Багаж его обычно доставлялся отдельно, в переписке с Кашпаром после каждой поездки в Россию Зейер жалуется, что багаж идет очень долго, а потом рассказывает, в целости ли пришло все его добро. Многое из того, что было привезено, Зейер передал в коллекцию своего друга Войты Напрстка. Однако в письмах мы находим и упоминания о вещах, которые не связаны с коллекциями и не имеют художественной ценности. Чаще всего это предметы быта. Например, в одном из писем Зейер сообщает, что из России он привез ящик малоросской посуды и ящик гречневой крупы, которую полубил и научился варить. В другом письме Зейер обращается к Кашпару с просьбой прислать ему из Крыма ту самую легкую ткань, из которой, как он видел, в Крыму все шьют костюмы. При этом Зейер не стесняется торопить своего корреспондента, мотивируя это тем, что скоро наступит лето и надо что-то носить. В других письмах он просит купить, к примеру, икону Спаса Нерукотворного для своей знакомой, красивую сбрую на Кавказе для лошади своего приятеля.

Следующий сквозной мотив писем Зейера Кашпару — *замечания и рассуждения о русских, о ментальных свойствах русского характера*. Вообще-то, в письмах Зейера мы не находим критических рассуждений о России и русской жизни. Чаще всего он восторженно говорит о своих поездках. Так, в 1899 г. после своего последнего путешествия Зейер пишет: «На Руси мне в этот раз снова чрезвычайно понравилось, а от Москвы я в восхищении!» [3. S. 440]. Однако в разных местах переписки все-таки присутствуют небольшие замечания, которые хотя и не складываются в какую-то общую картину, но зачастую метко характеризуют ту или иную исконно русскую черту.

В одном из писем, например, Зейер сетует на хорошо известную трагическую русскую особенность — неумение ценить собственные богатства, пользоваться

⁹ Подробнее об этом происшествии можно узнать в комментариях А. Кашпара к письмам Ю. Зейера. В частности, Кашпар рассказывает о том, что этот скандал был связан с разделом наследства, оставшегося после смерти отца, который завещал все свое имущество старшему сыну Юрию. Скандал получил большую огласку [3. S. 459].

ими. Объездив Россию, посмотрев ее величавые просторы, Зейер не понимает, почему русские люди не умеют ценить богатства родной страны и почему пределом желаний русского путешественника является поездка в Европу: «Русские глупы, что все время ездят только в Париж, на Рейн, в Вену или Берлин. Говорят, что, якобы, умеют умирать, но жить, мне кажется, не умеют» [3. S. 280]. К «неумению жить» русских людей Зейер также относит их бессмысленное расточительство. В одном из писем, где речь идет как раз о семье Поповых, он отмечает: «А что происходит у Поповых? Вернее всего как обычно — одни глупости. Жаль денег, которые они так бессмысленно пускают на ветер и сами от них также ничего не имеют. И так всюду на Руси» [3. S. 433].

В письме от 2 января 1895 г., после смерти Александра III, Зейер пишет Кашпару о русском долготерпении: «Что же будет сейчас в России? Что люди говорят об этом новом царе и об этой немке? (о Николае II и Александре Федоровне. — *А.Г.*). Ну а вообще, в России всегда всем довольны» [3. S. 269]. Русский народ кажется чешскому писателю спящим, не пробудившимся к жизни, Зейер осуждает его за это: «Вообще, святая Русь будто бы за китайской стеной, и мне кажется, что все огромное население за ней дремлет, спит. О, славяне, славяне!» [2. S. 452]. Беспокоит Зейера и то, что Россия равнодушно переносит уколы, которые ей наносят западные державы, что не умеет объединить вокруг себя славян в борьбе против немцев: «Святая Русь! Боже мой, это тоже бремя моей жизни. Из этого народа так же ничего не выйдет, как из остальных славян» [2. S. 127]. «Немцы делают, что хотят, на самом деле им принадлежит мир. Какие козни они строят против России, а Россия — ничего. [...] И если бы они (русские. — *А.Г.*) перестали преследовать поляков, то те могли бы им составить партию и в самой Германии, я имею в виду в Познани...» [2. S. 433].

Опубликованные письма Зейера и комментариев к ним Кашпара позволяют утверждать и то, что интерес к России, ко всему, с ней связанному, не оставлял Зейера до самых последних дней его жизни. Важна для Зейера была и дружба с Кашпаром, который, несмотря на то, что обосновался в Праге, оставался для него все тем же проводником в русский мир — теперь уже в мир общих русских воспоминаний. Именно Кашпар навещал Зейера в последние дни его жизни, читал ему письма от общих русских знакомых: «Мы часто вспоминали обо всем из молодости, — пишет Кашпар, — но с наибольшей охотой он говорил и слушал о России, и все письма, которые я получал из России, я должен был ему читать» [3. S. 445].

В целом можно сказать, что переписка Зейера и Кашпара является самым достоверным и полным источником, свидетельствующим о живой связи Зейера с Россией. Она позволяет составить довольно полное впечатление о том, как формировалась «русская тема» в жизни писателя, какие человеческие впечатления ее питали, как он реагировал на те или иные явления русской жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Voborník J.* Dopisy Julia Zeyera Karle Heindrichové. Praha, 1924.
2. *Kašpar A.* Z correspondence Julia Zeyera // Časopis Musea kral. Českého. Praha, 1902.
3. *Kašpar A.* Z correspondence Julia Zeyera // Časopis Musea kral. Českého. Praha, 1904.
4. *Kvapil J.S.* Sládek — Zeyer, vzájemná korespondence. Praha, 1958.
5. *Mršтик V.* Cesta do Ruska (Listy z Nižního Novgorodu 1896). Praha, 1992.
6. *Ерасова Е.* Жизнетворчество в английском эстетическом движении 1860—1890-х годов // Искусство versus литература Франция — Россия — Германия на рубеже XIX—XX веков. М., 2006.

СЮЖЕТНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ПАВИЧА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ «ВНУТРЕННЯЯ СТОРОНА ВЕТРА»
И «ДРУГОЕ ТЕЛО»)

© 2020 г. Е.В. Шатько

Младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

eshatko@gmail.com

Для прозы М. Павича, самого известного сербского автора второй половины XX в., за которым прочно закрепилась слава одного из главных писателей-постмодернистов Европы, характерна устойчивая связь с национальной литературной традицией. В статье рассматриваются художественные элементы романов «Внутренняя сторона ветра» и «Другое тело», указывающие на связь поэтики Павича с сербской литературой барокко и со средневековой литературой.

The prose of Milorad Pavić, the most prominent Serbian author of the second half of the twentieth century who earned a reputation as one of the European flagship postmodernist writers, is marked by a strong affiliation with the national literary tradition. The article looks into the artistic tools used in the novels «The Inner Side of the Wind» and «Second Body» indicative of the link between Pavić's poetics and Baroque literature and Medieval literature.

Ключевые слова: Милорад Павич, литература барокко, сербская средневековая литература, «Другое тело», «Внутренняя сторона ветра».

Keywords: Milorad Pavić, Baroque literature, medieval Serbian literature, «Second Body», «Inner Side of the Wind».

DOI: 10.31857/S0869544X0009520-5

Выдающийся сербский писатель Милорад Павич (1929–2009), филолог по образованию, в рамках научной и преподавательской деятельности занимался исследованиями сербской средневековой литературы и литературы барокко, что нашло отражение и в его творчестве: в художественных текстах есть отсылки к житиям православных святых, реальные эпизоды сербской истории оказывают влияние на жизнь персонажей, среди которых встречаются такие исторические личности, как Гавриил Стефанович Венцлович, Захария Орфелин. Павич осознанно использовал ряд приемов предшествующей литературной традиции: «Те люди очень хорошо знали, что внимание того, кто вас слушает, должно оставаться в напряжении, и умели этого добиваться [...]. У них я научился тому, что делаю в литературе: в каждом предложении бороться за своего читателя» [1. С. 28]. В данной статье рассматриваются черты прозы сербского

писателя, указывающие на связь его поэтики со средневековой и барочной литературой.

Для последней в целом характерно усложнение художественной формы произведения и смешение жанровых форм, эти же черты присущи художественной манере Павича, это его «визитная карточка», не случайно до сих пор большая часть исследований творчества Павича касается формальной организации его произведений. Дебютный роман Павича «Хазарский словарь» (1984) – это роман-лексикон, состоящий из трех книг, трех мини-энциклопедий о хазарском народе, где желтая книга содержит данные из иудейских источников, зеленая – из исламских, и красная – из христианских. «Внутренняя сторона ветра» (1991) – по определению автора роман-клепсидра¹. Роман состоит из двух повестей, связанных между собой древнегреческим мифом о Геро и Леандре, объединяющем обе части романа и в плане содержания, и на формальном уровне. «Другое тело» (2006) – философский роман о поисках пути обретения вечной жизни, который содержит элементы триллера, детектива, религиозного произведения. В данном случае речь идет о соединении постмодернистского инструментария с барочной традицией сербской литературы, которая тесным образом переплетена со средневековой в силу исторических причин (к началу XVIII в. сербская культура, с одной стороны, подвергалась сильному влиянию западноевропейской, а с другой, стремилась сохранить свою самобытность).

В эпоху барокко оригинальность произведения считалась его важнейшим достоинством, хотя «фабула [...] могла иметь и литературное происхождение» [2. С. 7], важными составляющими были также намеренная усложненность формы и возможность различных толкований. Такой подход в чем-то перекликается с постмодернистской литературой, в частности, с произведениями Павича, который стремился дать каждому своему читателю шанс для игры с текстом. Одна из разновидностей такой игры – отказ от «классического» способа чтения, усложнение читательской задачи (роман-кроссворд, роман-словарь, роман-клепсидра и др.); другая – игра с мотивами, сюжетами и образами национальной и мировой литературы; третья – многовариантность трактовок событий и эпизодов: неоднократно обращаясь к определенной теме, Павич предлагает несколько версий ее прочтения. Неопределенность авторской позиции дает читателю возможность самому искать верный ответ. И читатель движется по своеобразному лабиринту предлагаемых в произведении интерпретаций, однако в этих лабиринтах Павича, как правило, нет единственно верного направления, все предлагаемые траектории развития событий имеют одинаковое право на существование.

В постоянном поиске и движении к истине находится не только сам Павич и читатели его произведений, но и герои, для большинства из них поиск и есть жизненная стезя – что также приближает авторскую поэтику к литературе барокко. «В этой [барочной] по-новому увиденной картине мира индивидуум обретал новые качества – трагические в своей потерянности в этом большом и непознаваемом мире и героические в своих усилиях познать этот мир, законы, им управляющие, и тем самым обрести в нем свое место. [...] Поиски и выбор приобретали для человека барокко поистине космические масштабы» [2. С. 4]. Так, например, в романе «Внутренняя сторона ветра» героиня и ее брат ищут театр, в котором идет спектакль «Жизнь и смерть Геро и Леандра»

¹ Клепсидра – особые водяные часы, которые использовались в Древней Индии, Китае, Египте, а до XVIII в. – и в Европе, работающие по принципу сообщающихся сосудов.

(героиня романа часто сравнивает себя с древнегреческой Геро), и не находят его, а герой в поисках знания меняет религиозные пристрастия: сначала отказывается от веры предков, богомилства, в пользу православия, затем хочет стать иезуитом, однако война мешает этому. Он же, отступая перед натиском османской армии, строит церкви, приняв единственно возможное для себя решение – строить, созидать, творить, вопреки здравому смыслу, наперекор судьбе и истории, ведь «чем больше мы оставим после себя, тем дольше враг задержится, разрушая, а значит, у нас будет больше надежды, что хоть что-то останется и от нас, и после нас» [3. С. 26]. Герой рассказа, написанного Геро, капитан фон Виткович ищет способ понять чужую душу.

Для романа «Другое тело» поиск вечной жизни является сюжетообразующим элементом: все герои так или иначе вовлечены в своеобразный метафизический детектив. Практически во всех произведениях Павича герои находятся в процессе поиска какого-либо артефакта, и это всегда связано с путешествием. Складывается ощущение, что для автора именно путь-поиск является основополагающим в судьбе героя, знаком его личностной ценности. Мотив путешествия отсылает к жанру хождений, часто встречающемуся в средневековой литературе вообще, известному у православных славян еще с XII в. [4. С. 221], и все еще присутствующему на ранних этапах развития сербского барокко. Этот период характеризуется смешением «элементов старого и нового, духовного и светского, церковного и мирского, элементов Средневековья и Нового времени» [5. С. 85].

Народные представления о силе магических ритуалов, присутствовавшие в основном в устной сербской традиции (которую также изучал Павич), нашли отражение в романе «Другое тело»: герои в поисках вечной жизни обращаются к магическим артефактам. Орфелин помогает провести ритуал смертельно больной скрипачке Забетте, чтобы узнать, есть ли у нее другое тело. Сам он невольно оказывается втянут в интриги вокруг трех объектов: бокала, воды и перстня. Гондольер предлагает ему приобрести бокал с заклинанием, написанным на дне, его домовладелец умирает во время проведения ритуала, Анна, возлюбленная Орфелина, рассказывает ему суть этого действия: необходимо выпить воду из Богородичного источника в Эфесе, прочитать стих со дна бокала и надеть каменный перстень; если перстень поменяет цвет, значит, у человека есть другое тело. Орфелин собирает все элементы, но в последний момент уступает их Забетте. Гавриил Стефанович обращается к другому обряду, называемому «привой», с помощью которого хочет стереть все поступки, совершенные до проведения ритуала, чтобы очиститься от греха: он пускает кровь и прикладывает рану к надрезу на коре ядовитого дерева. Позже, после долгих лет скитаний, он снова проводит этот ритуал, зная, что на этот раз возможен летальный исход. И тогда его соперник, католический монах, Ружичка, сам проверяет, есть ли у Гавриила другое тело, ведь заклинание он уже произносил вместе с Аксинией, а воду из Богородичного источника они разделили во время званого ужина. Ружичке остается только надеть на палец мертвеца каменный перстень.

В романе «Внутренняя сторона ветра» нет отсылок к магии, однако присутствует общебалканский народный мотив принесения жертвы при строительстве: Леандр ранит палец при возведении башни. Вообще весь его путь можно считать строительной жертвой: без сна и отдыха, практически без пищи, герой возводит церкви за три дня. Этот мотив роднит «Внутреннюю сторону ветра» не только с народными балканскими сказаниями и легендами, но и с романом И. Андрича «Мост на Дрине».

В романе «Другое тело» действуют «барочные» герои сербской литературы — Захария Орфелин и Гавриил Стефанович Венцлович. Автор сделал героями романа двух представителей одного художественного направления, имевших, однако, разные взгляды на основу литературного языка, формирующегося в это время: если Венцлович стремился приблизить язык к народному, то Орфелин ориентировался на русский вариант церковнославянского. В описании жизни исторических лиц Павич пользуется приемом, выработанным в работе над «Хазарским словарем», когда реальные данные служат лишь отправной точкой сюжета, от которой можно оттолкнуться, чтобы создать новую, часто неправдоподобную историю персонажа.

Главным действующим лицом второй части романа является Захария Орфелин, сербский поэт, историк, художник и композитор XVIII в. Воссоздав черты реальной исторической личности, писатель сообщил наиболее важные известные о нем факты, что дало некоторую историческую основу, на которой построено повествование. Для Павича интересен период жизни Орфелина, проведенный героем в Венеции, куда его действительно пригласили работать корректором в типографии. В романе Захария предоставляет своему работодателю документы, где отражены основные этапы его карьеры. Этот рассказ напоминает по структуре начало словарных статей в «Хазарском словаре», правда, с небольшими добавлениями. Скупой справочный текст дополнен авторскими ремарками: «Из документа следовало, что Захария Стефанович Орфелин (год рождения 1726-й), греческого ортодоксального вероисповедания, принадлежит к числу подданных Австрийской империи, а по национальности славяно-сербского происхождения. Служить начал в Нови-Саде, одном большом городе на Дунае, в качестве “славянской школы магистра”. В середине века проживал и учился граверным художествам и живописи в Будиме, Вене и Аугсбурге. (Здесь, как обычно в документах подобного рода, обойдены молчанием две жалобы на него местными властями за неоплаченные уроки музыки, которые он брал у одного словацкого чембалиста, изгнанного в свое время из Пешта)» [6. С. 52]. На страницах романа Орфелин, как и его прототип, «задумал» журнал: «Там было бы всего понемногу, на любой вкус. В качестве введения я написал бы эссе, потом некоторые замечания о языке литературных произведений, потом публикации, касающиеся географии, науки о человеке, педагогики, истории, права, и все это с обзором недавно вышедших книг» [6. С. 69]. Орфелин действительно издал один номер «Магазина», опередившего свое время и оцененный по достоинству много позже. Единственная неточность, которую можно найти в биографических данных об Орфелине, — то, что живописи и гравированию он учился именно в Венеции, в романе же герой владеет этими навыками изначально.

Что же касается еще одного исторического лица романа «Другое тело», Гавриила Стефановича Венцловича, то в воссоздании его жизненного пути нет прямых нарушений достоверности. В отличие от Захарии Орфелина, сведения о биографии Гавриила, выходящие за рамки действия романа, представлены весьма скупо, при этом есть упоминание о его духовном наставнике Киприане (Рачанине) [7]. Стоит отметить, что историк сербской литературы Й. Деретич отнес творчество Венцловича к раннему (и скорее переходному) этапу развития барокко в сербской литературе, определенному им как «Последний расцвет старой литературы» [5. С. 85], тогда как М. Павич настаивал на исключительно важной роли Венцловича собственно в становлении сербского барокко (подробнее о позиции Павича — [8], контраргументы Й. Деретича — [9]). В художественном произведении Павич более аккуратен, здесь герой предстает перед

читателем прежде всего как книжник, переписчик. Однако автор использовал свойственное трудам Венцловича стремление к конкретизации абстрактного в характеристике речи персонажа:

— Что отмеряют эти маленькие часики внутри больших часов? Из них постоянно слышится «тик-так» [...]

— Секунды, *Dominusvobiscum!*

— Вот именно, секунды. А теперь ответьте мне, знаете ли вы, что такое эти его «тик-так»? Что такое эти секунды?

— Простите?

— Сейчас объясню. «Тик» — это прошлое, «так» — будущее. И тут возникает самый главный вопрос: а что между ними? Ответ недвусмысленный — между ними настоящее, то есть наша жизнь. [6. С. 221]

В романе «Другое тело» присутствует мотив соединения противоположностей: это и мистический мотив симбиоза физического и астрального тел, мотив сосуществования разных культурных моделей (Орфелин в Венеции), мужского и женского начал (рассказчик и его жена, Орфелин и венецианка, Венцлович и его возлюбленная), православного и католического взгляда на мир (Ружичка и Венцлович), сочетание гедонизма (Орфелин в Венеции) со служением богу (главы, посвященные Венцловичу) и др.

Во «Внутренней стороне ветра» соединение противоположностей заложено в самой структуре текста, в образах главных героев Геро и Леандра. Они живут в разные эпохи (Леандр в конце XVII — начале XVIII в., Геро — в первой половине XX в.), у них разные цели в жизни (Леандр строит церкви для поддержания духа сербского народа, Геро живет в праздности). География их жизни различна: после начала Великого переселения сербов герой находится между двух армий, Геро же живет в Белграде и много путешествует (Сербия, Чехия, Италия). В романе встречаются две противоположные эпохи: время австро-турецких войн и межвоенный период XX в. с его относительным затишьем. Однако именно из этих различий между двумя повестями и рождается целостность всего произведения: множество тем и мотивов, по-разному разворачивающихся в каждой из частей, вместе создают единое художественное пространство романа.

Персонажи Павича, живущие в XX в. или в эпоху барокко, зачастую не только знают сюжеты античных мифов, но и существуют согласно предлагаемым в них обстоятельствам. Расширенное название романа «Внутренняя сторона ветра, или Роман о Геро и Леандре» отсылает читателя к одноименному древнегреческому мифу. Павич использовал миф на нескольких уровнях: в обеих повестях упоминается история любви древнегреческих героев, имена Геро и Леандр сохраняются за главными героями романа и названиями повестей. Павич пошел вслед за Овидием, первым предложившим форму «парных посланий» для переработки этого мифа. Герои его романа в поисках родственной души также ведут диалог друг с другом, хотя делают это опосредованно: через размышления о поэме Мусея, о смысле бытия, о жизни и смерти. Если в древнем сюжете мифа Леандр встретил Геро и затем, несмотря на запреты ее родителей, каждую ночь переплывал Геллеспонт ради встречи с возлюбленной, вверяя свою судьбу своеобразному маяку — факелу в руке Геро, то по версии Павича, герои незнакомы, более того, их встреча невозможна, поскольку они живут в разные эпохи. Писатель существенно поменял миф-первоисточник,

встраив свой авторский вариант в структуру романа: две повести о том, как влюбленные стремятся навстречу друг другу и соединяются в смерти, объединены общими образами, темами, мотивами и самим древнегреческим мифом о любви. Заканчивая каждую из повестей смертью главного героя, Павич фактически моделирует исходный трагический сюжет: в начале зимы Леандр пытается переплыть пролив, Геро, стоя на берегу, едва может защитить пламя факела от ветра, холод и волны оказываются непреодолимым препятствием, и девушка, увидев бездыханное тело любимого, бросается со скалы. Павич не цитировал само оригинальное произведение, а отсылал к переводу или пересказу первоисточника: так Леандр во время учебы заучивает латинский перевод поэмы Мусея наизусть, а Геро объясняет своему подопечному времена французских глаголов на примере ее перевода на французский язык. Последняя цитата приведена на языке перевода. В повести «Леандр» упомянуто, что герой во время путешествия с бродячим квартетом исполнял песню о Геро и Леандре, а в повести «Геро» героиня, отвечая на вопросы ученика, не точна в передаче фактической основы поэмы: она утверждает, что Леандр так и не добрался до своей возлюбленной, так как ее брат, защищая честь семьи, помешал ему. Для столь вольного обращения с античным сюжетом есть две возможные причины: героиня не хотела объяснять ученику, что влюбленные делали по ночам, или же, что более вероятно, упоминание о брате предвосхищает смерть Геро в романе. В этой же повести есть еще две ложные цитаты. Геро во время совместного с братом путешествия в Рим видит афишу спектакля «Любовь и смерть Геро и Леандра», где приводится фраза из драматизированного текста древнегреческой поэмы: «Человек, с тех пор, как существует он на свете, вынужден выбирать между двумя “не”» [10. С. 41]. Так как впоследствии героям не удастся посмотреть представление, брат с сестрой в поисках пропавшего театра начинают свое расследование. В итоге они находят хвалебную рецензию на спектакль, которого не было, а также несколько афиш, на одной из которых приведен список изданий поэмы, на другой – еще одна цитата из пьесы, представляющая собой посмертный разговор Геро и Леандра.

Отсылки к древнегреческому мифу постоянно присутствуют в тексте Павича: Леандр дважды проходит путь до Константинополя и обратно, первый раз в составе бродячего квартета, второй – вместе с купцами. Во время путешествия по Греции проходит через Абидос, Сест и Геллеспонт, упомянутые в поэме – Павич сознательно направляет своего героя туда, где по преданию происходит действие мифа. Возводя башню в Белграде, Леандр произносит отдельные строки, используя их как своего рода цемент, одновременно навсегда забывая текст; во время болезни ему снятся волны и факелы; Геро разыскивает театральную труппу в Риме и использует текст поэмы Мусея на занятиях, оба героя сравнивают себя с персонажами мифа. Даже свои имена они получают благодаря им. Героиню романа зовут Геронея, но, как становится известно на первой странице повести «Геро», «все называли ее именем Геро» [10. С. 9]. «Леандр, который в детстве носил имена Радача и Милько» [3. С. 10], свое древнегреческое имя заслужил в юности. Русский учитель, обучавший сербов в белградском училище, спросил, что разделило влюбленных греческой поэмы, на что Радача ответил: «Возможно то, что разделило Геро и Леандра, было волнами времени, а не воды» [3. С. 50], после чего все стали называть его Леандром. Реплика героя дает ключ, к пониманию философии романа – Геро и Леандр не могли преодолеть волны времени, но это не помешало им стать единым целым, так же как две самостоятельные повести о каждом составляют вместе единое произведение – роман-клепсидру.

В эпоху барокко писатели и поэты часто воспринимали реальный мир как иллюзию или сон. Сны заняли важное место в художественном пространстве Павича: в его произведениях события, произошедшие во сне, а не наяву, часто имеют большее значение. Например, в романе «Другое тело» (глава «Библиотека») писатель предложил свой способ обретения бессмертия, который пришел к повествователю во сне. Тому снится, что его книги разметало ветром по всему городу, и что читатели начали возвращать их обратно. Физическая смерть, по мысли Павича, преодолима, пока существует нечто ценное, что человек оставил после себя. Для литератора — это его книги, они и есть «другое тело», возможность жить вечно. Писатель считал роман «Другое тело» одним из лучших своих произведений: «В “Другом теле”, — заметил он в одном из интервью, — вы можете найти то, что дает вам новое понимание Библии. Но Библию невозможно понять до конца. Эта книга всегда жива и дышит. Основа — тот факт, что Иисус показал нам второе тело, восстав из могилы. [...] Религиозный роман снова в моде. Во всем мире» [11].

Тема поиска бессмертия в последнем павичевском романе не случайна. Во время его создания пожилой автор тяжело болел, не скрывал, что размышляет о надвигающемся конце: «В моем возрасте естественно задаваться этим фундаментальным вопросом: что с нами будет после смерти? Я считаю, что вы можете ощутить поцелуй или что-то иное, что посылает вам ушедший, который вас любит. И я не один на этом пути» [9]. Герои Павича обращаются к религии, мистическим учениям, метафизике, часто стремятся создать новое, соединяя компоненты уже существующего. Это же качество присуще и самому писателю: используя приемы и средства современной массовой литературы, инструментарий постмодернизма, образцы средневековой и барочной словесности он создает собственный художественный метод, который в определенном смысле стал его способом достижения вечной жизни, «другим телом» Милорада Павича.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Kratka istorija jedne knjige. Beograd, 1991.
2. Софронова Л.А., Липатов А.В., Барокко в славянских культурах, М., 1982.
3. Павич М. Внутренняя сторона ветра. СПб., 2013. («Леандр»)
4. Толстой Н.И. Избранные труды. Славянская-языковая ситуация. Москва, 1998. Т. 2
5. Деретић Ј. Кратка историја српске књижевности. Нови Сад, 2007.
6. Павич М. Другое тело. СПб, 2011.
7. Материал из Православной энциклопедии / Под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. URL: <http://www.pravenc.ru/text/161317.html> Дата обращения: 15.01.2020.
8. Павич М. Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII век). Београд, 1970.
9. Деретић Ј. Мистификације око Венцловића и старе поезије // Књижевна историја. Београд, 1972. [Књ.] 4. № 16. С. 705–722.
10. Павич М. Внутренняя сторона ветра («Геро»). СПб., 2013.
11. «Павич нашел другое тело». Интервью с М. Павичем // Московский комсомолец. № 0, 17 января 2007 г. URL: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2007/01/17/172932-pavich-nashel-drugoe-telo.html> Дата обращения: 10.01.2020.

К.В. Мельчакова. Босния и Герцеговина в российской общественно-политической жизни в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.

DOI: 10.31857/S0869544X0009521-6

В последнее десятилетие историография проблем Боснии и Герцеговины пополнилась несколькими значимыми работами по османскому периоду, написанными на основе новых архивных данных. Среди них особое место занимает монография Ксении Валерьевны Мельчаковой, посвященная становлению и развитию российско-боснийских отношений в 50–70-е годы XIX в.

Книга «Босния и Герцеговина в российской общественно-политической жизни в 1856–1875 гг.» состоит из пяти глав. В первой – «Российские императорские консульства в Боснии и Герцеговине в 1856–1875 гг.» – автор реконструировала историю дипломатических представительств. Большое внимание К.В. Мельчакова уделила деятельности Александра Федоровича Гильфердинга (1831–1872) – ученого, славянофила и первого русского консула в Сараеве, который «должен был составить самое полное представление о крае» (с. 67). Исследовательница подробно проанализировала его работы «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» и «Босния в начале 1858 года». Кроме того, в первой главе повествуется о работе дипломатов после отъезда Гильфердинга. В Сараеве это: Евраф Романович Шулепников, бывший консулом в 1858–1868 гг., Алексей Николаевич Кудрявцев (1868–1877); в Мостаре – Валериан Владимирович Безобразов (1859–1866) и занимавшие должности вице-консулов Николай Александрович Иларионов (1866–1872) и Яков Петрович Славолубов (1872–1875). Автор привела

данные о деталях дипломатической службы: ежедневном функционировании консульства, зарплатах сотрудников, особенностях установления контактов с местными властями, коллегами из других стран, церковными иерархами и др. Консулы великой славянской державы представлены обычными, не лишенными слабостей людьми. Так, картонные долги Шулепникова собственным охранникам, кавазам, мешали исполнению обязанностей консула: его обвинили в присваивании помощи, отправляемой из Москвы и Петербурга в Боснию и Герцеговину (с. 105–107).

Во второй главе «Боснийский вопрос и русское общество в 1850–1870-е годы» Мельчакова сфокусировалась на деятельности благотворительниц во главе с Антониной Дмитриевной Блудовой, а также Святейшего синода и Славянского благотворительного комитета. Говоря о пробуждении интереса российского общества к Боснии, автор снова обратилась к работе А.Ф. Гильфердинга – на этот раз как организатора помощи боснийцам. Первый русский консул в Сараеве предложил Святейшему синоду присоединиться к оказанию помощи православной церкви в Боснии и Герцеговине.

История благотворительности в России во второй половине XIX в. напрямую связана со Славянским благотворительным комитетом, утвержденным Александром II и поддерживаемым императорской фамилией. Кроме того, касаясь темы помощи зарубежным славянам, невозможно было обойти вниманием работу протоиерея Михаила Федоровича

Раевского. К.В. Мельчаковой удалось раскрыть его роль для истории Боснии и Герцеговины. Трудно представить благотворительность без обращения к широкой публике, что показано на основе анализа периодической печати, где самым активным публицистом предстает А.Ф. Гильфердинг.

В главе «Деятельность России по оказанию помощи православной церкви и просвещению в Боснии и Герцеговине в 1856—1875 гг.» в первую очередь были реконструированы поездки священнослужителей (в частности, иеромонаха Прокония Чокорило, архимандритов Серафима Перовича и Саввы Косановича) в Российскую империю с целью сбора денег в пользу церкви. Косанович являлся значимой фигурой не только в истории православной церкви Боснии, но и всего региона. Автор объяснила роль российско-го МИД, Святейшего синода, славянских комитетов и, конечно, русских людей в деле строительства православного храма в Сараеве, на который собирал деньги С. Косанович.

В качестве примера участия русских деятелей в организации просвещения в монографии освещена история школы для девочек Стаки Скендеровой, отмечена роль русских дипломатов и благотворителей, особенно А.Д. Блудовой. На русском языке впервые воссозданы биография С. Скендеровой и история ее уникального учебного заведения, открытого в османской провинции для представительниц всех вероисповеданий. Последний параграф третьей главы посвящен истории обучения боснийцев и герцеговинцев в российских учебных заведениях. Автор нашла в российских архивах новые сведения о таких знаменитых людях, как Йован Пичета, Васа Пелагич, Йован Дреч и др.

В четвертой главе, «Боснийский вопрос в русско-сербских отношениях в 1856—1875 гг.», К.В. Мельчакова обратилась к истокам одной из самых сложных проблем на Балканах — интересу Сербии к Боснии и Герцеговине в 1860-е годы. Особое внимание уделено неоднозначной фигуре Матии Бана, возглавлявшего тайный комитет по освобождению Боснии. Исследовательнице удалось найти в архивах Сербии и Сербской академии наук и искусства документы о помощи Сербского княжества в организации

школ в Боснии и Герцеговине. Автор сообщила об эпизодах совместной работы консулов, боснийских уроженцев — выпускников российских учебных заведений, представителей сербской православной церкви и сербских властей. Историк подчеркнула цель сербского правительства, которую оно преследовало в Боснии и Герцеговине: «Учебные заведения должны были стать [...] центрами для подготовки чет, а учителя — потенциальными командирами повстанческих отрядов» (с. 320). Как установила К.В. Мельчакова, корреспонденция сербских агентов — организаторов школ проходила через российские консульства. Интересен вывод о том, что сербские агенты после учреждения школ в местах, где предполагались боевые действия, отправляли в Россию просьбы о помощи именно этим школам, в курсе чего были руководители благотворительных организаций — И.С. Аксаков, Н.А. Попов, А.Ф. Гильфердинг. Также в четвертой главе отмечено положение православного духовенства и его контакты с сербскими религиозными и политическими деятелями.

В пятой главе — «Другой ракурс: русские планы в отношении Боснии и Герцеговины в контексте политики Османской империи и монархии Габсбургов» — сделана попытка рассмотреть Боснию и Герцеговину как часть контактной зоны между Востоком и Западом и как окраину Османской империи. Здесь приведены статистические данные из русских источников: о населении, о миграции, о переходе в другие религии. Кроме того, автор затронула проблему реализации османскими властями реформ танзимата в Боснии и Герцеговине в 1860—1870-е годы. В конце главы дана характеристика политики Габсбургской монархии в провинции.

В «Заключении» К.В. Мельчакова сделала краткие выводы. Во-первых, Россия чувствовала ответственность за состояние православного мира, и это было «не просто прикрытием для воплощения в жизнь внешнеполитической стратегии правительства, а вполне реальной позицией» (с. 394). Во-вторых, отношение России к планам Сербии в Боснии и Герцеговине менялось от поддержки идеи подготовки освободительного восстания до убеждения в преждевременности присоединения Боснии и Герцеговины к молодому

княжеству. В-третьих, ни Сербия, ни Россия, ни Австро-Венгрия не учитывали чаяния самих боснийцев и герцеговинцев. В конце автор написала о двойственности внешней политики России во время Восточного кризиса конца 1870-х годов.

Работа К.В. Мельчаковой является неоченимым вкладом в изучение истории Боснии и Герцеговины. Повествование обогащают портреты и иллюстрации. Большую ценность имеют впервые опубликованные рисунки А.Ф. Гильфердинга, обнаруженные в Российском государственном архиве литературы и искусства. Особо стоит отметить, что автор включила в книгу уникальные фотографии из альбома П.П. Пятницкого, совершившего путешествие в Боснию и Герцеговину в 1867 г. и оставившего изображения крестьян, православных монахов, дервишей, военных, а также фотографии монастырей. Для истории региона фотоальбом представляет огромную ценность: до сих пор фотографические снимки из Боснии и Герцеговины 1860-х годов не были известны. Поражает, как буквально по крупицам в разных архивах исследовательнице удалось собрать интереснейший материал по разным эпизодам истории русской дипломатии, внешней политики правительства Александра II, общественно-политической жизни России.

Книга К.В. Мельчаковой может по праву рассматриваться как часть историографии общественных организаций и российской благотворительности, которая шагнула за границы империи и стала международной. Тема благотворительности в российской историографии еще мало изучена. В монографии «Босния и Герцеговина в российской общественно-политической жизни в 1856–1875 гг.» показано, как общество и правительство вступили в диалог и начали работать вместе над оказанием помощи зарубежным единоверцам. Каждая из сторон преследовала и свои цели по укреплению влияния на Балканах. Поскольку это был начальный этап организационной работы, не все было безоблачно, встречались трудности и упускались из виду некоторые важные моменты. Исследовательница не утаила и нелюбимые эпизоды истории: например, выяснилось, что славянские комитеты отправляли на Балканы старую, непригодную утварь (с. 164). Чтобы найти

такие не известные ранее детали, очевидно, автор совершила своего рода прорыв в поиске источников.

Большой акцент на восстановлении событий и фактов деятельности русских дипломатов и общественности в Боснии и Герцеговине, а также решение поместить описание положения края как провинции Османской империи в самый конец монографии создают впечатление у читателя, что Боснию и Герцеговину открыли русские. С этим соотносится и описание предмета исследования – Босния как *terra incognita* для российского общества, знакомство русских с краем. Тем самым автор следует традиции отечественного славяноведения XX в., рассматривая регион не как часть другой империи, но как населенную славянами самостоятельную территорию, которая была объектом политики только России или Сербии. Раньше такой выбор объяснялся, в частности, тем, что изучение истории Боснии и Герцеговины ограничивалось в основном документами из российских архивов. В современной исторической науке накоплено достаточно материала из османских, британских и других архивов. Например, в последнее время вышли работы «Боснийские восстания эпохи танзимата, 1839–1878» З. Гёлена (*Gölen Z. Tanzimat dönemi Bosna isyanları, 1839–1878. Alter, 2009*), «Османская империя и Боснийское восстание: янычары, модернизация и сопротивление в XIX веке» Ф. Сель Турхан (*Sel Turhan F. The Ottoman Empire and the Bosnian Uprising: Janissaries, Modernisation and Rebellion in the Nineteenth Century. London, 2014*), «Босния и Герцеговина в британской политике в 1857–1878 гг.» Э. Радушича (*Radušić E. Bosna i Hercegovina u britanskoj politici od 1857. do 1878. godine (Od branitelja do tužioca i sudije), Sarajevo, 2013*). Опора на традиции советской историографии ограничила интерес к использованию других подходов и идей и сузила выбор научного инструментария для анализа и объяснения процессов, которые шли в российском и боснийско-герцеговинском обществах, во взаимодействиях России и православных подданных Османской империи и т.д. Здесь был бы не бесполезен опыт социальной антропологии, изучающей полиэтничные и поликонфессиональные сообщества, в том числе и на Балканах, не говоря уже о современных

теориях наций и национализма. Иначе историк может только реконструировать, но не объяснять факты и явления, оставляя читателю свободу самостоятельно делать выводы из изложенного материала. Гипотеза же автора о том, что к середине XIX в. боснийцы перестали ощущать свое этническое единство, а религиозная принадлежность стала маркером национальности (с. 11), остается неподкрепленной ни ссылками, ни убедительным анализом. Впрочем, если предположить, что основная цель монографии была в воссоздании цепи событий (на основе источников и в максимально возможной полноте), то она, несомненно, достигнута.

Труды старших поколений ученых по изучению политической истории дали возможность К.В. Мельчаковой обратиться к другим аспектам русско-боснийских отношений и рассмотреть их в новом ракурсе. Тем более интересно, что автор использовала документы, которые не вошли в публикации «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы» (М., 1985), «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы» (М., 1988). Становится понятно, что в опубликованных в советское время сборниках предстает несколько приглашенный образ братских славянских народов и русской внешней политики. С помощью отсеянных документов и впервые вводимых в научный оборот архивных находок К.В. Мельчаковой удалось по-иному показать историю русского присутствия на Балканах — через судьбу

конкретных людей и их повседневную жизнь. Благодаря монографии четче стали видны контуры взаимодействия правительства и общественности: консулы одновременно были дипломатами, распределителями помощи и связующим звеном между сербским правительством, российскими общественными деятелями и православными жителями Боснии и Герцеговины. В книге нашлось место и для описания такого инструмента влияния в регионе, как тайные комитеты, и здесь появляются элементы детектива. Автор обнаружила в архивах ключи к шифрам, которые использовали М.Ф. Раевский, И.С. Аксаков и тайный комитет М. Бана (с. 26, 306). Эти сведения перевернули смысл переписки славянских комитетов с боснийскими деятелями. В частности, выяснилось, что в письмах книги означали ружье, школьная комиссия — сербское правительство, корреспондент — агент и т.д. (с. 306). Таким образом, можно сделать вывод, что славянофилы в истории Боснии и Герцеговины играли более активную роль, чем было принято считать. Это безусловно невероятная удача исследователя — найти источники, которые дают возможность пересмотреть давно устоявшиеся взгляды.

В заключение необходимо отметить, что книга Ксении Валерьевны Мельчаковой — это не только новые знания и вклад в науку, но и весьма увлекательное чтение о жизни и приключениях людей, живших в XIX в.

© 2020 г. *Пахомова Л.Ю.*
Lydia.pakhomova@gmail.com

Н.Н. МЕЗГА. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния. Гомель, 2019. 229 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0009522-7

В 2019 г. историография взаимоотношений РСФСР/СССР с Польшей в межвоенные годы пополнилась монографией декана исторического факультета Гродненского государственного университета имени Ф. Скорины, Николая Николаевича Мезги, не один год занимающегося этой проблематикой. Структура работы классическая: введение, основная часть, заключение, список использованных источников и литературы. Основная часть разделена на шесть глав в соответствии с принятой автором периодизацией советско-польских отношений между заключением Рижского мира в 1921 г. и государственным переворотом 1926 г. Ю. Пилсудского. В качестве рубежных событий им избраны Рапальский договор 1922 г., оккупация французскими и бельгийскими войсками Рура и Локарно, т.е. события, больше касавшиеся отношений Польши с Германией, чем с Советской Россией. Выбор именно германского внешнего фактора в какой-то мере объясняется тем, что он лучше всего известен автору [1], но, видимо, у него были и другие мотивы, хотя в монографии о них, к сожалению, прямо не сказано.

Источниковая база работы достаточно традиционная, помимо известных документальных публикаций, это материалы из фондов АВР РФ, РГАСПИ, Архива новых актов в Варшаве, а также польская публицистика. А вот из прессы использованы только газетные статьи, включенные в сборники документов, хотя она доступна в Интернете, по крайней мере газеты «Известия» и «Правда», имеющие важное значение для темы книги. Многолетний руководитель

НКВД Г.В. Чичерин свидетельствовал: «До 1928 года все, что в «Известиях» и «Правде» имело какое-либо отношение к внешней политике, присылалось мне в гранках или читалось мне по телефону, я выбрасывал или изменял» [2. С. 106]. Достаточно полно привлечена литература по теме на белорусском, польском и русском языках.

Н.Н. Мезге удалось создать работу, дополняющую и обогащающую сделанное предшественниками, в том числе и теми, кто непосредственно занимался историей советско-польских отношений в интересующее его время [3]. В числе сюжетов, прежде так подробно не рассматривавшихся, подрывная деятельность советских спецслужб в Польше и использование сторонами национальных движений в сопредельных областях друг друга в целях дестабилизации внутривнутриполитической ситуации и создания внешнеполитических осложнений партнерам. Традиционно много внимания уделено советско-германскому договору 1922 г. в Рапалло, якобы серьезно угрожавшему Польше, а также занявшему длительное время процессу реформирования Версальской системы до и после Локарно, грозившему, хотя и по-разному, Польше и СССР. В целом, Н.Н. Мезгой создан труд, хорошо структурированный, весьма информативный, базирующийся на обширном корпусе источников, в том числе ранее так полно не использовавшихся, как, например, протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б).

Позитивно оценивая рецензируемую монографию, считаем все же возможным и нужным высказать в ее адрес критические замечания, особенно по вопросам,

принципиально важным для понимания международных отношений в 1921–1926 гг. в целом и советско-польских двусторонних отношений в частности. Вслед за некоторыми польскими историками, прежде всего А. Новаком и М. Корнатом, Н. Мезга, не ссылаясь на них, утверждает, что для «Центрально-Восточной Европы [...] правомерно будет говорить о Версальско-Рижской системе международных отношений, так как характер межгосударственных отношений здесь во многом определялся Рижским договором, причем не только между СССР и Польшей, но и в названном регионе в целом» [1. С. 3]. Не вдаваясь в мотивы, которыми руководствовались польские авторы этой новации в истории международных отношений, остановимся на формальных аспектах самого понятия международная система. Теоретики международных отношений считают, что международная система (порядок) представляет собой совокупность взаимоотношений между членами международного сообщества, базирующихся на взаимодействии разнородных факторов, важнейшими из которых являются соотношение «совокупных потенциалов отдельных участников и построенная на нем иерархия стран, а также принципы и правила этих взаимоотношений». В числе основных элементов Версальского мирового порядка они выделяют, в частности: закрепление баланса сил и интересов, предполагающего политическое, экономическое и территориальное господство держав Антанты; перекройку не только мировой колониальной, но и европейской политической карты путем отторжения территорий у побежденных стран и создания из них новых государств; учреждение Лиги Наций как постоянно действующего межгосударственного механизма согласованного разрешения международных конфликтов, прежде всего территориальных споров [4].

Обладала ли межвоенная Польша таким *совокупным* экономическим, военным, политическим, демографическим и т.д. потенциалом, который позволил бы ей занять высокое место в иерархии восточноевропейских государств? Ответ очевиден, нет! Хотя в межвоенные годы она всеми силами пыталась доказать миру свой великодержавный статус.

Еще одной важной характеристикой Версальской системы являлось наличие сформированной в Париже в 1919 г. мощной договорно-правовой системы, на которой и держался Версальский порядок [5].

Была ли какая-то подобная система в Восточной Европе? И на этот раз отрицательный ответ очевиден. Не надо забывать также, что Эстония, Литва, Латвия и Финляндия заключили мирные договоры с Советской Россией независимо друг от друга и раньше Польши. Нет никаких свидетельств того, что Польша когда-либо играла роль патрона Прибалтийских государств, Финляндии и Румынии. Что же касается Литвы, то Польша принудила ее установить с ней дипломатические отношения только в марте 1938 г. СССР же имел дипломатические отношения *de-jure* или *de-facto* со всеми странами региона. Перечень аргументов, опровергающих существование когда-либо Версальско-Рижской системы, легко продолжить. Более того, есть все основания утверждать, что это Советская Россия с помощью политики «буферизма» образовала в 1920 г. систему безопасности на своей западной границе. Именно ее СССР берег, когда выступал против попыток Польши создать под своей эгидой польско-балтийский союз.

С признанием Н.Н. Мезгой концепции Версальско-Рижской системы международных отношений связано и определение им содержания советско-польских отношений в 1921–1926 гг. как «борьбы за доминирование в Восточной Европе невоенными методами» [1. С. 5]. С таким подходом трудно согласиться хотя бы потому, что советско-польские отношения в рассматриваемый период вовсе не были приоритетом советской внешней политики. Ведь «Восточная Европа» (страницей ранее регион был назван Н. Мезгой Центрально-Восточной Европой) была периферией Версальской системы, и именно здесь располагались те самые вновь созданные и расширившие свою территорию государства, интересы которых центром системы (т.е. Францией и особенно Великобританией) во внимание принимались в последнюю очередь. Советское руководство главной целью своей дипломатии уже в 1919 г. *de-facto* определило налаживание отношений с центром системы, т.е. с великими державами, без чего чрезвычайно трудно было восстановить народное хозяйство страны. Ни одно из окраинных государств (пожалуй, помимо Чехословакии, частично относившейся к региону Восточной Европы), не имело просто физической возможности оказать Советской России содействие в решении этой задачи.

В связи с этим достаточно напомнить судьбу торгового договора, который Москва и Варшава после подписания Рижского договора обещали заключить в ближайшие месяцы, а сделали это только в феврале 1939 г. В то время как аналогичный договор с Великобританией РСФСР подписала менее чем за год с начала соответствующих переговоров (и это при отсутствии политического договора), а с Германией через три года после Рапалло. Поэтому советско-польские отношения ограничивались главным образом политической областью, в 1921–1926 гг. крайне нестабильной, в том числе и из-за частой смены в Польше правительств и министров иностранных дел. Лишь в 1924–1926 гг., когда министром иностранных дел почти два с половиной года непрерывно был граф А. Скиншинский, наблюдалась некоторая нормализация советско-польских отношений. Но скорее поверхностная, продиктованная не внутренними, а внешнеполитическими причинами, связанными с подготовкой державами и Германией гарантийного пакта и Локарнских соглашений. И об этом весьма подробно и объективно рассказано в монографии Н.Н. Мезги [1. С. 185–197].

Высказанные выше соображения о второстепенности для Москвы отношений с Варшавой имеют прямое отношение и к анализу Н. Мезгой Рапалльского договора. Не разделяя полностью господствующее в современной польской историографии мнение об антипольской направленности советско-германского договора 1922 г., он все же увидел в нем определенную угрозу для Польши, которая «заклучалась главным образом в новой политической ситуации, сложившейся в Центральной и Восточной Европе. Внешнеполитические противники Польши в лице Германии и Советской России объединили свои усилия для борьбы с Версальской системой, в устойчивости которой в целом Польша была заинтересована, а сама Польша оказалась в указанном выше регионе в значительной степени в международной изоляции» [1. С. 57]. Но никаких убедительных аргументов в подтверждение этого сомнительного утверждения, кроме цитаты из речи В.И. Ленина в сентябре 1920 г., Н. Мезга не привел.

А ведь за прошедшее с момента выступления советского лидера время Польша заключила с Францией и Румынией военные конвенции, прямо направленные против

Советской России. Советско-германский договор, как известно, подобной конвенцией не сопровождался, Германия была разоружена, обложена непомерной контрибуцией и поставлена под контроль победителей. Как показал Рурский кризис 1923 г., даже спустя год после Рапалло она не имела возможности противостоять оккупации части ее территории французскими и бельгийскими войсками. Поэтому военной угрозы для Польши Германия вплоть до прихода к власти Гитлера не представляла. Что же касается Советской России, то ей Рапалльский договор открывал доступ к продукции германской промышленности, в том числе военной, которая не была разрушена во время Первой мировой войны. Он также способствовал укреплению безопасности СССР, исключая Германию из числа возможных участников, даже пассивных, агрессии с запада.

Дискуссию с Н.Н. Мезгой по ряду более мелких и менее важных сюжетов можно было бы продолжить, поводов для этого в его монографии достаточно. Но поскольку они не имеют столь же принципиального значения для понимания истинного состояния советско-польских отношений в 1921–1926 гг., как высказанные выше, мы сочли возможным в данной рецензии этого не делать.

© 2020 г. Мамвеев Г.Ф., Мамвеева Е.Ю.
gfmtaveev@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Мезга Н.Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов. Гомель, 2010.
2. «Диктатура Языкокашущих над Работающими». Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Источник. Документы русской истории. 1995. № 6.
3. Ольшевский П.Н. Рижский договор и развитие польско-советских отношений, 1921–1924. М., 1974; Бабенко О.В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству. М., 2007; Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М., 2016.
4. studfile.net>preview/6051069/page:11/ (доступ 08.01.2020).
5. LivePosts.ru>articles...articles...o...washingtonskoj... (доступ 08.01.2020).

Россия и Польша: преодоление исторических стереотипов. XIV–XVIII вв. Пособие для учителей истории / Л.Е. Горизонтов, Я. Хахай. М., 2019. 320 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0009524-9

Рецензируемое пособие – результат работы российских и польских историков в рамках совместного проекта Института всеобщей истории РАН и Института Центральновосточной Европы (г. Люблин). Речь пойдет об одном из томов трехтомного издания – первом с точки зрения рассматриваемого периода истории российско-польских отношений и втором по очередности выхода в свет, поскольку раньше других состоялась публикация тома, посвященного XIX и началу XX в. [1]. Последний том, повествующий о 1918–1991 гг., был опубликован в ноябре 2019 г. [2] одновременно с переизданием двух первых томов, которые в 2017 г. также были изданы на польском и русском языках в Польше. Опубликованные в Польше книги доступны в электронном формате [3].

Ответственным редактором с российской стороны всех трех томов является Л.Е. Горизонтов. Польский ответственный редактор рецензируемого тома – Я. Хахай. Пособие состоит из введения, написанного А.О. Чубарьяном и М. Филиповичем, и восьми тематических разделов – учебных модулей: «Великое княжество Московское и Великое княжество Литовское до Ливонской войны»; «Ливонская война»; «Смутное время в Российском царстве и Речь Посполитая»; «Российское царство и Речь Посполитая от Смоленской войны до Вечного мира 1686 г.»; «Российская империя и разделы Речи Посполитой»; «Россия и Речь Посполитая: особенности социальных

структур и политических систем»; «Взаимодействие русской и польской культур в XVI–XVIII вв.»; «Эволюция взаимного восприятия русских и поляков в XVI–XVIII вв.».

В авторский коллектив вошли с российской стороны К.А. Кочегаров, Б.В. Носов, М.В. Лескинен, А.Г. Васильев и А.Ю. Морозов (составитель заданий для учащихся), а с польской – Я. Хахай, Х. Лашкевич, Ф. Воляньский, А. Стасяк и М. Барановский.

Хронологические рамки пособия ограничены началом XIV – концом XVIII в., т.е. охватывают отрезок времени от становления Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского до завершения разделов Речи Посполитой. Включение в состав пособия первого тематического раздела – решение вполне обоснованное. Вместе с тем возникает вопрос, не следовало бы, руководствуясь школьными программами по истории, начать повествование с истоков польской и древнерусской государственности. Правда, в данном случае авторы столкнулись бы со сложным вопросом преемственности средневековых государственных образований.

Каждый из тематических разделов состоит из вводного очерка, написанного совместно польским и российским исследователем, фрагментов источников и исследований, сопровождаемых комментарием, библиографии и заданий для школьников.

Вводные очерки предназначены для учителей и призваны осветить узловые

моменты прошлого российско-польских отношений. Их объем от 0,4 до 0,7 печатного листа представляется оптимальным: с одной стороны, его достаточно, чтобы в компактной форме охарактеризовать основные аспекты рассматриваемой темы, а с другой, удается не перегружать учителя получаемой информацией.

Тексты выполнены на высоком академическом уровне, и их можно рекомендовать не только учителям, но и студентам. Следует отметить разнообразие тематики: разделы посвящены политической и военной истории (модули 1–5), социальным и культурным вопросам (модули 6–7), а также проблемам взаимного восприятия (модуль 8). С подавляющим большинством высказанных в пособии оценок можно согласиться. Исключением являются отдельные оценки, сформулированные в шестом модуле, довольно статично характеризующим государственный строй Речи Посполитой. Подобных упрощений авторы избежали в седьмом разделе пособия.

Вводные очерки дополняют фрагменты источников и научной литературы (от 8 до 16 текстов, часть из которых переведена с польского языка на русский). Это фрагменты грамот правителей, договоров, летописей, воспоминаний, работ историков, а также графические материалы – карты и иллюстрации. Они органически связаны с вводным текстом, в котором имеются ссылки на них, и сопровождаются кратким комментарием, где указано происхождение фрагмента, содержатся сведения об упомянутых в нем лицах, а также разъяснен смысл понятий, не вполне ясных современному читателю. Возможно, комментарии стоило поместить внизу страницы или сразу после каждого фрагмента. Желательно также более высокое качество графических материалов.

В каждом разделе имеется библиография исследований и публикаций источников, насчитывающая от 23 до 59 позиций. Приведены в основном научные работы российских и польских историков, упомянуты также отдельные исследования ученых из Белоруссии, Украины, США и Германии. Библиография достаточно обширна, однако списки литературы и источников стоило бы разделить.

В конце каждого модуля помещены задания для учеников. В польских и российских изданиях они различаются

и разрабатываются отдельно российским и польскими методистами, что обусловлено существенными различиями в школьных программах и методиках преподавания в двух странах. В российском случае эта часть модуля представлена в виде тестов, которые учитель может использовать на занятиях. Подобный формат неизбежно порождает определенные упрощения, порой, на мой взгляд, чрезмерные (см., например, задание 1 к модулю 7, с. 275–276).

В целом, рецензируемое пособие является чрезвычайно нужным и актуальным и отличается высоким качеством. Конечно, его успех будет измеряться масштабом использования в образовательной практике. Однако необходимо констатировать, что авторы и редакторы пособия сделали многое, чтобы оно стало востребованным.

© 2020 г. *Амброзьяк Т.*
tomasz.ambr@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Россия и Польша: преодоление исторических стереотипов. Конец XVIII – начало XX в. Пособие для учителей истории / Л.Е. Горизонтов, В. Цабан. М., 2016.
2. Россия и Польша: Преодоление исторических стереотипов. 1918–1991 г. Пособие для учителей истории / Л.Е. Горизонтов, Р. Внук. М., 2019.
3. Россия – Польша: XIV–XVIII век. Пособие для учителей истории / Л. Горизонтов, Я. Хахай, К. Кочегаров. Люблин, 2017. <http://serwer2.ehost.pl/gr/wp-content/themes/koloroweprojekty/rosja-polska-tom1.pdf> (дата доступа: 09.04.2019); Polska – Rosja: XIV–XVIII wiek / J. Chachaj, L. Gorizontow, K. Koczegarow. Lublin, 2017. <http://serwer2.ehost.pl/pr/wp-content/themes/koloroweprojekty/polska-rosja-tom1.pdf>; Россия – Польша: XIX век. Пособие для учителей истории / В. Цабан, Л. Горизонтов, П. Глушковский. Люблин, 2017. <http://serwer2.ehost.pl/gr/wp-content/themes/koloroweprojekty/rosja-polska-tom2.pdf> (дата доступа: 09.04.2019); Polska – Rosja: XIX wiek / W. Caban, L. Gorizontow, P. Głuszkowski. Lublin, 2017. <http://serwer2.ehost.pl/pr/wp-content/themes/koloroweprojekty/polska-rosja-tom2.pdf> (дата доступа: 09.04.2019).

Конференция «Концепт семьи в славянской и еврейской культурной традиции»

29–31 января 2020 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная конференция «Концепт семьи в славянской и еврейской культурной традиции», организованная Центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН совместно с Центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «СЭФЕР». Двадцать третья по счету конференция проводилась в рамках международного проекта «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия» (материалы всех конференций 1995–2018 гг. опубликованы, полные тексты сборников выложены на сайте http://www.sefer.ru/rus/publications/culture_conf_publications.php).

На конференции участники обсудили широкий круг вопросов, связанных с проблемами семейных и родственных отношений, межэтнических браков, диалога поколений в рамках традиционных верований и обрядов. Предметом исследования стали семейные и родовые ценности, семейные роли и их воплощение в обрядах и ритуалах, ритуалы инициации и социализации, обряды «перехода», конфликты и диалог поколений в семейной культуре славян и евреев, термины свойства, семейное право и его отражение в традиционной культуре, образ семьи в разных жанрах фольклора и литературы. Эти проблемы составляют неотъемлемую часть традиционной культуры, коррелируют с системой ценностей этнических и конфессиональных традиций и продолжают тему диалога поколений, начатую на конференции, прошедшей в 2009 г.

В конференции приняли участие 42 докладчика из Австрии, Белоруссии, Германии, Израиля, Латвии, Польши, России, Чехии, Франции, в том числе пять сотрудников Института славяноведения. На первом заседании состоялась презентация выпуска ежегодника академической серии «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия», основанного на материалах прошлогодней встречи «Вещь – символ – знак в славянской и еврейской культурной традиции» (под ред. С.Н. Амосовой, О.В. Беловой (отв. ред.), А.И. Грищенко, И.В. Копченовой, В.В. Мочаловой, М.В. Ясинской. М., 2019).

Конференцию открыли доклады, посвященные отражению концепта семьи и семейных ценностей в искусстве и материальной культуре. *Дильшат Харман* (РГГУ, Москва) рассказала о причинах возникновения мотива «семьи за столом» в еврейских рукописях конца XIII–XV вв., его иконографических вариантах, символическом и культурологическом значении. *Сергей Грунтов* (НАН РБ, Минск) рассмотрел трансформацию традиции указания на родственников умершего наряду с его именем («собрание семьи») в надгробных католических и еврейских эпитафиях на материале исследования белорусских кладбищ XIX–XX вв. *Юлия Лейбенсон* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь) на основе материалов собственного исследования старшего еврейского некрополя в Симферополе показала отражение «голоса семьи» в билингвальных эпитафиях: перечисление родственных связей, обстоятельств смерти и формульного и неформульного выражения скорби.

Следующий тематический блок объединил доклады по семейной культуре славян на материалах устной истории, фольклора, лингвистики, в обрядовых практиках. *Сергей Алпатов* (МГУ, Москва) систематизировал, с одной стороны, частные образные и идейные мотивировки катастрофических событий фольклорных нарративов на сюжет ATU1343* The Children Play at Hog-Killing, а с другой стороны, глубинное сходство и качественные различия в интерпретациях родительского греха, предлагаемых рассказчиками разных этноконфессиональных традиций. *Валентина Запорожец* (РУДН, Москва) проследила сохранность и адаптационную трансформацию нетрадиционных практик на примере жизни и деятельности членов семейного

клана народных целителей (по материалам полевых исследований 2000–2001 гг. в Ярославской области). *Марина Кляус* (ИЭА РАН, Москва) представила результаты исследования брачно-семейных и межпоколенческих отношений болгар-переселенцев Российской империи XIX – начала XX в. Совместный доклад *Ксени Климовой* (МГУ, Москва) и *Елены Узеньвой* (ИСЛ РАН, Москва) показал влияние исторических, политических и экономических факторов на динамику семейных ценностей у славян-мусульман («помаков») Северной Греции. *Ирина Качинская* (МГУ, Москва) рассмотрела систему родства по браку и инвентарь терминов свойства, представленных в архангельских говорах. *Петр Якимов* (Оренбургский государственный педагогический ун-т, Оренбург) предпринял попытку охарактеризовать особенности происхождения лексем, входящих в лексико-семантическую группу «Семья и семейный уклад» в оренбургских говорах (на материале «Оренбургского областного словаря» Б.А. Моисеева), и определить особенности тюркского влияния на культуру, быт и семейный уклад жителей Оренбуржья. *Андрей Мороз* (РГГУ, НИУ ВШЭ, Москва) посвятил доклад формированию современного культа идола «Пестуна» (экспонат музея в г. Себеже Псковской области), важными составляющими «мифологии» которого являются исцеление от бесплодия и дарования детей. *Артем Крестьянинов* (КФУ, Казань) рассмотрел брачно-семейные отношения в Рябиновом согласии в первой половине XIX в. на основе архивных следственных дел Государственного архива Республики Татарстан

Тема семьи в книжной культуре древности, художественной и мемуарной литературе была представлена семью докладами. *Ури Гершович* (ИСАА МГУ, СПбГУ, Москва) провел параллель между разводом мужчины и женщины, описанным во Второзаконии (гл. 24) и талмудической литературе, и разладом между народом Израиля и Богом, выраженным в разрушении Второго Храма. *Екатерина Кузнецова* (Ун-т Регенсбурга, Берлин) рассмотрела развитие образа еврейской семьи у классиков и модернистов литературы на идише (Ш.-Я. Абрамовича, Шолом-Алейхема, Д. Бергельсона, И. Кипниса). *Галина Элиасберг* (РГГУ, Москва) проследила историю межпоколенческого конфликта, связанного с ассимиляционными процессами, и семейных взаимоотношений Полины Венгеровой и ее потомков по мемуарным и эпистолярным текстам рубежа XIX–XX вв. В центре доклада *Георгия Прохорова* (ГСГУ, Коломна) – анализ амбивалентного изображения еврейской семьи и семейных ценностей в мемуарной литературе выкрестов XIX в. на примере текстов А. Ковнера, В. Нахласа и Я. Брафмана. *Николай Драйер* (Ун-ет Бамберга, Альтдорф-бай-Нюрнберг) находит в исторических романах писателей XIX в. Б. Ауэрбаха, М. Ринга и Л. Филиппсона отображение современных авторам проблем модернизации и ассимиляции еврейского общества, а в изображении еврейской семьи – попытку спасения традиционных еврейских ценностей в эпоху перемен. *Владислав Зеев Слепой* (Ун-т Зальцбурга, ун-т Галле, Лейпциг) рассмотрел переосмысление концепта еврейской семьи в еврейско-немецкой нео-ортодоксии XIX – начала XX в. на примере произведений лидеров этого течения С.Р. Гирша, Р. Бройера и Й. Карлбаха. *Виктория Мочалова* (ИСЛ РАН, Москва) посвятила доклад семейной саге И. Ольчак-Роникер «В саду памяти», в которой отразилась история известной польско-еврейской семьи, ставшей неотъемлемой частью польской культуры и не утратившей своей еврейской идентичности.

Блок докладов, посвященный образу семьи в еврейском фольклоре, открыл доклад *Валерия Дымшица* (ЕУСПб, Санкт Петербург), представивший на основе полевых записей, мемуарной и художественной литературы свадьбу как ключевой социальный регулятор в традиционной еврейской общине; докладчик проследил влияние модернизационных процессов на изменение свадебных ритуалов. В сообщении *Марины Гехт* (Музей «Евреи в Латвии», Рига) шла речь о локальных особенностях детских игр евреев Латвии, их отличиях от игр евреев других регионов, а также параллелях с традиционными играми иноэтнических соседней. *Мария Каспина* (РГГУ, Москва) обратилась к образу жены Рыбницкого ребе Хаима-Занвля Абрамовича – ребецн Сурки, выступавшей в роли прижизненного и посмертного посредника в культе праведника. *Светлана Погодина* (Латвийский ун-т, Рига) рассмотрела практики современного имянаречения у горских евреев города Дербента и близлежащих сел на основе материалов полевых экспедиций центра славяно-иудаики Института славяноведения в Дагестан в 2018–2019 гг. *Светлана Амосова* (ИСЛ РАН) продолжила тему имянаречения, остановившись на правилах выбора имени и изменения имен у советских евреев. *Лариса Привальская* (независимый исследователь, Москва) представила собственную классификацию семейных мотивов в еврейских анекдотах на идише, опубликованных в сборниках начала XX в. в Восточной Европе и Америке.

Большой блок докладов рассматривал семью и семейные отношения в контексте изучения еврейской идентичности в современном мире. *Любовь Дерябкина* (КубГУ, Краснодар) представила исследование дискриминационного отношения к чайлдфри и «позднему» материнству

в Израиле со стороны членов русскоговорящей общины. *Марина Давыдова* (РГГУ, Москва) попыталась выяснить, каким религиозным практикам следуют родители в России при формировании еврейской идентичности своих детей. *Елена Носенко-Штейн* (ИВ РАН, Москва) рассмотрела роль семьи среди последователей реформистского иудаизма в современной России, стремясь выявить ее роль в конструировании еврейской идентичности и специфику соблюдения ритуалов. *Наталья Киреева* (РГГУ, Москва), *Любовь Чиркина* (НИУ ВШЭ, Москва) изучили стратегии сосуществования еврейской и славянской традиций в смешенных браках в позднесоветский и постсоветский периоды на территории Приднестровья и Молдовы на основе полевых материалов 2017–2019 гг. В совместном докладе *Александра Полян* (ИСАА МГУ, Москва) и *Екатерина Карасева* (независимый исследователь, Санкт-Петербург) показали попытку конструирования новой традиции под видом старой на основе исполнения заповеди «ахнасат кала» (введение невесты под хупу) в современной еврейской общине в России. *Варвара Редмонд* (Варшавский ун-т, Варшава) рассмотрела эволюцию нарративов о законах о ритуальной чистоте и микве в современной ультраортодоксальной еврейской общине с точки зрения женского восприятия. *Галина Зеленина* (РГГУ, Москва) представила текст доклада, посвященного динамике отношения к еврейским корням и семейному прошлому в различных нарративах позднесоветского и постсоветского периодов. *Дарья Веденяпина* (Сорбонна, Париж) попыталась определить роль семейной трансмиссии в конструировании идентичности российскими евреями поколения 20–40-летних на основе исследований среди членов Московской и Санкт-Петербургской еврейской общины в 2018–2019 гг.

Исторический блок докладов охватывал значительный период – с конца XVII в. до первой половины XIX в. – и затрагивал проблемы семьи и родственных отношений, конфликта и диалога поколений в еврейском обществе. *Анежка Гребикова* (Карлов ун-т, Масариков ин-т – Архив АН ЧР, Прага) попыталась показать семейные связи знаменитого российского политического деятеля еврейского происхождения Петра Павловича Шафировова. *Дмитрий Фельдман* (РГАДА, Москва) на основе архивных и мемуарных источников начала XIX в. обратился к теме конфликтов в еврейских семьях Российской империи вследствие ухода девушек из семьи и их крещения, рассматривая эти факты в контексте русско-еврейского диалога, интенсивного взаимодействия двух культурных традиций. *Дмитрий Прохоров* (КФА им. В.И. Вернадского, Симферополь) представил обзор и классификацию документов органов караимского конфессионального самоуправления в Крыму о смешанных браках, отражающих процессы внутриобщинных трансформаций, происходивших на фоне конструирования караимами своей этнической и конфессиональной идентичности в середине XIX – начале XX в. Доклад *Максима Гаммала* (ИСАА МГУ, Москва) был посвящен новым данным о биографии ведущего галахического авторитета караимов Крыма во второй четверти XIX в. Авраама Луцкого и жизни его семьи. *Дмитрий Нечипорук* (ТюмГУ, Тюмень) рассмотрел семейные истории иммигрантов из Российской империи, сумевших успешно адаптироваться к конкурентной жизни в США, но сохранивших в той или иной степени свою еврейскую идентичность в конце XIX – начале XX в. *Юлия Ленъ* (Музей «Евреи в Латвии», Рига) проследила процесс советизации еврейских детей и молодежи и его последствия в 1920-е годы на примере города Бердичева. *Демьян Валуев* (СмоЛГУ, Смоленск) сделал попытку реконструкции последствий «лишенчества» для семейных связей и отношений между поколениями в среде русского и еврейского населения Смоленщины, чтобы понять особенности трансформации традиционной культурной среды в эпоху радикальных политических и социальных перемен.

В 2020 г. по материалам конференции выйдет одноименный том статей в ежегоднике академической серии «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия».

© 2020 г. *И. В. Конченова*
students@sefer.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0009523-8

ARTICLES

<i>Sokolovskaya O.V.</i> (Moscow). The republican movement in the state development of the Kingdom of Greece in the nineteenth and early twentieth centuries (interaction of the republican ideas in Russia and Greece).....	3
<i>Savich A.A.</i> (Brest). Byelorussian–Polish contradictions in the Communist movement in Western Byelorussia in the 1920s and 1930s: historiography and research perspectives	15
<i>Stankov N.N.</i> (Moscow). Soviet representative in Czechoslovakia Pavel N. Mostovenko against the Komintern emissaries (June 1921 to February 1923)	24
<i>Kirchanov M.V.</i> (Voronezh). The policy of «purification» of the Croatian language in the Independent State of Croatia in the early 1940s: origins, forms and the outcome	33
<i>Noskova A.F.</i> (Moscow) On the history of the Soviet-Polish negotiations in the autumn of 1956: proletarian solidarity and geopolitical determination	43
<i>Ulunyan Ar.A.</i> (Moscow). European members of the CMEA and the Third World: economic assistance in the estimation of the CIA in 1965–1975	64
<i>Mikhalev O.Yu.</i> (Voronezh). The emergence and initial period of the activity of the Social-Democratic Party of the Polish Republic (1989–1991)	78
<i>Pilipenko G.P.</i> (Moscow). Discursive practices in the language of Ukrainians in Bosnia and Herzegovina.....	89

ESSAYS

<i>Parfiriev D.S.</i> (Moscow). «In the spirit of loyalty to Russia»: an unanswered memorandum of Volodymyr Stepankivs'kij	104
<i>Gras'ko A.V.</i> (Moscow). «I am very drawn to Russia...»: «Russian motifs» in the letters of Julius Zeiler to Alois Kashpar	111
<i>Shat'ko E.V.</i> (Moscow). Plot motives in the work of Milorad Pavić (on the example of the novels «The Inner Side of the Wind and «Second Body»).....	118

REVIEWS

<i>Pakhomova L.Yu.</i> К.В. Мельчакова. Босния и Герцеговина в российской общественно-политической жизни в 1856–1875 гг.	125
<i>Matveev G.F., Matveeva E.Yu.</i> Н.Н. Мезга. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния.	129
<i>Ambroziak T.</i> Россия и Польша: преодоление исторических стереотипов. XIV–XVIII вв. Пособие для учителей истории	132

SCOLARLY LIFE

<i>Kopchenova I.V.</i> Conference «The concept of family in the Slavic and Jewish cultural tradition»	134
---	-----

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В программу, помимо обязательных курсов, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).